

История науки:
Введение в методологию гуманитарного
знания

курс лекций

Оглавление

<i>Введение</i>	11
Специфика и цели курса	14
Обоснование тематики лекций и логика их последовательности.	20
Характеристика собственной гносеологической позиции при составлении курса лекций: прагматистский релятивизм и герменевтика	24
<i>Лекция 1 Модель методического (научного) знания. Фрэнсис Бэкон и Рене Декарт. Понятия предметной, философской и гуманитарной познавательных установок</i>	
28	28
Разработка представления о формальных критериях качества знания	28
Декарт: сомнение, когито, доказательность.....	31
Понятие методологической дистанции	33
Импlications декартовского представления о познании	34
Ход мысли Декарта – «исходная логическая модель европейской теории познания».....	35
Понятия предметной стратегии, философского познавательного интереса и гуманитарного знания.....	37
<i>Лекция 2 Складывание модели новоевропейского гуманитарного знания</i>	
41	41
Изменения в образе жизни европейских интеллектуалов XVI – XVIII веков	42
Попытки реализации декартовских стандартов доказательности в гуманитарном знании.....	45
Концепция Джамбаттиста Вико: первая попытка разработать методологию специфического – нетождественного естественнонаучному – гуманитарного знания.....	47
<i>Лекция 3 Основные линии развития задноевропейской гносеологии в XVIII веке</i>	
52	52
Оформление основных направлений европейской философской и гуманитарной мысли в XVIII веке	53
Складывание релятивистской традиции. Дэвид Юм	54

Просвещение, доверие Разуму и увеличение критической дистанции между исследователем и предметом.....	55
Концепции Иоганна Готфрида Гердера и Вильгельма фон Гумбольдта: между Просвещением и романтизмом	58
Иммануил Кант о возможности объективного познания	60
<i>Лекция 4 Философски-спекулятивная составляющая гуманитарного знания.....</i>	<i>64</i>
Кант о необходимости учитывать субъективную сторону познания	64
Вариант ответа на кантианские сомнения – логическая гипотеза Георга Вильгельма Фридриха Гегеля	66
Характеристики теории Гегеля как модели «умозрительной стратегии» гуманитарного исследования.....	68
Теория Маркса как пример умозрительной стратегии (рассуждение «практика – критерий истины» и понятие «отчуждения»)	71
Резюме: общая характеристика «умозрительной стратегии» гуманитарного исследования	73
<i>Лекция 5 Позитивизм</i>	<i>75</i>
Политический и социальный контекст первой половины XIX века	75
Огюст Конт и его концепция знания	76
Рекомендации по технологии позитивистского исследования	78
Критика презумпций позитивизма. Логика трансформации позитивизма в XX веке	79
Этика и социология позитивистского гуманитарного знания. Кумулятивность как ключевая (социальная и когнитивная) характеристика позитивизма	80
<i>Лекция 6 Романтически-интуитивистская стратегия гуманитарного знания.....</i>	<i>82</i>
Метафизика Артура Шопенгауэра – иррационалистическая модификация ответов Гегеля на вопросы Канта	83
Проект Вильгельма Дильтея: как может выглядеть методология, опирающаяся не (только) на разум	84

Рекомендации к технологии герменевтического исследования....	86
Почему при помощи герменевтической методологии могут быть достигнуты относительно объективные результаты: направленность на Другого, «техника личной гениальности», концепция конгенитальности.....	86
Резюме: герменевтическая программа гуманитарного знания	91
<i>Лекция 7 Неокантианская модель гуманитарного знания</i>	93
Неокантианство и «классические стратегии» гуманитарной гносеологии.....	93
Исследовательская деятельность как субъективное полагание смысла в хаосе материала.....	94
Взаимосвязь конструкций «ценности» и «культуры».....	97
Технология неокантианского исследования: различение культуры и природы, идиографического и номотетического методов.....	98
<i>Лекция 8 Методологическая концепция Макса Вебера (1864 – 1920)</i>	101
Сильная черта методологии Вебера – осознание «односторонности» создаваемых конструкций и ее инструментализация.....	101
Вебер и его методология на фоне позитивизма и неокантианства	102
Ключевая категория методологии Макса Вебера: идеальный тип	103
Специфика теоретического статуса идеального типа	106
«Понимающая социология» Вебера. Понятие «социального действия» и разработка шкалы социальных действий при помощи идеально-типической методологии	107
Переосмысление представления о науке.....	109
<i>Лекция 9 Прагматизм</i>	112
Прагматистская трансформация позитивистских принципов	
Чарльзом Сандерсом Пирсом.....	113
Уильям Джеймс и снятие жестких границ между данными органов чувств, сомнениями и «ясным теоретическим знанием».....	114

Джон Дьюи: инструментализм и его импликации для (гуманитарного) исследования.....	117
<i>Лекция 10 Неопозитивизм</i>	122
Теория познания в начале XX века. «Карта гносеологии» и удобство выделения определенных «полюсов» – например, аналитической (неопозитивистской) программы	122
Технологические рекомендации неопозитивизма	124
Критика неопозитивизма: выявление внутренних логических противоречий	127
Распространение неопозитивистской методологии на гуманитарное исследование: пример «теории охватывающих законов» Карла Густава Гемпеля	128
<i>Лекция 11 Теория фальсификации Карла Поппера</i>	131
Карл Раймунд Поппер: критика верификационизма, модель сравнения теорий и критерий погрешимости	132
Теория фальсификации и возможность отделить научное знание от ненаучного	133
<i>Лекция 12 Социология знания</i>	136
Социология знания и ее значение для гуманитарной гносеологии середины XX века	136
Исходная модель социологии знания – конвенционализм. Две основные логики социологии знания	137
Концепция «этоса науки» Роберта Мертона	138
Карл Манхейм. Ориентированная на гносеологию социология знания: различие идеологии и ноологии, понятие стилей знания	140
Социология знания Томаса Куна: понятия «научной революции» и «парадигмы»	142
Послекуновская социология знания: расширяющее и сужающее понимание парадигмы и научного сообщества	145
<i>Лекция 13 Интуитивистская стратегия в XX веке</i>	147
Общая характеристика герменевтической методологии	147
Герменевтика – изучение не «бытия» и «законов», но феноменов, экзистенции и языка	149

Ханс-Георг Гадамер: «вечно длящаяся традиция интерпретации»	151
Переосмысление в герменевтике представлений о характере получаемого знания.....	153
<i>Лекция 14 «Эра подозрения». Развитие критической позиции в гуманитарной гносеологии Пример реализации стратегий подозрения в гуманитарном знании: психоанализ.....</i>	<i>155</i>
История критической установки в методологии гуманитарного знания в XVIII – XIX веках	156
Специфика «эры подозрения» как установки гуманитарной методологии	157
Марксистские конструкции «идеологии» и «инструментального разума»	160
Фридрих Ницше: проект переоценки морали.....	163
Фрейдистская конструкция бессознательного и ее использование при анализе индивида и культуры	164
Психоанализ как мировоззрение или инструмент преобразования общества	168
Методологические импликации психоанализа как стратегии эры подозрения	169
<i>Лекция 15 Структурализм.....</i>	<i>172</i>
Общая характеристика структурализма	172
Распространение структурализма на антропологию. Технология структуралистского исследования	175
<i>Лекция 16 Мишель Фуко (1926 – 1984) и дискурсивный анализ</i>	<i>179</i>
Специфика Фуко в истории «гуманитарного подозрения»	181
Исследование эпистем и дискурсивных позиций; конструкция непроницаемости дискурсов	182
Надежда на освобождение от принудительности смысла	186
<i>Лекция 17 Постструктурализм.....</i>	<i>189</i>
«Структура – это поломка». «Размыкание структуры в контекст»	191

Постструктурализм и традиция критики власти	194
«Насыщенное описание»: зависимость значения от контекста и отказ от монистических объяснений	197
Антирепрезентационизм Жака Деррида	202
История литературы Ролана Барта	204
<i>Лекция 18 Постмодернизм</i>	208
«Концентрическая» характеристика постмодернизма	209
Кластеры постмодернистской идеологии: деконструктивизм и интертекстуальность	210
Постмодернистская чувствительность	212
Постмодерн: ситуация в обществе и науке	216
<i>Приложения к тексту лекций курса «История науки: Введение в методологию гуманитарного знания»</i>	222
<i>Приложение 1 Планы лекционных занятий</i>	228
<i>Приложение 2 Планы семинарских занятий</i>	259
<i>Приложение 3 Список литературы к курсу по методологии гуманитарного знания. Список электронных ресурсов (включая сайт: www.aperlov.narod.ru)</i>	279
<i>Приложение 4 Указатель терминов, имен и объяснительных конструкций к курсу лекций «История науки: введение в методологию гуманитарного знания»</i>	294
<i>Приложение 5 Схемы</i>	306

Введение

Этот курс лекций читался и дорабатывался на протяжении нескольких лет преподавания в Институте Европейских Культур¹ – учебном заведении, специализирующемся на предоставлении второго высшего образования. Студенты ИЕК, как правило, уже имеют диплом, защищенный по одной из гуманитарных специальностей, определенные знания в области философии, а также самостоятельные исследовательские интересы. Особенности работы с такой аудиторией повлияли на постановку задач, которые решались в этом курсе, на выбор приоритетных сюжетов и на способы представления материала².

Эта подборка лекций и сопровождающих их ресурсов адресована людям, начинающим осуществлять собственные гуманитарные исследования, студентам и аспирантам, – тем, кто знаком с философией как дисциплиной, но не собирается заниматься ею профессионально. Для таких читателей «подробное» или «правильное» философское знание менее актуально, чем умение в нем самостоятельно ориентироваться. Основная цель курса – помочь им выработать это умение, которое становится более эффективным, если сопровождается еще и желанием думать «философски» и «методологически». Подобная «сверхзадача» выполнима только при соблюдении ряда условий и нуждается в параллельной «настройке» курса лекций и читательского внимания. За годы преподавания мне много раз приходилось объяснять самым разным студентам, какие цели преследует этот курс и почему он построен именно так. Самими удачными, с моей точки зрения, из этих накопленных предувещаний и оправданий я бы и хотел сейчас поделиться.

¹ См. сайт Института: <http://www.iek.edu.ru>

² С некоторыми изменениями курс читался также студентам факультета музеологии РГГУ, слушателям Академий и блок-лекций в университетах – членах Международного Консорциума по изучению Европейских Культур (см. <http://www.iek.edu.ru/info/consort.htm>).

Предлагаемое Введение состоит из двух совершенно не одинаковых по размеру и содержанию «версий». «Краткая версия» (отсюда и, скажем так, – до первого подзаголовка) обращается к потенциальному читателю / студенту и предваряет основной текст курса лекций самым лаконичным и, по возможности, простым образом. Этому не встречающемуся в живой природе, но якобы неискушенному (в методологии гуманитарного знания) читателю я хочу сказать только следующие несколько фраз:

- *..Я обещаю.* Цель предлагаемого курса – научиться говорить о теоретических (чаще всего, философских и методологических) текстах; овладеть теми словами и способами их связывать, которые помогают понимать содержание этих текстов и сопоставлять их друг с другом. Умение на основе анализа смыслов, как выраженных, так и подразумеваемых в чужих сложных работах, опознавать некоторые наиболее характерные способы переходить от одного тезиса к следующему, от данных к теории, очень полезно. Оно пригодится как для того, чтобы создать в своем сознании определенную карту методологии гуманитарного исследования (которая непременно будет впоследствии исправляться и уточняться), так и для того, чтобы начать прокладывать или хотя бы осознать на этой карте свой собственный маршрут.

- *..Я предупреждаю и приношу свои извинения.* Этот курс лекций, с одной стороны, похож на многочисленные учебные тексты по истории философии и, с другой стороны – отличается от них. Похож, прежде всего, словарем и материалом: одиннадцать лет назад, когда я начинал преподавать этот курс, я понимал его как «историю философии для гуманитариев». Не похож – тем, что я разрешал себе: 1) пренебрежение некоторыми историко-философскими деталями ради создания более последовательной схемы, в которую можно было бы уложить историю гуманитарной гносеологии; 2) по временам довольно свободное обращение с терминами и объяснительными конструкциями. Для меня более важно, «как много студент будет думать во время освоения этого курса», чем «что именно он будет знать к экзамену». Поэтому моей целью было пытаться создавать и поддерживать регулярное напряжение: между непониманием или недопониманием при чтении отдельных сюжетов (заставляющими задавать вопросы и самостоятельно выбирать между разными вариантами ответов) и непременным по-

ниманием предлагаемой концепции в конце каждой лекции. Я прошу прощения за то, что предлагаю студенту (напомню, «неискушенному») совершать регулярное мыслительное усилие и верить, что у внешне непонятого фрагмента (моего текста или текста первоисточника) есть смысл. Однако я обещаю, что этот смысл есть и до него можно добраться – хотя с ним совершенно не обязательно соглашаться.

Развернутая версия Введения, скорее, полезна для преподавателя, ведущего аналогичный курс, или для читателя, обладающего собственной картиной истории философии в перспективе гуманитарного знания. Я чувствую себя обязанным объяснить такому читателю, почему моя соответствующая картина, может быть, отличается от той, которую он для себя уже выработал. Кроме того, мне хочется предвосхитить множество наиболее вероятных (из тех, которые я уже слышал или могу себе представить) возражений и упреков и, собрав мои ответы на них в одном блоке и поставив этот блок в начало курса лекций, получить возможность сказать: «Вас же об этом предупреждали!». Гипотетический студент или коллега при желании может пропустить предлагаемое развернутое Введение. Однако для тех, кого не будет отпугивать ни моя оправдывающаяся интонация, ни сложность синтаксиса, в этой более подробной версии я собираюсь:

- 1) обосновать специфику данного курса по отношению к другим программам по истории и философии науки и истории философии;
- 2) обозначить основные учебные цели;
- 3) объяснить некоторые специфические черты курса – прежде всего, намеренное «легкомыслие» в обращении с философским языком;
- 4) пояснить логику выбора тем и последовательность лекций;
- 5) указать на концептуальные ограничения собственной позиции и на возможные направления использования данного текста исследователями-гуманитариями.

*Специфика и цели курса***Методология гуманитарного знания как специфический ракурс истории гносеологии**

Подзаголовок курса – «Введение в методологию гуманитарного знания» – не утверждает самостоятельное существование нового предмета исследования и преподавания. С его помощью лишь обозначается специфический угол видения традиционного материала учебных курсов: истории социально-гуманитарных наук и истории философии.

Придумывая и подготавливая свои лекции, я задавал себе простой вопрос: что мне как исследователю-гуманитарию полезнее и интереснее всего из знакомого мне корпуса истории философии? Поэтому подбор имен в лекциях вполне привычен для читателя, изучавшего историю философии Европы Нового времени; сам же способ рассуждения о содержании и предпосылках концепций ориентирован на то, чтобы балансировать между «Историей западной философии» Б. Рассела, «Идеей истории» Р. Дж. Коллингвуда и «Словами и вещами» М. Фуко. Логика, стремящаяся связать Р. Декарта, И. Канта и А. Шопенгауэра с К.Г. Гемпелем, Х.-Г. Гадамером, Р. Рорти или Ж.-Ф. Лиотаром, не может не быть (историко-) философской логикой. Однако в этом курсе не ставилась задача целостной интерпретации взглядов каждого автора в контексте его времени. Скорее, любой из них дорог мне как персонификация выбора определенного маршрута на «вечной» карте проблем познания.

Ради изображения панорамной картины «диалога абстрактных позиций» придется жертвовать детальной проработкой промежуточных звеньев или даже полемикой с напрашивающимися и законными возражениями. Упомянутый образ «вечной философии» чрезвычайно условен: созданный в определенных культурно-исторических обстоятельствах, он является результатом предпочтения одной гносеологической позиции другим. Ниже будут более подробно освещены координаты, в которых методология гуманитарного знания и история философии выглядят примерно так же, как и в предлагаемом курсе лекций. Но перед этим я обращаю внимание на то, что отличает данный учебный курс от более традиционных программ изучения истории фи-

лософии и социально-гуманитарных наук. Это отличие связано не с содержанием и акцентами в концепции, но с пониманием самих целей преподавания.

Методология как осознанный выбор исследователя – к чему стремиться и от чего, ради этого стремления, отказываться

Мне было бы приятно, если бы я мог сказать: «В курсе ставится задача представить такой-то набор методологических и философских программ... Каждая из них пригодна для решения определенных классов исследовательских проблем и работы с определенными типами источников». Однако предлагаемый курс меньше говорит о достоинствах тех или иных платформ гуманитарного исследования, чем об их недостатках, или, скажем мягче, односторонностях. Выбирая герменевтическую, позитивистскую, психоаналитическую или постмодернистскую методологию, исследователь заведомо отказывается отвечать на целые группы вопросов или даже признавать, что эти вопросы могли бы быть заданы ему и его материалу.

Собственно, задача «Введения» к диплому или к монографии отчасти и состоит в том, чтобы подсказать читателю, стоит ли ему обращаться к данному тексту, и оговорить те вопросы, на которые автор отвечать не собирается. И вполне практическая, ожидаемая академическим сообществом польза от курса лекций по «методологии гуманитарного знания» – научить будущего исследователя видеть свою работу со стороны. Научная коммуникация основывается не только на том, что читатели ищут для себя полезную литературу, но и на том, что авторы ищут для себя «методологически совместимых» читателей и экспертов, а «методологически альтернативных» пытаются вежливо и заблаговременно отговорить от знакомства со своими исследованиями.

Однако исследователь заинтересован не только в том, чтобы соответствовать требованиям научного сообщества. Знание, на какие вопросы можно ответить, используя конкретный арсенал методов, за которым стоит определенное философское представление, а какие проблемы не решаются средствами этого арсенала¹, нужно гуманита-

¹ Допустим, позитивизм никогда не «раскроет» сущность философии, но зато он способен пояснить логическими и синонимическими рядами, как опреде-

рию даже не для того, чтобы обмануть или удовлетворить «внешнего цензора». В первую очередь, это необходимо, чтобы воспитать и уважать в себе профессионала – человека, который существует в мире, где новое знание достается не даром и не всем, а только ценой определенных, вполне осознаваемых и нуждающихся в продуманной организации усилий. Наконец, способность самостоятельно понимать, какие проблемы могли остаться незатронутыми в только что завершеном исследовании, как правило, делает шире круг вопросов, задаваемых самому себе в следующих работах.

В то же время такое знание приобретает ценность только тогда, когда начинающий исследователь становится по-настоящему самостоятельным и воспринимает свою деятельность не как обязанность, а как право. В этом случае он уже не ищет методики, которая отвечала бы установленным извне правилам или камуфлировала бы возможное несоответствие им, позволяя отклонить претензии проверяющих. «Методология» становится интересной после того, как человек задает вопросы себе самому: «Чем отличается мое хорошее исследование от моего плохого?», «Какое право есть у меня исследовать то, что я изучаю, и так, как я это изучаю?». Если научная работа воспринимается как обязанность, знание о том, к каким позициям ближе всего свои собственные, остается механическим и, по большому счету, избыточным.

Итак, основная учебная цель данного курса состоит в том, чтобы укрепить у начинающих исследователей-гуманитариев навыки методологической рефлексии в отношении своих текстов и, шире, – привычных для них способов мыслить. Исследование всегда понимается как определенный выбор, предпочтение, осуществляемое ученым. Хотелось бы, чтобы эти приоритеты выбирались максимально осознанно, с принятием в расчет тех методологических импликаций и дефицитов, которые влечет за собой неминуемая односторонность любой возможной позиции. Чтобы такая рефлексия была возможна, необходимо познакомиться с некоторыми самыми характерными программами, известными в истории гуманитарного знания (позитивистской, интуитивистской и т.п.), что облегчит методологическую самоидентификацию

ленные авторы употребляют слова «сущность» и «философия». Знание об этом поможет значительно сэкономить силы и избежать ряда банальных ошибок.

при осуществлении конкретных исследований. Однако «умение» подвергать рефлексии собственную интеллектуальную деятельность, несмотря на всю необходимость, не более важно, чем желание это делать. Для того чтобы вызвать такое желание, нужно, прежде всего, преодолеть или хотя бы ослабить присутствующее у большинства гуманитариев презрение к философии или страх перед ней.

Философия – поиск оснований своего знания – разговор об «аксиоматическом», «недоказуемом» и «неизвестном»

Мне кажется, что философия много выиграла бы, если бы ее преподавали как иностранный язык – еще один, на котором можно говорить о мире. А язык – и современный, и «мертвый», и философский – с моей точки зрения, полезно преподавать именно как живой язык: вначале предпочитая активность беседы формальной правильности содержания, потом – исправляя часть ошибок и переходя от самых простых возможностей выразить мысль к все более изощренным.

Мой преподавательский опыт заставляет меня придерживаться мнения, что многие студенты и аспиранты избегают знакомства с философией и историей философии из-за того, что здесь легко «допустить ошибку». Однако там, где настолько проблематична «истина», «бояться ошибок» следует, наверное, не так сильно. Надежда пробудить симпатию к философии в моем представлении противоречит стремлению преуменьшать ее недостатки, заставлять ее уподобляться строгой и доказательной науке или делать вид, будто она проста и непротиворечива. В конце концов, философия привлекательна (во всяком случае, для не-специалистов) именно своей возможностью говорить «обо всем». Я не собираюсь спорить с сформировавшейся веками интеллектуальной этикой, которая провозглашает единственно достойным говорить только «о том, что знаешь». Однако я думаю, что очень важно помогать исследователям-гуманитариям, особенно молодым, говорить о том, чего они не знают¹. Намного хуже, когда

¹ Тем более, что со времен Сократа философией называется именно та область знания, в которой философским вопросом становится даже сама эта граница – граница между знанием, незнанием, знанием о собственном незнании и удивлением от того, что, оказывается, при помощи поставленного майевтического

они привыкают скрывать свое незнание, пристрастия и сомнения, вместо того чтобы прояснять их.

Можно увидеть предлагаемый курс лекций и как рассказ о том, как в истории гуманитарной гносеологии осознавалась зависимость того, что мы знаем, от того, чего (и как) мы не знаем. По-моему, полезнее отдавать себе отчет в существовании этой зависимости, чем закрывать на нее глаза. И поэтому одна из задач курса – упражнение в поиске и распознавании (на материале эксплицитно и имплицитно выраженных гносеологических концепций) таких собственных суждений, которые не основаны на достаточном фундаменте и тем не менее являются на самом деле основой и матрицей для мнений, казалось бы, значительно более фундированных. Этот навык выявления собственных оснований и понимания (вместо торопливого псевдо-покаянного признания) их относительности представляется мне чрезвычайно важным для любого гуманитария.

**Проблема «языка обучения языку» методологической рефлексии.
Ресурсы, сопровождающие курс лекций**

Итак, задача состоит в том, чтобы заинтересовать гуманитариев их собственными, пусть даже нечетко осознаваемыми, философскими предпосылками и, в разговоре об этом, научить их пользоваться лексикой и синтаксисом философии. Выбор интонации, которая, с моей точки зрения, максимально облегчает выполнение этой задачи, предопределил некоторые издержки – в частности, фамильярность тона в обращении с читателем и пренебрежение отдельными тонкостями содержания концепций.

Отчасти из-за этого намерения сблизить языки философии и обыденной жизни встречающиеся в курсе лекций термины могут вполне сознательно использоваться несколько вольно, особенно когда делается попытка показать не только, как то или иное понятие «определяется», но и «как оно работает». Строго говоря, гарантировать, что термин употребляется исключительно в том же значении, что и у построившего свою концепцию вокруг этого термина теоретика, можно лишь в

рассуждения появляются на свет мысли о том, что только что было неизвестно и непонятно.

том случае, когда повествование сопровождается сноской. Моим приоритетом являлось, скорее, полезное использование термина, нежели точное.

В какой-то мере, вольности обращения с терминами – словами и смысловыми конструкциями – могут быть компенсированы при помощи прилагающегося к тексту словника (Приложение 4). Увы, несмотря на последний, а также на шрифтовые выделения внутри текста¹, окончательная каталогизация используемого в курсе лекций терминологического аппарата может быть только утопией. Совершенно точное значение терминов едва ли может быть найдено и в других учебниках или словарях – тогда уж есть смысл обращаться к первоисточникам. Эта нечеткость является осознанной и, по-моему, неизбежной, если стремиться к тому, чтобы язык философии не учили, а практиковали – в живом языке с определенностью значений дела также обстоят посредственно. Другие вполне заметные недостатки этого издания – неразвернутость ссылочного аппарата и утрирование концепций упоминаемых в тексте философов – являются, как кажется, распространенными издержками, на которые вынужден идти автор любого учебного текста, а не исследовательской монографии. Для того чтобы компенсировать эти минусы, к лекциям прилагается список использованных источников и литературы (Приложение 3). В качестве вспомогательного аппарата приводятся также развернутые планы лекционных и семинарских занятий (краткую характеристику Приложений к тексту лекций см. в специальном Введении, с. 222).

Следует упомянуть еще один ресурс, который может быть полезен при освоении данного курса. С 2004 года я поддерживаю в относительно рабочем состоянии сайт www.aperlov.narod.ru. Во-первых, на нем размещены некоторые тексты, предлагаемые для прочтения на семинарских занятиях. Часть этих работ сосканирована студентами ИЕК разных лет, другая – взята с общедоступных Интернет-сайтов. Все эти

¹ Общим правилом является выделение курсивом термина, обладающего определенным значением в рамках направления, о котором идет речь в конкретной лекции. Конструкции, существенные в узком контексте (например, важное противопоставление) – выделяются подчеркиванием. В Приложениях используется оформление полужирным шрифтом.

тексты не предназначены для коммерческого использования. Во-вторых, в соответствующем разделе приводится подборка Power-point презентаций, сделанных мною для очного и заочного преподавания курса. Наконец, некоторые страницы сайта предполагается вести в интерактивном режиме – при помощи посетителей пополнять списки дополнительной литературы и Интернет-ссылок, а также обсуждать при необходимости на форуме различные вопросы, касающиеся содержания и преподавания курса.

*Обоснование тематики лекций
и логика их последовательности*

Выбор сюжетов этого сборника лекций определяется несколькими содержательными предпосылками. В качестве отправного пункта было выбрано оформление в европейской интеллектуальной среде представления о науке как о методическом, пошагово контролируемом процессе поиска независимой от наблюдателя истины. Возникновение этой программы (лекция 1) связывается с именами Ф. Бэкона и Р. Декарта. Представление о том, что «хорошее» знание производится, во-первых, посредством методических процедур, а во-вторых, людьми, которые специально уполномочены и обучены этим заниматься, складывается параллельно кристаллизации ключевых категорий европейской гносеологии: «объекта», «истины», «субъекта» и «объективности». Разумеется, первая лекция особенно важна с точки зрения пояснения аппарата курса и знакомства со способами рассуждения, принятыми для характеристики гносеологических концепций.

Лекция 2 посвящена Джб. Вико – фигуре, удобной для того, чтобы обозначить истоки гуманитарного знания. Вико остается в рамках картезианской картины, намереваясь сохранять методичность исследовательской процедуры и надеясь на общезначимость результатов, но впервые пытается найти внутри этой научной методичности место для человеческой субъективности исследователя. Вико же впервые нащупывает и сводит вместе ряд универсальных топосов гуманитарного знания: право исследователя судить о других людях по аналогии со своим собственным опытом; соответствующая этому праву *конгени-*

альность исследователя и предмета в гуманитарных дисциплинах. К этой конструкции единого континуума, единой среды гуманитарного исследования, которая одновременно обеспечивает и легитимирующее познание родство исследователя с предметом, и дистанцию между ними (собственно, и заставляющую осваивать при исследовании профессиональные навыки), вслед за Вико будут обращаться многие теоретики-гуманитарии. Самыми частыми именами для этой конструкции, как нетрудно догадаться, являются «история» и «язык».

В лекции 3 предлагается обзор панорамы гуманитарной гносеологии в XVIII в.: освоение арсенала критических аргументов в теории познания, установка эпохи Просвещения на доверие Разуму, предромантические ходы мысли в концепциях И. Гердера и В. фон Гумбольдта. То, как заостряет вопрос о возможностях познания И. Кант, приводит к оформлению – вместе с главными вариантами ответа, – *основных стратегий гуманитарного знания*. Философско-спекулятивная стратегия (иллюстрируемая в учебном курсе примером Г.В.Ф. Гегеля – лекция 4) исходит из того, что доказательное познание возможно; эта предпосылка требует (дедуктивного) формулирования соответствующей метафизики. Позитивистская программа (лекция 5), уклоняясь от метафизики и редуцируя гносеологию до эмпиризма, пытается обеспечить качество научной работы предельной детализацией познавательной процедуры и заботится о максимальной проницаемости исследовательского пространства. Знание должно быть организовано так, чтобы оно было коллективным проектом, чтобы его можно было накапливать. Следовательно, самым характерным признаком позитивистского исследования оказывается изобилие ссылок на тех коллег и те источники, которые выдерживают организованное в соответствии с определенным формальным протоколом испытание.

В полемике с позитивизмом интуитивистская стратегия (иллюстрируемая на примере методологии В. Дильтея – лекция 6) пытается обосновать эффективность недедуктивных методов мышления. Представления интуитивистов об устройстве человеческой жизни и смыслонаделения в истории и языке лишней раз показывают, в какой мере картина мира определяется необходимостью оправдать свой способ получения знания о ней.

В курсе подчеркивается, что перечисленные стратегии редко встречаются в чистом виде. Как правило, в том или ином сочетании, переплетении и взаимоотталкивании они могут быть обнаружены в корпусе любого гуманитарного исследования. По крайней мере, эта гипотеза полезна для того, чтобы, учитывая ее дефициты, продвигаться дальше в диагностике особенно трудных случаев. Наличие позитивистских, спекулятивных, интуитивистских или критических составляющих в особенности заметно, если пристально вчитываться в ход аргументации конкретных авторов, следить за тем, как они переходят от тезиса к тезису, чередуя отсылки к внешнему материалу, логические тавтологии и озарения.

Следующий блок лекций (7 – 9) посвящен укреплению в гуманитарной гносеологии идеи о наличии единого исследуемого пространства («истории», «культуры», «языка»). Сопричастность этому пространству, легитимируя взаимодействие исследователя и объекта, появляется в гуманитарных методологических концепциях с постоянством риторической фигуры. Эта объяснительная конструкция достаточно ярко проявляется в неокантианской (лекция 7) концепции «культуры» как всего, что наделено ценностным значением \approx смыслом. Перспективы дальнейшего, прикладного развития этих взглядов обозначены в лекции о М. Вебере (8). В лекции о прагматизме (9) продемонстрированы очень близкие ходы мысли, завоевавшие популярность в США в конце XIX – первой половине XX вв.

Панорама гуманитарной гносеологии первой половины XX века (лекции 10 – 13) представляет собой спектр реакций на строгую аналитическую программу лингвистического неопозитивизма (лекция 10). В качестве варианта ее рационалистической ревизии фигурирует теория фальсификации К.Р. Поппера (11). В определенной мере ту же логику продолжает социология знания (лекция 12), несмотря на то, что она эксплицитно ставит содержание знания в зависимость не только от теоретических факторов. Однако, с другой стороны, как направление в гносеологии социология знания – исторически и логически – существует именно в полемике с неопозитивистским стандартом научности (при этом, вероятно, соответствуя его требованиям больше, чем многие другие теории, поскольку предпочитает философским рассуждениям эмпирику). Рассказ о сосуществовании и трансформациях основных

стратегий гуманитарного знания в XX веке заканчивается характеристикой интуитивизма Х.-Г. Гадамера и П. Рикера (лекция 13), утверждающих, что гуманитаристика не только не может, но и не обязана ориентироваться на естественнонаучные стандарты доказательности. В дополнение к апробированным еще в XIX столетии положениям (об иррациональности в исследовании, о первичности видимого и настоящего перед якобы подлинным, о герменевтическом круге и вечной переинтерпретации в едином континууме жизни, языка и истории) появляются новые аргументы. Прежде всего, это конструкция взаимодополнительности формально-инструментального и риторико-антропологического знания (Гадамер), структурализма и герменевтики (Рикер).

Четырнадцатая лекция¹ предлагает более подробное знакомство с историей критической стратегии в гуманитарном познании (лекцию 3 можно рассматривать как предысторию этого сюжета). Эта история прослеживается от сомнений в возможности познания у Вико, Юма и Канта вплоть до оформления логики «эры подозрения», представленной именами Маркса, Ницше и Фрейда. Подходам этих авторов свойственна сильнейшая критическая и эмансипационная установка, согласно которой искомые исследователями убедительность и логическая ясность являются на самом деле эффектами физиологического, социального или культурного порядка. Важно обратить внимание, что пафос подозрения влечет за собой изменение представлений о том, каким статусом может обладать знание, даже если его получится обрести («анализ как терапия», «практика – критерий истины»). С другой стороны, примечательно, что и марксизм, и психоанализ являются не только и не столько критическими, сколько, по характеру своего конструирования, – спекулятивными программами, способными вывести все что угодно из собственных предпосылок.

Логика «эры подозрения» связывает гуманитарную гносеологию первой половины XX века с временным отрезком после Второй миро-

¹ Объем 14-й лекции, как и 17-й, существенно превышает «среднестатистическую лекционную норму». Непосредственно в процессе преподавания эти лекции больше остальных вызывают к тому, чтобы их существенно сокращали или делили на несколько частей.

вой войны. Для разговора об этом блоке выбрана в качестве примера одна единственная линия: французский структурализм (15) – постструктурализм (17; этой лекции предшествует 16-я – о М. Фуко) – постмодернизм (18). Эта линия показывает логику нарастания релятивистского сомнения в эффективности исследования «истины». Как следствие – модифицируются исследовательские стратегии: ограничивается поле знания, которому можно доверять. Внимание обращается не столько на предмет исследования, сколько на процесс его взаимодействия с наблюдателем. В разговоре о гуманитарной гносеологии в XX веке я склонен считать самым конструктивным способом исследования разоблачение собственных построений и убеждений как сознательно, бессознательно и внесознательно сконструированных ошибок и маскировок. Подобной самокритической модели гуманитарного знания отдается явное предпочтение, и наиболее любимые мною авторы – М. Вебер, К. Поппер или М. Фуко – в своих исследованиях, как мне кажется важным подчеркнуть, часто были воодушевлены вопросом: «Почему мы ошибаемся именно таким образом?».

*Характеристика собственной гносеологической позиции
при составлении курса лекций:
прагматистский релятивизм и герменевтика*

Выбор «умеренного релятивизма» в качестве основной интонации этого курса объясняется несколькими причинами.

Во-первых, это желание компенсировать – нередко избыточную – наивность и уверенность в самоочевидности собственных методологических позиций многих молодых исследователей-гуманитариев.

Во-вторых, релятивизм (конструкционизм) очень удобен для выполнения обрисованной мною выше задачи. Я ставлю перед собой и своими читателями цель научиться говорить на языке рефлексии и главным средством этого обучения считаю упражнение в этом разговоре. Наиболее важно – чтобы такой разговор состоялся, чтобы Шопенгауэр и Фрейд начали отвечать на вопросы Канта, Гадамера и на наши собственные. В этом случае становится менее существенным, кто, собственно, задает эти вопросы и отвечает на них. Кому именно приписыва-

ются определенные вопросы и рассуждения – потенциальному читателю курса, воображаемому исследователю-гуманитарию, преподавателю или даже непосредственно персонажам истории гуманитарной гносеологии – менее важно, чем продуманность содержания и формы этих вопросов. Если осознавать свой отказ от претензий на нахождение окончательной истины, но при этом заботиться о последовательности и логичности собственного философского языка, прагматически понимаемый релятивизм становится, с моей точки зрения, весьма удачной методологией для разработки и проблематизации своих теоретических построений.

Наконец, еще одно основание для выбора моей методологии при описании и анализе чужих концепций – то, что я в значительной степени согласен с аргументами, которые позволяют видеть историю гуманитарной гносеологии прошлых веков как эпоху подготовки релятивизма. Когда не существует (и уж точно – не известна и не признана) «правильная методология описания методологии» (и точно так же нет возможности предъявить один из вариантов гуманитарной гносеологии в качестве заслуженно доминирующего), кажется оправданным выбрать более сдержанный и самокритичный путь. По отношению к каждой конкретной методологии ставится цель продемонстрировать ее условность, ограниченность определенными исходными когнитивными и социальными установками, ее внутреннюю логическую противоречивость или, по крайней мере, недостаточность. Мне хотелось бы верить, что, после того как читатель овладеет материалом курса, у него будет возможность выбирать между недостатками разных методологий, что, с моей точки зрения, предпочтительнее, нежели горизонт, ограниченный достоинствами какой-либо одной программы.

Вышеописанная склонность к релятивизму не отрицает наличия определенных содержательных связей с другими философскими концепциями, особенно в понимании проблемы определения гуманитарного знания. Я исходил из подхода, близкого к герменевтике: под гуманитарным знанием понимается пространство, в котором полюс философской саморефлексии (в том числе и об условиях познания) и придания значимости субъективным и экзистенциальным факторам обладает влиянием, сопоставимым с влиянием полюса предметной

объективности. В свою очередь, за этим пониманием стоит представление о том, что конфигурация, ключевыми категориями которой являются «истина», «субъект» и «объект» (подробнее см. лекцию 1), оказывается отправной моделью классической европейской гносеологии. Это обуславливает ключевую для логики курса гипотезу о том, что попытки сперва разрешить, а затем отменить субъект-объектное противоречие и составляют на самом деле главную линию развития европейской гуманитарно-методологической мысли.

Я очень хорошо понимаю, что эта точка зрения недостаточно доказана и ни в коем случае не является единственно возможной. В предлагаемом тексте не ставится цель достигнуть иных горизонтов, в перспективе которых эта оптика будет представлять лишь частным вопросом методологии гуманитарного знания. Стоит еще раз повторить и то, что установка на систематизацию историко-гносеологического материала с релятивистских позиций является, в значительной мере, ценностным выбором. Осознавая эту (необходимую, с моей точки зрения) концептуальную ограниченность, я ни в коей мере не хочу настаивать на том, что данный курс предлагает несомненное и позитивное знание. В какой-то мере эти лекции призваны дополнить существующую справочную и словарную литературу, удобство поиска информации в которой часто достигается за счет скромности в решении задач систематизации. Я пытаюсь предложить лишь один из возможных способов упорядочивания разнообразных философских знаний, присутствующих у большинства гуманитариев, не занимавшихся философией профессионально. И если у меня, при помощи относительно смелых формулировок или стиля, смешивающего обыденный язык с философскими терминами, получится спровоцировать моего читателя на то, чтобы без робости выстроить вместо моей модели свою, более удобную для его собственных исследовательских целей, – я буду считать свою задачу выполненной.

Последний раздел введения к любому научному или учебному тексту, если автору за свою работу не очень стыдно, – благодарности. Я рад тому, что могу сказать «спасибо» множеству людей, без советов, критики и подбадривания со стороны которых этот текст не был бы написан.

Разумеется, в первую очередь я благодарен студентам Института Европейских Культур, всем без исключения, «хорошим» и, в особенности, – «плохим», которые своим интересом и вниманием, невниманием и непониманием заставляли меня делать текст логичнее, доступнее, осторожнее, четче и т.д. Их реакция помогала мне определяться точнее – что же именно я думаю и что я могу и хочу сообщить аудитории.

Далее, я очень благодарен своим друзьям и коллегам: В.В. Зверевой, Б.Е. Степанову, О.М. Розенблюм, Г.И. Зверевой, Н.С. Автономовой, О.В. Гавришиной, Л.Д. Гудкову, Н.И. Кузнецовой, С.Д. Серебряному, В.П. Филатову. На разных этапах работы для меня оказывались принципиальными соображения, которые высказывались ими в адрес тех или иных положений текста. И на всех этапах мне было очень дорого то, что людям, с которыми мне выпало счастье дружить и работать, было безразлично, напишу я свой текст или нет.

И, наконец, последняя по порядку, но не по значению, благодарность – еще раз О.М. Розенблюм, которая взяла на себя огромную работу по редактированию и корректуре этого текста. Если он читается хорошо – это ее заслуга.

*Лекция 1***МОДЕЛЬ МЕТОДИЧЕСКОГО (НАУЧНОГО) ЗНАНИЯ.
Фрэнсис Бэкон и Рене Декарт. Понятия предметной,
философской и гуманитарной познавательных установок**

Выбор отправной точки для разговора о знании (сравнительно) современного типа – разумеется, условность. Я начну с эпохи XVI – XVII веков, с указания на некоторые фундаментальные перемены в европейской мысли этого времени. Далее я намереваюсь говорить о декартовском рассуждении «*cogito, ergo sum*». Его можно рассмотреть как модель представления о науке, складывающегося в Европе середины XVII в. Отталкиваясь от этого материала, я хотел бы продемонстрировать, какие интересы преследуются в рамках данного курса по методологии гуманитарного знания, наметить способы работы с историко-философской проблематикой и ввести ряд важных понятий.

*Разработка представления о формальных критериях
качества знания*

Если пытаться описывать историю европейской мысли как процесс, обладавший определенным направлением и последовательностью, то обнаружить основные отличия эпохи XVI – XVII веков от предшествовавшего периода не слишком трудно. Во-первых, мыслители Нового времени признают, что даже самые великие и непререкаемые авторы прошлого могли быть не правы. Значит, новое знание следует получать не путем истолкования классических текстов, но обретать и обосновывать заново. И – это второе важнейшее отличие – задача создания знания (не всегда, но часто) «на пустом месте», «своим умом» означала острую необходимость разработки формальных правил получения и оценки теоретического продукта.

В средневековую, теологическую, эпоху знание было связано, главным образом, с традицией. Предполагалось, что истина содержится

в книгах (в первую очередь, в обоих Заветах и в Священном Предании (трудах отцов церкви) и что процесс познания нового состоит прежде всего в истолковании смутных или противоречащих друг другу мест в корпусе канонических текстов. Иногда, особенно если речь шла об описании исторических событий, часто вступавших в противоречие с истолкованными ранее пророчествами, средневековые авторы проявляли недюжинную изобретательность; уже в IX веке были признаны четыре способа истолкования Библии. Иными словами, допускалось, что один и тот же текст может иметь несколько разных значений. Это создавало определенную гибкость при согласовании истолкований с данными опыта, и позволяло сохранять совершенно неоспоримым авторитет священных текстов. На протяжении средневековья в корпус трудов, не подлежащих оспариванию, было добавлено и множество сочинений нецерковного происхождения (прежде всего, Аристотель), но сам принцип в значительной мере сохранялся. Знание, содержащееся в канонических и тем более в священных текстах, воспринималось как совершенно бесспорное; когда мыслитель впадал в явное противоречие авторитету, ему следовало (и не только из опасения быть обвиненным в ереси) отказываться, скорее, от собственных домыслов. Если же какая-то отрасль знания была свободна от руководящих указаний великих древних, там можно было приходиться к новому представлению практически любым образом: занимаясь схоластическими рассуждениями в университетах, путешествуя по миру, получая мистические откровения или просто дожив до достаточно умудренной старости. По большому счету, средневековое знание имеет право быть полученным из любого источника, лишь бы оно не противоречило первичным догматам веры и заведомо истинному содержанию канонических текстов. Поля, в которых изыскивается это новое знание – схоластические диспуты в университетах, монастырский и отшельнический аскетизм или новый опыт мореплавателей и механиков, – практически не пересекаются друг с другом. Знакомиться или не знакомиться, соглашаться или не соглашаться с такого рода новой информацией – этот выбор остается за читателем или слушателем, который не располагает формальными правилами, подходящими к каждому случаю.

Здесь мы не будем устанавливать иерархию тех общественно-политических событий XIV – XVII вв., которые повлекли за собой из-

менение в отношении к знанию и появление науки. В Европе оформились и стали успешно развиваться национальные государства, упал престиж папства и в какой-то мере – церкви, а в XVI в. континент раскололся на католический и протестантский лагеря, что внезапно сделало относительным самые, казалось бы, незыблемые истины. С одной стороны, все эти факторы подорвали авторитет средневековой традиции в аспекте его *легитимации*, убежденности в его неоспоримой правильности. С другой стороны, добавились чисто интеллектуальные факторы. Во-первых, европейцы (в первую очередь, итальянцы при помощи эмигрантов из погибшей Византии) освоили язык и мудрость древнегреческих философов в достаточной мере, для того чтобы свыкнуться с мыслью о неединственности и спорности аристотелевской традиции. Во-вторых, Великие Географические открытия явили мыслителям новый массив знания (не только географического, но и антропологического, социального и т.п.), о котором у древних авторов ничего не было сказано. К этой теме влияния религиозного, социального и политического контекста на развитие европейской мысли XVI – XVII вв. мы еще раз вернемся в следующей лекции. Пока будет достаточно констатировать, что в это время в Европе складывается принципиально новая программа знания, предполагавшая, что знание предстоит не столько получать из уже готовых источников (т.е. реорганизовывать), сколько создавать.

Фигурой, которая прочно ассоциируется с ранним этапом этой программы, является английский писатель, изобретатель и государственный деятель Ф. Бэкон (1561 – 1626). Презумпция эмпиризма, необходимости строить знание на основании прежде всего опыта (что лучше всего достигалось посредством *наблюдения* и *эксперимента*), вела в трудах Бэкона к принципиальному признанию возможности и даже желательности разрыва с авторитетом и с традицией. Заблуждаться могли самые великие, все нужно проверить своими силами, и только такому знанию можно будет доверять. С именем Бэкона соотносят утверждение представления о том, что истинное исследование должно протекать в соответствии с продуманной последовательностью процедур. Он же в своей теории «идолов» попытался дать типологию человеческих заблуждений, мешающих истинному познанию. Эти установки в значительной мере дополняют друг друга: избавление от за-

блуждений вполне может осуществляться по определенным правилам. Таким образом, Бэкон стоит у истоков идеи о том, что «хорошее», правильное, знание должно быть как-то упорядочено, регламентировано; с его же высказываниями связывают получение словом «scientia» («знание») значения «наука», т.е. «знание организованное».

Декарт: сомнение, когито, доказательность

Декарт (1596 – 1650) делает следующий важный шаг в поиске и уточнении тех правил, в соответствии с которыми должно быть организовано знание. Он не ограничивается намерением убрать из знания ошибки определенного рода, например (как у Бэкона), предрассудки толпы или свойственную всему человечеству косность мышления. Декарт требует подвергать *сомнению* любую информацию. Если у нас получится обнаружить несомненное ядро, мы попробуем двигаться дальше – уже находясь на твердом фундаменте, при помощи строгой, дедуктивной логики доказывая каждое новое положение. В соответствии с этим механизмом Декарт (в написанной в 1637 году работе «Рассуждение о методе») строит свое знаменитое «*cogito*»: рассуждение, которое начинается с того, что единственным несомненным знанием оказывается факт исследовательского сомнения¹. Заканчивается же оно обос-

¹ «...отбросить как безусловно ложное все то, в чем мог вообразить малейший повод к сомнению; я хотел посмотреть, не останется ли после этого в моем убеждении что-либо несомненное. Таким образом, так как наши чувства нас иногда обманывают, я допустил, что нет ни одной вещи, которая была бы такой, какой она нам представляется; и так как есть люди, которые ошибаются даже в простейших вопросах геометрии и совершают паралогизмы, то, полагая, что я так же подвержен заблуждению, как и всякий другой, я отверг как ложные все основания, которые прежде считал доказательствами. Наконец, я принял во внимание, что те же представления, которые мы имеем бодрствующая, могут явиться нам и во сне, не будучи в этом случае действительностью, и решил признать все когда-либо приходившее мне на ум не более истинным, чем иллюзии моих снов. Но я тотчас обратил внимание на то, что в то время, как я хотел считать все ложным, необходимо было, однако, чтобы я, мысливший это, был чем-нибудь; заметив, что истина я мыслю, следовательно, я существую, так прочна и надежна, что самые чу-

нованием логики, Бога, морали и прочих смыслов, наиболее важных для того, чтобы, отталкиваясь от их уже установленного (по мнению Декарта, с дедуктивной несомненностью) существования и значения, можно было исследовать вещи более частные. Таким образом, Декарт формулирует основные требования к построению знания, то, что он сам называет «правилами» своего метода:

«Первое правило: считать истинным лишь то, что с очевидностью познается мною таковым, то есть тщательно избегать поспешности и предубеждения и принимать в свои суждения только то, что представляется моему уму так ясно и отчетливо, что ни в коем случае не возбуждает во мне сомнения.

Второе правило: разделить каждое из рассматриваемых мною затруднений на столько частей, на сколько возможно и сколько требуется для лучшего их разрешения.

Третье правило: мыслить по порядку, начиная с предметов наиболее простых и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые не следуют естественно друг за другом.

Последнее правило: составлять повсюду настолько полные перечни и такие общие обзоры, чтобы быть уверенным, что ничего не пропустил»¹.

Позволим себе выделить из этих правил Декарта те аспекты, которые, как кажется, имели наибольшее значение для его современников и легли в основу того, что можно было бы назвать *идеологией* рационалистической программы науки Нового времени:

1) постоянное сомнение как отношение к корпусу знания, уже имеющемуся и только поступающему;

2) *ясность* и *очевидность* представления как главный критерий истинности;

довидные предположения скептиков не были бы в состоянии поколебать ее, я заключил, что мог ее принять без опасений за первый принцип искомой философии» (Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Разыскание истины. СПб., 2000. С. 91 – 92).

¹ Там же. С. 80.

3) *доказательность* как главная характеристика способа производства нового знания.

Эти требования составляют метод – то, что отделяет науку от ненауки, ответственное знание от безответственного.

Понятие методологической дистанции

Попробуем предположить, какое представление о знании стоит за декартовской идеологией, за тем, что любое рассуждение систематически подвергается сомнению и нуждается в том, чтобы быть строго доказанным.

Исследователь не должен доверять своим впечатлениям, не должен по инерции принимать какие-либо аксиомы, автоматически разделять мнение коллег или каких-либо авторитетов. Если говорить о гуманитариях, исследователь, например, не должен быть уверен, что он действительно понимает источники. Не стоит доверять первому решению, которое приходит в голову. Представитель точных наук хотя бы с несомненностью узнает о своей ошибке, если не поедет машина или рухнет дом, – гуманитария не так просто узнать, правильно или неправильно он рассуждал. Поэтому недоверие к себе и к своей способности с ходу установить смысл текста или поступка и судить об источниках, об исторических или литературных персонажах, должно быть еще большим. Между исследовательскими данными и догадками с одной стороны и желаемым объяснением предмета исследования – с другой, существует расстояние, которое приходится преодолевать, прилагая значительные усилия. Это расстояние можно назвать методологической дистанцией. Дабы трудом одного исследователя могли воспользоваться другие, он должен стремиться по возможности безошибочно проходить этот путь. Если у него это не получается, то пусть он хотя бы объясняет, каким путем он шел, чтобы другие могли догадываться, почему он сделал именно те выводы, которые отстаивает.

Необходимо подчеркнуть, что критерий методического сомнения, способности посмотреть на свои рассуждения со стороны, весьма полезен. Он помогает отделить если не «правильное» знание от «неправильного», то, по крайней мере, профессиональное от профанного, непрофессионального.

Импlications¹ декартовского представления о познании

Стоит остановиться еще на нескольких моментах. Во-первых, именно с Декартом связывают решительное перенесение отправного пункта метафизических и этических размышлений в область сознания. В основе декартовского рассуждения о «когито», оказалась, как мы помним, именно психологическая очевидность, несомненность того, что мы сомневаемся в своем собственном мышлении и существовании, а уже из этого факта выводятся все остальные метафизические и гносеологические гипотезы. Во-вторых, исследовать любой предмет Декарт рекомендует, «допуская существование порядка даже среди тех (предметов – *А.П.*), которые не следуют естественно друг за другом»². Иными словами, сфера сознания становится более суверенной, чем ис-

¹ Слово «импликации» будет весьма полезным в рамках этого курса. Ниже оно употребляется в двух значениях: 1) (не обязательно проговариваемые автором) предпосылки его концепции; 2) последствия применения предлагаемой автором методологической программы в гуманитарном знании.

² Декарт Р. Указ. соч. С. 80.

следуемая реальность. Идеальная реконструкция вещи оказывается более доступной и соблазнительной для исследователя, чем сама вещь, по крайней мере, с точки зрения возможности познания. Наконец, Декарт очень последовательно применяет (провозглашенный еще в XIV веке У. Оккамом) принцип минимизации сущностей, гипотез и прочих интеллектуальных образований. Декарт руководствуется тем, что если одно достоверное объяснение уже найдено, то другого искать не надо; если какая-то простая версия кажется очевидной, то не стоит пытаться подставлять на ее место более сложные варианты¹.

В то же время это вождеденное «единственное» объяснение является результатом процесса, предполагающего работу с множеством проблем. Вспомним формулировку второго правила Декарта: «...делить каждую из рассматриваемых ... трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить». Это парафраз аналитического метода в математике, одним из основателей которого считается Декарт. Стремление строить философское, моралистическое или даже общественно-научное рассуждение по механистическим или математическим моделям во многом определило облик европейского интеллекта на ближайшие столетия. У этого идеала всегда были как содержательная, так и эстетическая стороны, он всегда встречал как симпатии, так и резкую критику. Полюс математизации любого знания очень значим для карты гуманитарных исследований и в XVII веке, и значительно позже.

*Ход мысли Декарта – «исходная логическая модель
европейской теории познания»*

Зададимся вопросом: что стояло за тем представлением о науке, создателем которого провозглашается Декарт? Ради чего предъявляются эти требования, почему надо предпринимать такие жесткие меры по предо-

¹ Такой способ рассуждения только кажется нам (наследникам Декарта) самоочевидным. В средневековых трактатах (и в наиболее архаичной в этом смысле отрасли современного знания – в юриспруденции) аргументация строится иначе: считается хорошим тоном доказывать одно и то же много раз.

хранению знания от ошибок? Почему, несмотря на наличие вполне известных логических и методических принципов, знание вообще может приобрести некоторую неправильность, может оказаться извращено?

Ответ на этот вопрос не трудно предположить: потому, что люди (и ученые в том числе) по-разному и с разной степенью успеха способны пользоваться этими принципами. Метод нужен для того, чтобы пути, которыми мы идем к «правильному» знанию, были не столь многообразны и мы могли бы координировать маршруты.

Понятно и то, какое знание в данном случае считается «правильным». Еще древние греки (Парменид) различали знание (которое может быть только одно) и мнения (которых может быть сколько угодно). Декартовская, даже шире – новоевропейская, модель метода тоже ориентирована на единственно правильное знание: такое, которое будет независимым от исследователя, независимым от наблюдателя.

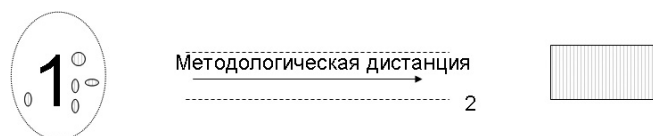
Отсюда следуют ключевые категории новоевропейской гносеологии, теории познания:

понятие *Объекта* – того, что подлежит познанию и не зависит от разных мнений по его поводу;

понятие *Субъекта*, который осуществляет исследование;

понятие *Объективности* – стремления пробиться к теоретической реконструкции единственно правильного положения дел (даже несмотря на то, что исследовать приходится конкретному человеку, со всеми его недостатками и со всей спецификой его исследовательской позиции).

Для того чтобы гарантировать возможность достижения объективности познания, формулируются несколько требований (см. рис.):

1) желательно, чтобы по сравнению с длиной методологической дистанции, отделяющей их от объекта, все возможные исследователи располагались сравнительно близко друг к другу;

2) правила преодоления этой методологической дистанции должны быть определены с максимальной дотошностью.

Те, кто умеет по правилам преодолевать эту дистанцию, называются в нашем обществе учеными, профессионалами. Престижная тяжесть ответственности за получение настоящего, истинного, знания в конечном счете покоится именно на их плечах.

*Понятия предметной стратегии, философского
познавательного интереса и гуманитарного знания*

Введем термин для той стратегии исследования, которая полностью остается в рамках нарисованной гипотезы, – мы будем называть ее *предметной*. До некоторой степени ее примером было повествование о декартовском рассуждении вплоть до этого момента. Я не ставил под сомнение свою способность правильно понимать смысл построений Декарта и делать акцент на тех или иных сторонах его философии. Больше того, я позволял себе даже предполагать, какие модели и предпочтения (самим Декартом не выраженные или и вовсе не осознанные) могли стоять за его способом переходить от одного умозаключения к другому. И я абсолютно не обращал внимания (по крайней мере, читательского) на тот факт, что логика рассуждений Декарта в моем изложении выглядит именно таким образом благодаря набору прочитанных мною книг и учебников (а этот набор мог быть другим) и, что еще важнее, исключительно в перспективе моих преподавательских ожиданий от этого курса.

Полнос, максимально противоположный только что описанному предметному подходу, я бы предложил именовать «философским» или «рефлексивным». Нетрудно заметить, что вопрос, на каких основаниях я говорю о Декарте именно то, что я о нем говорю, может задаваться бесконечно долго. (Вслед за проблематизацией оснований мнения о Декарте можно проблематизировать основания этих оснований, понятия, которыми я пользуюсь и т.п.) Что значит аутентичное / успешное / точное понимание Декарта? Аутентичное ему самому, моим интеллектуальным способностям, моим преподавательским целям или эпохе, в которой мы живем? Что нам нужно – концепция Декарта или та познавательная модель, примером которой она, вероятно, является? Что изменяется при переводе с французского и латинского языков

середины XVII века на русский язык начала XXI века? Насколько вообще имеют право на существование пересказ или анализ – нечто, неизбежно нарушающее тождество масштаба и характера источника? Наконец, самый фундаментальный вопрос: что именно из того, что Декарт написал, должно быть важно для курса по истории методологии гуманитарного знания? И каковы критерии, определяющие эту важность? И критическая переформулировка двух последних вопросов: почему то, что писал Декарт, важно для меня или для вас, моей аудитории?

Интерес к постановке и обсуждению вопросов такого рода ниже будет именоваться *рефлексивным*, *философским* или *методологическим* интересом. Выявление этих проблем и размышление о них, даже в том случае, когда это ведет к появлению новых и новых вопросов, является, с моей точки зрения, отнюдь не праздным, но, наоборот, весьма конструктивным, исследовательским усилием. От того, что мы задумываемся над сюжетами такого рода, в значительной мере зависит, что именно мы будем думать о Декарте – первопричине нашего интереса в рассматриваемом примере.

Таким образом, возникает гносеологическая проблема. С одной стороны, методологическую дистанцию хотят преодолевать, узнавать о предмете новое, гармонично и полно включать знание о нем, его характеристики, в систему исследовательских представлений. С другой стороны, существует возможность и, более того, необходимость проблематизировать основания своего понимания. Мы обязаны делать это не потому, что чего-то не знаем, но потому, что знание – имеющаяся у нас концепция – может быть ошибочным. Те способы, при помощи которых мы совершили движение от проблемы к варианту решения, от данных к концептуализации, постоянно нуждаются в сопоставлении друг с другом, проверке, оправдании (или, как иначе говорят, *легитимации*)¹.

¹ Забегая несколько вперед, обозначим тот способ оправдания своих претензий на адекватность познания, который наиболее часто встречается в гуманитаристике. Нередко авторы *эксплицитно* или *имплицитно*, явно или скрыто, исходят из того, что объект и субъект исследования заключены в рамках единого метапространства, и, значит, между ними могут быть установлены связи, которые и обуславливают специфику видения предмета. Например, при изучении фило-

На самом деле любые исследователи (и, соответственно, исследования) находят свое место между этими полюсами: кто-то, почти полностью пренебрегая алгоритмами предметной оптики в пользу философской постановки вопросов, кто-то – наоборот, а кто-то – желая совместить эти интересы в практически равных пропорциях. Именно этот последний способ мыслительной деятельности, пытающийся сбалансировать предметный и философский подходы, мы будем называть *гуманитарным знанием*. Приоритет в нем не отдается однозначно воспроизведению объективной структуры исследуемого материала или же прояснению его значимости для исследователя. В том случае, когда мы рассказываем о жизни, книгах или логике Декарта, даже не пытаясь держать в уме перспективу вопроса «Почему это для нас важно?», мы остаемся (по крайней мере, такова позиция этого учебного курса) в горизонте предметного знания¹. В том случае, когда мы сосредотачиваемся на вопросе «Что является или должно быть важным для нас или для исследования вообще?», мы переходим в пространство исключительно философского интереса. Для гуманитарной мысли характерно существование именно в промежуточном массиве. Для исто-

софии Декарта мы можем обосновывать свою претензию на более-менее адекватное его понимание нашей принадлежностью к той самой европейской рационалистической философской и культурной традиции, начало которой было положено самим же Декартом. Интерес проявляется к изучению связей предмета с его контекстом, а в конечном счете с самим исследователем. Именно эти связи воспринимаются как фактор, делающий возможным процесс познания.

Заметим, что ради этого приходится жертвовать независимостью предмета от наблюдателя: Декарт в нашем примере будет рассматриваться тогда уже не «сам по себе», а в связи с историей, словарем и целями той философской традиции, которая объединяет Декарта и его интерпретаторов (в том числе и нас). Тогда типичный вопрос звучит так «Почему я / определенная исследовательская традиция предпочитаю / предпочитает говорить об этом предмете при помощи именно этих слов и этих объяснительных образцов; как получилось, что для этого предмета важен именно этот набор данных и именно эта предыстория исследования?».

¹ О том, почему неудовлетворительно определение гуманитарного знания в соответствии с подразделением предметов на «гуманитарные» и «естественно-научные / технические», см. лекцию 7 «Неокантианство», в особенности пример на с. 99.

рика или филолога предмет (например, та же концепция Декарта или история методологии) есть; мы не можем позволить себе запереться в башне из слоновой кости – собственном знании о том, что нам кажется правильным, красивым и справедливым. И в то же время в отличие от математиков или физиков мы не можем позволить себе видеть только предмет, не обращая внимания на то, насколько это наше видение зависит от нашей субъективности, персональной или культурно-исторической.

В курсе введения в историю методологии гуманитарного знания изложение будет строиться на основе именно этой конструкции. Мы будем исходить из того, что вся европейская мысль, по крайней мере, гуманитарная, как минимум, до начала XX века оставалась в поле напряжения поисков баланса между предполагаемой объективностью объекта, желаемой объективностью знания и трудно преодолимой, как это вскоре выяснилось, необъективностью субъекта. Я попробую показать это уже на примере сюжета становления собственно гуманитарного знания, которое является непосредственным предметом следующей лекции.

Лекция 2
СКЛАДЫВАНИЕ МОДЕЛИ
НОВОЕВРОПЕЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ.

Основные темы, которые хотелось бы затронуть на второй лекции, это 1) социологические параллели формированию идеологии научного знания; 2) «социальная физика» – первая проекция на гуманитарные сюжеты принципов методичного познания; 3) концепция Джамбаттиста Вико – пример гуманитарной теории, стремящейся к установлению независимости от требований точных наук. Однако предварительно вкратце напомню итоги прошлой лекции. Мы говорили о том, что в XVI – XVII веках в Европе возникает исходная логическая схема представления об организованном знании; соответствующая интеллектуальная деятельность, которая ведет к увеличению и улучшению знания о каких-либо предметах, должна осуществляться преимущественно в рациональных рамках и поддаваться контролю и, скажем так, помощи коллег. Чтобы такая деятельность была наиболее эффективна, следует по возможности четко определить исследовательскую процедуру, которая должна предотвратить возможные ошибки. Бэкон занимался проблемой приложения логики к исследовательской практике, в связи с чем построил теорию эксперимента, облегчающую индуктивные умозаключения. В своей теории «идолов» он также типологизировал наиболее стандартные и опасные ошибки видения и представления материала. Декарт хочет, чтобы интеллектуальные построения были последовательно рациональными: в тесной связи с этим пожеланием находятся необходимость методично проверять сомнением каждый этап (собственного) размышления и регулятивное требование допускать доступный для мыслительной реконструкции порядок внутри исследуемого предмета. Критерии удовлетворительного знания ищутся отныне в пространстве индивидуального мышления; выводы исследователя считаются более достоверными, если стилистика изложения приближается к математическим моделям познания.

Когнитивный и социологический подходы к истории знания

Чтобы перейти к каким-то конкретным эпизодам истории гуманитарного знания XVII – XVIII веков, мне потребуется одна вступительная ремарка. В принципе, изучать любую интеллектуальную конструкцию можно двумя способами. Во-первых, можно следить за внутренней логикой мысли того или иного автора: каково было основное содержание его взглядов; на основании какого материала он пришел к своим выводам; как он аргументирует свои соображения; какие цели или идеалы могли стоять за мыслями, высказанными конкретным исследователем. Такой способ мы будем называть *когнитивным*. Однако есть и другой подход к истории философии, литературы и любых других интеллектуальных форм. Можно пытаться получить какую-то информацию из анализа социальных условий, которые сопровождали появление определенной гипотезы или теории. Этот подход называется *социологией знания*, и ему будет специально посвящена двенадцатая лекция этого курса. Однако небольшой экскурс о важных для развития гуманитарного знания чертах XVI – XVIII вв. хотелось бы сделать уже сейчас.

*Изменения в образе жизни европейских интеллектуалов
XVI – XVIII веков*

Следует задаться вопросом, насколько справедливо считать рубежным моментом в истории гуманитарного знания именно XVII век, как это делается чаще всего. Искать надлежит решительный взрыв в производстве гуманитарного знания, хотя, в общем-то, понятно, что каждый век приносит изменения все более существенные. Начать можно с рассмотрения образа жизни европейских интеллектуалов этой эпохи.

С одной стороны, еще сохраняется много общего с предшествовавшими периодами. По-прежнему, интеллектуал – это человек более или менее благородного происхождения, располагающий досугом и имеющий возможность обеспечивать свою жизнь как-то иначе, нежели физическим трудом. Система высшего образования остается университетской, схоластической и преимущественно латиноязычной. Наконец, для почти любого интеллектуала весьма желателен даже не столько непосредственный «заказчик», способный оплатить

его работу, сколько политически влиятельный покровитель. Он защищает подопечного от обвинений в вольнодумстве и крамольности, а также (и это даже важнее) создает ему имя и репутацию¹. Иными словами, интеллектуалы еще не могут положиться на существование мощных институциональных центров и пока очень зависимы от своих непосредственных патронов, от их взглядов и интересов. Еще одной важнейшей, мировоззренческой, характеристикой было то, что сознание эпохи оставалось вполне религиозным, и все мыслители ощущали себя христианами.

С другой стороны, существенных изменений тоже хватало: западное христианство перестало быть единым, и в результате Реформации, протестантской и католической, решительным образом расширился диапазон возможных мнений. Возрастает свобода индивидуального принятия решений, в том числе и по самым важным вопросам. Это особенно очевидно, если вспомнить о том, что протестантизм настаивал на самостоятельном, не в толковании проповедника, постижении Библии. Священное Писание появилось в каждом (протестантском) доме; значит, детей учат читать, а следовательно, до некоторой степени и думать. В лекции о социологии знания еще будет упомянут американский социолог Р. Мертон: он предположил, что правила поведения в научном сообществе исторически восходят к этике протестантской жизни. По крайней мере, поиск истины, как и любая профессиональная деятельность, становится самодостаточным и полноценным занятием, за которое человек ответственен перед Богом. Как и в религии, нарастание свободомыслия можно констатировать и в сфере политических решений: в ведущих европейских странах полыхает партийная или региональная борьба, что способствует опять-таки как интеллектуальной и экзистенциальной самостоятельности, так и необходимости учитывать конъюнктуру.

¹ Современники понимали, что к идеям Декарта следует прислушаться, потому что его выбрала для уроков по философии шведская королева Кристина (о существовании которой сейчас знало бы значительно меньше людей, если бы не история о том, как она договорилась с Декартом о занятиях в 5 утра – см. продолжение этой истории, например: *Рассел Б.* История западной философии. Т. 2., Новосибирск, 1994. С. 69).

В эпоху Реформации и Контрреформации существенно меняется образовательный процесс. Во-первых, постепенно распространяется использование бумаги и книгопечатание: эти новшества способствуют самостоятельному и менее контролируемому усвоению объемов информации, значительно превосходящих прежние. Думать можно уже не только в группе и вслух¹, но в удобное время и про себя. Во-вторых, помимо университетской системы образования возникает еще одна и гораздо менее косная – иезуитские колледжи. Это были весьма прогрессивные, с точки зрения педагогики, заведения, с новыми принципами индивидуализированного отношения к студентам и с продуманным взаимодействием основных и вспомогательных дисциплин. Педагогика начинает пониматься как специальная деятельность, отличная от хорошего знания предмета как такового. О том, что именно в позднее средневековье начинают пробиваться первые ростки свободного мышления, опосредованно свидетельствует и бурная деятельность инквизиции.

В итоге получается, что новообразованных интеллектуалов становится слишком много и они вынуждены искать применение для себя и своих способностей. Конечно, престиж образования растет (особенно на фоне и при помощи распространения мифа о просвещенной античности), и правители национальных европейских государств все больше начинают ценить образование и образованных. Однако, несмотря на это, назревает некоторый переизбыток способности мышления – далеко не все получившие образование люди оказываются востребованы на государственной службе или остаются в традиционной системе воспроизводства университетского знания. Этот переизбыток интеллектуального труда находит выход прежде всего в религиозных поисках (как ортодоксальных, так и еретических), а кроме того, в трансформации системы добычи и передачи знания. Учреждаются академии и ученые кружки; что еще более важно, приглашаемые в них государями интеллектуалы начинают вести друг с другом интенсивную

¹ Распространено мнение о том, что именно таким – групповым и громким – было чтение в Средние века. Книги были немногочисленны и дороги, а процедура коллективного чтения напоминала (тем более в монастырях – основных центрах средневековой книжной культуры) литургию и воспринималась как частично сакральное действие.

переписку. Ее содержание постепенно становится более значимым для формирования интеллектуального климата континента, чем результаты систематических диспутов, с которыми гастролировали по университетам наиболее яркие профессора. В целом, социология знания подсказывает, что в XVII веке интеллектуальное производство, несомненно, становится интенсивнее.

*Попытки реализации декартовских стандартов
доказательности в гуманитарном знании*

На уровне текстов описанные выше социологические изменения сопровождаются появлением развернутых идеологий научного исследования. Как правило, эти классические идеологии провозглашали следующие положения (или, по крайней мере, не противоречили им):

- 1) стремление к постижению истины как она есть (объективность);
- 2) разработка комплекса мер по достижению этой истины;
- 3) подразумеваемая готовность сотрудничать преимущественно с теми, кто придерживается такого рода правил;
- 4) выраженное желание при поиске истины оставаться в рамках рационалистических средств если не получения, то хотя бы контроля информации.

Хотелось бы указать на четыре примера того, каким образом стандарты точного знания могли быть применены в области тем, обладающих для исследователя дополнительным, экзистенциальным значением. Во-первых, следует назвать Б. Спинозу, важнейшее сочинение которого – «Этика» – построено «*de more geometrico*» («в геометрическом порядке»). Мысль в тексте развивается строго доказательно, дедуктивно. Этому сопутствует терминологический аппарат, ориентирующийся на математические образцы; можно сказать, что сочинение Спинозы – характерный случай математизации изложения гуманитарных сюжетов. Во-вторых, разнообразные механистические модели: здесь стоит упомянуть такого ученика Декарта, как А. Гейлинкс, который развивал мысль о физиологической обусловленности душевной деятельности и о понимании человеческого организма как механиче-

ского устройства наподобие часов¹. Здесь же следует говорить и о Т. Гоббсе. Последний распространил на государство гипотезу того, что люди суть предсказуемые в своих намерениях и действиях атомы-автоматы. По мнению Гоббса, государство есть самый сложный, но все-таки механизм, живущий по тем же законам самосохранения и агрессии, которые свойственны любому человеку и вообще любому живому существу. Кроме того, Гоббс по возможности пытался создать механистическую модель языка и мышления: слова и их сочетания – суть лишь связки для обозначения мыслей, не зависящих друг от друга и отражающих только впечатления опыта. Соответственно, составление мыслей в сложные последовательности происходит путем сложения и вычитания.

Вышеприведенные примеры относятся, скорее, к области философии. В менее абстрактном гуманитарном знании требование доказательности воплощалось преимущественно на уровне метода: ученые пытались добиться того, чтобы их построения выглядели более убедительно с рациональной точки зрения. Здесь уместно привести еще два примера.

Во-первых, это критическое источниковедение, развитие которого связано прежде всего с именем французского иезуита Ж. Мабийона. Заботясь о том, чтобы защитить религию от критики, он предпринял попытку устранить из церковной истории хотя бы часть несообразностей, например, те, которые объяснялись излишним рвением или недобросовестностью переписчиков и издателей. Иными словами, Мабийон методически отказался от абсолютного доверия историческим источникам: он стал сравнивать рукописи и документы, поставив перед собой задачу восстановить их первоначальное содержание. Отсюда недалеко и до следующего шага: в XVIII веке началась рационалистическая критика истории – в частности, религиозной истории, а впоследствии и литературной. Например, историки по возможности «вычищали» жития святых от тех описаний, которые противоречили физическим законам. Попутно, кстати, оказались созданы методы источниковедческого анализа. Необходимо заметить, что результат применения социальной фи-

¹ См. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. Спб., 1996. С. 220.

зики был блестящим. На протяжении XVII – XVIII веков мы имеем и колоссальный рост числа научных исследований, и повышение статуса людей, занимающихся научным трудом, в том числе и в областях, именуемых гуманитарными. Таким образом, происходит оформление концепции объективного рассмотрения гуманитарных предметов. Эта концепция способствовала тому, что на всем протяжении Нового Времени в Европе постоянно увеличивалось количество исследований и рос престиж профессии ученого, в том числе и гуманитария.

*Концепция Джамбаттиста Вико:
первая попытка разработать методологию
специфического – нетождественного естественнонаучному –
гуманитарного знания*

Теперь нам предстоит перейти к достаточно сложной и не во всех отношениях ясной теме. Если *социальная физика*, иными словами – программа математизации гуманитарного знания, была столь хороша, что тогда привело к оформлению и распространению других программ? Отвечая на этот вопрос, мы снова вынуждены совмещать социологический и когнитивный способы объяснения. В теоретическом плане можно говорить о критике объективистского знания, о том, что исследование значимых объектов производит неполное впечатление без учета собственной необъективности исследователя. В социологическом плане до некоторой степени можно говорить об увеличении специализации внутри интеллектуального сообщества. При этом, не стоит забывать, что гуманитарное знание состоит не только из производящих концепции «супермыслителей» – на практике воспринимать достижения естественных и точных дисциплин труднее всего было обыкновенным преподавателям, нуждавшимся в знании попроще. В итоге, что вполне естественно, социальная физика логически и социологически влекла пробуждение теоретической оппозиции. Сейчас мы обратимся к концепции неаполитанского ученого Джб. Вико, теория которого служит удачным примером того, как возникает мысль о принципиальной независимости гуманитарного знания от успехов и методологии точных наук.

Распространена точка зрения, согласно которой концепция Вико отвергает декартовский (или, как принято говорить, картезианский – по латинизированному имени Декарта) идеал доказательного знания¹. Основной тезис антикартезианской критики состоит в том, что знания, получаемого путем дедукций и механического моделирования, явно недостаточно. При этом сохраняется идеал знания методического: для того чтобы знание, полученное т.н. гуманитарием, ценилось выше обыденного, необходимо, чтобы между исследователем и предметом существовала дистанция, по возможности сложная и длинная. Основной задачей Вико становится поиск и оправдание иных способов получения знания, помимо дедуктивно-доказательного, предложенного Декартом. Это оправдание достигается как негативно – логической критикой картезианства, так и позитивно – попыткой построить альтернативные программы. Негативные аргументы носят в эту эпоху релятивистски-психологический характер и преимущественно вертятся вокруг неспособности человека к познанию вообще. Первая и главная аксиома Вико гласит, что человеку свойственно познавать неизвестное, исключительно уподобляя его себе². Любопытно проследить, как это совершенно негативистское положение перерастает в позитивное основание познания: Вико заявляет, что воистину познаваемым может быть (только) то, что появилось в ходе человеческой деятельности. Тем самым очерчивается предмет гуманитарных наук – то, что было создано человеческими намерениями и человеческими средствами. Вико добавляет еще один укол в адрес декартовской программы познания: Декарт требовал применять доказательное мышление, дедукцию, пока правильность доказываемых положений не станет очевидной. Вико на это заметил, что критерий очевидности мысленных положений является исключительно психологическим и доказан быть не может. Этих двух положений уже достаточно, для того чтобы оправдать разработку претендующей на непротиворечивость нематематической познавательной программы.

¹ См., например: *Коллингвуд Р.Дж. Идея истории // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография.* М., 1980. С. 63 – 64.

² «Человек вследствие бесконечной природы человеческого ума делает самого себя правилом Вселенной там, где ум теряется от незнания» (*Вико Джб. Основания новой науки об общей природе наций.* М., 1994. С. 73).

Попробуем посмотреть, как устроена концепция Вико. Итак, нужно, чтобы истинными могли быть признаны не только те суждения, которые доказаны, и нужен какой-то критерий *истинности* или хотя бы *правдоподобности* помимо дедукции. С другой стороны, известно, что человек способен познать только то, что ему подобно, соприродно. Отсюда вполне естественны следующие шаги. Человек (= исследователь) в состоянии разобраться в окружающем его человекотворном мире. Дабы это познание было более корректным, следует предположить универсальность человеческой природы и допустить проницаемость и неискаженность описательных и познавательных средств: языка, системы человеческих намерений и умозаключений, отражения человеческих действий в исторических фактах. Способность непосредственно и без промежуточного головомомания понимать предварительное значение следов человеческой деятельности – и в первую очередь текстов – Вико именуется *здравым смыслом*¹, приписывая ее «общей» человеческой природе. С ним хочется согласиться: здравый смысл – это действительно та правильная или неправильная гипотеза, которая предполагает, что мы в состоянии иметь и получать знание, пусть вначале и очень несовершенное, об объектах, которые находятся за пределами нас самих. Дальше в построениях Вико все уже логично и предсказуемо. Идеал точного знания требует доказывать/предъявлять необходимость любого поступка, совершаемого историческим или литературным персонажем. Напротив, здравый смысл позволяет исследовать те человеческие действия, которые не вызваны необходимостью и происходят из свободной воли. Отсюда возникает необходимость в наличии науки о свободном поведении людей: Вико понимал эту науку в первую очередь как исследование источников-текстов и именовал *Филологией*.

Следующее рассуждение – об истории – выглядит примерно так: при интерпретации поступков и мыслей других людей возникают значительные трудности. Значит, приходится признавать существование

¹ Буквально определение Вико выглядит следующим образом: «Здравый смысл – это суждение без какой-либо рефлексии, чувствуемое сообща всем сословием, всем народом, всей нацией или всем РОДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ» (Вико Джб. Указ. соч. С. 76).

разногласий и противоречий, несмотря на наличие единой человеческой природы. При этом такие противоречия не абсолютны – они являются лишь различными состояниями вышеупомянутой единой природы. Это позволяет сохранить надежду на то, что мы правильно понимаем друг друга или наши источники. У Вико подчеркивается идея истории – такого же, как и «единая природа наций», способа объединить смыслы человеческого поведения в один континуум и несколько отдалить эти смыслы друг от друга, утверждая их проницаемость (для интерпретатора) только при помощи специальной профессиональной процедуры. Для Вико история – не просто последовательность событий, совершенных такими же людьми, как и мы: он четко проговаривает мысль о том, что действия древних или диких людей должны объясняться совершенно с иных позиций, чем действия и умения его современников.

Осталось сказать еще несколько слов непосредственно о тех технических средствах, с помощью которых Вико рассчитывал приблизиться к истинам гуманитарного познания. Во-первых, урезая роль дедукции, Вико повышает статус таких логических средств, как приведение примеров и доказательство по аналогии. Значит, на место доказательного знания подставляется достоверное или вероятное. Во-вторых, Вико активно пропагандирует исследование тех областей, с помощью которых свободная человеческая деятельность находит свое отражение: по сравнению (но только по сравнению!) с Декартом или Гоббсом, Вико гораздо больше интересуется конкретными свойствами языка и историческими фактами, чем установлением идеальных схем и законов языка или истории. Наконец, Вико готов чрезвычайно охотно пользоваться нелогическими средствами убеждения: достаточно

вспомнить о его склонности к красочным метафорам и аллегориям или о частых риторических отступлениях в его книге.

Если сравнивать Вико и Декарта, то понятно, что противоречие между ними не абсолютно: Вико очень даже склонен к установлению идеальных схем, а Декарт очень часто морализирует. При этом Декарт известен как философ, обладающий исключительно хорошим – для глубины его текстов – литературным стилем. Тем не менее стратегии Декарта и Вико по своему пафосу все-таки будут противоположными. Наконец, необходимо отметить еще одну очень важную черту концепции Вико: для него поиск истины, пожалуй, оказывается самоцелью в меньшей степени, чем для Декарта. Теория Вико находится в постоянном соприкосновении с еще двумя мыслительными системами: риторическим преподаванием и христианством с его этикой и догматикой. Однако наиболее существенным является все-таки соотношение теории Вико с точным знанием, и в конце лекции вновь стоит повторить ее основную посылку: концепция Вико является наглядным примером того, как образ гуманитарного знания возникает в порядке отторжения социальной физики и в обособлении от нее. Такой способ его появления означает, что гуманитарное знание у Вико стремится воспринимать себя как науку в бэконовско-картезианском варианте: знание о материале должно быть опосредовано методической исследовательской процедурой, а осуществление этой процедуры является прерогативой профессионального сообщества. Это противостояние стандартов научности и антинаучности в течение очень долгого времени определяет историю гуманитарного знания.

Лекция 3
ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ГНОСЕОЛОГИИ В XVIII ВЕКЕ

Как уже говорилось, в XVI – XVII веках в положении европейских интеллектуалов произошли довольно значимые изменения. Конечно, очень многие параметры оставались такими же, как в Средние века: мышление по-прежнему осуществляется в той системе координат, которую можно признавать религиозной, а религиозные интересы продолжают доминировать в познании. Едва начинающаяся профессионализация гуманитариев еще не в состоянии вывести их из политической и экономической зависимости от власти имущих. В то же время Реформация повлекла за собой множество значительных перемен, связанных с возрастанием самостоятельности мышления. Европейские интеллектуалы обнаружили гораздо больший простор для принятия решений, чем тот, который был перед ними раньше – тем более, что в протестантских странах постепенно утверждалась культура самостоятельного чтения Библии в каждой семье. Распространяются книгопечатание и бумажные книги; в эпоху Возрождения и Реформации процесс интеллектуальной работы становится гораздо более индивидуальным, а значит, свободным. Наконец, университетская система, хотя и преобладает, но утрачивает свою монополию. В области образования ее дополняют и превосходят качеством возникшие в ходе католической Контрреформации иезуитские колледжи, утвердившие самостоятельность дидактики как интеллектуальной деятельности. В области исследования университетское знание проигрывает конкуренцию первым Академиям – сообществам профессиональных интеллектуалов. Эти социологические изменения происходили параллельно с кристаллизацией идеологии нового, организованного, знания.

Предполагается, что исследование должно быть объективным (т.е. должно стремиться к теоретической реконструкции такого представления о предмете, которое было бы независимым от изучающего субъекта); этой объективности пытаются достичь в рамках рацио-

нального метода, который позволяет объединять усилия многих исследователей благодаря проверяемости их тщательно описываемых действий.

Эта программа находит отражение и в гуманитарном знании (для ее обозначения используется термин «социальная физика»): как в построении механистических теорий, так и в более критическом отношении к корпусу источников.

Есть смысл повторить еще два соображения. Во-первых, даже попытка освободиться от тяжелого бремени строго доказательного познания все равно оправдывается только в рамках объективистского, декартовского представления об исследовании. При этом такая попытка (пример Вико) становится возможной при помощи сочетания двух направлений аргументации. Релятивистская критика дедукции как метода дополняется гипотезой о так называемом «здравом смысле»: дескать, есть такая сфера познания, в которой мы обладаем способностью непосредственно, хотя вначале и не очень точно, понимать значение некоторых фактов, а именно всех, имеющих хоть какое-то отношение к «человечеству», наделенному (как род) здравым смыслом. Вторая универсальная констатация: гипотезе о регламентированной и сложной интеллектуальной процедуре, которую надо осуществить для того, чтобы получить знание о предмете, соответствует представление об избранности людей, способных проделать этот путь. Таковые начинают воспринимать себя как эзотерическое интеллектуальное сообщество: именно они, а не дилетанты, имеют право (и даже обязаны) проверять способ, которым их коллеги (такие же специалисты, как они, разделяющие общее представление о процедуре) приходят к своим исследовательским результатам.

Оформление основных направлений европейской философской и гуманитарной мысли в XVIII веке

В центре нашего внимания на очередной лекции находятся важные для развития гуманитарного знания философские идеи XVIII века. Определять тему лекции настолько размыто приходится из-за того, что единого вектора у европейской философии этого времени попросту

не было. Можно уже уверенно говорить о том, что в европейской гуманитарной мысли образуются такие традиции, которые пересекаются между собой хотя и неизбежно, но все-таки неохотно. К числу основных направлений можно отнести: эмпирический скептицизм, оптимистический рационализм ранних просветителей, зародышевые формы еще перемешанного с просвещенческой идеологией романтизма. Наконец, достаточно оригинальным и значимым сюжетом является гносеологическая рефлексия Канта. Мне хотелось бы минимизировать здесь историко-философское повествование и останавливаться только на тех идеях, которые вошли в основной фонд методологии гуманитарного знания.

Складывание релятивистской традиции. Дэвид Юм

Начать проще всего с английских эмпириков, которые во многих философских словарях и учебниках упоминаются почти неотделимо друг от друга: Джон Локк, Джордж Беркли, Дэвид Юм. Для истории гуманитарной мысли очень важны их критические соображения. Вначале английские эмпирики обличали рационализм, утверждая, что любые интеллектуальные построения плохи, если не могут быть целиком и полностью выведены из опыта. Однако, развивая эту линию сомнения, постепенно они стали сомневаться и в достоверности, или, что то же самое, в достоверной осознаваемости опытных восприятий. Последний из них, Юм (1711 – 1776), уже очень четко обозначил невозможность чисто эмпирического знания: по его мнению, к нашим пяти чувствам не добавишь ни шестого – причинности, ни седьмого – единства исследующего субъекта. Следовательно, набор разнородных ощущений, получаемых при посредстве органов чувств, не может просто так стать организованным, внутренне взаимосвязанным, концептуальным знанием. Для этого необходима помощь каких-то организующих образцов, уже содержащихся в сознании. Юм на этом основании готов усомниться в качестве познания вообще; читателей, настроенных не так пессимистически, его выкладки побуждали мириться с необходимостью допускать какие-то гносеологические презумпции. Вариантов можно представить себе довольно

много: презумпция здравого смысла (умения довольствоваться впечатлениями от внешнего мира, не вдаваясь в проблематику их логического статуса); презумпция того, что чувственный мир способен влиять на индивидуальное восприятие с некоторой степенью адекватности; презумпция до-опытной структуры человеческого сознания, которая позволяет организовывать данные опыта.

Здесь следует еще одно соображение: если причинной связи между нашими опытными восприятиями и нашей концептуальной картиной не существует, тогда весь корпус нашего знания истинен не более, чем система верований, принимаемых сознанием на основании других верований¹. Это, можно сказать, азбучные положения релятивизма, и они оказались очень плодотворны для истории гуманитарной мысли. Во-первых, употреблявшиеся ранее по отдельности критические аргументы сложились в некоторый комплекс, способный звучать как самостоятельная исследовательская позиция. Ее основной пафос – недоверие чужим и своим собственным объяснениям – показал себя очень полезным как одна из возможных составляющих гуманитарного знания, как своеобразная установка, которую исследователь может выбрать так же, как приверженность идеалам доказательного, либо, наоборот, интуитивного познания. Можно даже сказать, что история критических ревизий составляет одну из постоянных линий истории гуманитарных – как и любых других – наук. Во-вторых, оппонентам релятивизма пришлось искать гипотезы, которые могли бы преодолеть критику и найти для познавательного процесса другие основания.

Просвещение, доверие Разуму и увеличение критической дистанции между исследователем и предметом

Взгляды большинства европейских философов т.н. «эпохи Просвещения» выглядят относительно простыми. С другой стороны, значительно сложнее определить начало и конец этой эпохи и предъявить ее единую логику. Пожалуй, самой очевидной характеристикой стала секуляриза-

¹ См., например, как излагает философию Юма Рассел: *Рассел Б. История западной философии*. Новосибирск, 1994. Т. 2. С. 159 – 172.

ция науки и образования, распространяющееся согласие с тем, что предмет и средства аргументации различных дисциплин должны быть независимы от содержания конфессиональной догмы. Здесь для нас будет не столь существенно, в какой мере и каким количеством европейских мыслителей XVIII в. поддерживались определенные гносеологические позиции. Я ограничусь только упоминанием о тех удобных и распространенных ходах мысли и метафорах, которые появляются в гуманитарной гносеологии с этого времени.

Начиналось все достаточно просто: – с доверия разуму, прежде всего в (более близкой к естественнонаучным дисциплинам) области конкретных исследований. Впрочем, как известно, многие философы Просвещения ставили знак равенства между понятиями «Бог» и «Разум», одновременно и оспаривая сверхъестественное, и обожествляя то, что казалось им правильным. Философии – и эмпиризму Локка, и логическому методу Лейбница – доверяли как вполне надежному основанию для любых частных исследований. *Разуму* верили и в практическом плане – как средству улучшения и исправления человеческой жизни, индивидуальной и общественной. Распространена была и более сдержанная формулировка: большинство просветителей видели свою задачу в прояснении того, что было «темным», в «очищении» корпуса существующего знания от ошибок. Причиной этих ошибок объявлялись порочные метафизические предрассудки, и церковные, и нецерковные, – например, политические. На место этих заблуждений надлежало водрузить современные, доказательные, системы разума и опыта. Такое восприятие разума очень существенно: в частности, стоит обратить внимание на то, что интеллектуальная деятельность приобретает по преимуществу критический характер. Важным становится не только достижение конечного результата (например, в виде оформленной логико-метафизической концепции), но и продолжительный процесс прояснения знания о каком-то конкретном предмете. Разумеется, в эпоху Просвещения создавались грандиозные метафизические системы: прежде всего, это историческая концепция Ж.А.Н. Кондорсе, который ввел в научный оборот понятие «прогресс», или, допустим, энциклопедия знания Х. Вольфа. Последний считается не слишком оригинальным учеником Лейбница, однако в то же время –

создателем немецкого философского языка¹. Тем самым он в значительной мере заложил основы не только немецкой, но и всей европейской (по крайней мере, континентальной) философии. Примечательно, однако, что его труды принято рассматривать скорее как учебник по прояснению правильного употребления терминов, чем по устройству мироздания.

Наверное, основной пафос Просвещения был все-таки критическим – но по отношению не к возможностям человеческого разума, а к тому, что является для гуманитария-исследователя непосредственным источником: к античным, средневековым, да и современным текстам. К готовности социальной физики увидеть в этих текстах иную, более правильную организацию материала, чем полагали сами авторы исторических свидетельств, добавился очень существенный компонент: категорическое и уверенное эмоциональное неприятие правильности текстов-источников и представляемой ими жизни. Это раздражение оказывается чрезвычайно полезным: усиливается состояние систематического недоверия к материалу, что, собственно говоря, и лежит в основе научного подхода. С точки зрения теоретиков Просвещения, исследователь противостоит хаосу анализируемого материала. В этом хаосе все не только непонятно, но еще и плохо, глупо и зловредно (если речь идет, например, об истории феодальной и церковной средневековой Европы). Чтобы справиться со своей задачей, просветитель обязан быть во всеоружии рациональных средств и по возможности должен освободиться от любых личных предубеждений вроде религиозности или патриотизма. Хороший пример – это страстно защищавший беспартийность и терпимость Вольтер. Современные исследователи нередко критикуют просветителей за высокомерие по отношению к исследуемому материалу, однако стоит признать, что в XVIII веке оно могло быть очень полезным: для того чтобы начать серьезно исследовать иное сознание, надо все-таки понять, что оно иное, и просветители решению этой задачи немало поспособствовали.

¹ См. *Реале Дж. Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. Спб., 1996. С. 595.

Концепции Иоганна Готфрида Гердера и Вильгельма фон Гумбольдта: между Просвещением и романтизмом

Вторая половина XVIII века хронологически еще относится к Просвещению. Однако именно тогда возникают уже подтачивавшие наивный просвещенческий рационализм концепции И.Г. Гердера (1744 – 1803) и В. фон Гумбольдта (1767 – 1835). Иногда их теории квалифицируют как романтизм, поскольку, например, человеческая история выглядит в них совершенно иначе, чем у французских просветителей. Кроме того, и Гердер, и Гумбольдт находились под сильным влиянием Канта, концепция которого значительно глубже просвещенческой гносеологии. Однако в методологическом плане более важно, что о проблемах познания Гердер и Гумбольдт еще не очень задумывались; их представления на эту тему оставались вполне рационалистическими в отличие от взглядов, например, Руссо или Шопенгауэра. Можно считать, что Гердер и Гумбольдт преодолевали лишь элементарные детские болезни просветительской идеологии; с этой точки зрения их концепции, соответственно, всемирной истории или языкознания еще не выходят за границы Просвещения.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые аспекты, впоследствии нашедшие свое место в модели гуманитарного знания эпохи романтизма. Гердер резонно предположил (а может быть, вычитал у Вико или у Монтескье), что человеческая природа не так уж и универсальна. Поэтому исследователь не должен подходить с одинаковой меркой к государственному устройству (к моральной сознательности или чему-либо еще) у всех народов и во все времена. При этом если Монтескье в середине XVIII века писал о физико-географической предопределенности истории специфических групп, то Гердер оказался первым автором, который заговорил об определяющем влиянии расовой принадлежности. Сам Гердер был вполне миролюбив и считал, что Богом устроено так, что любая низшая форма предназначена для того, чтобы породить высшую, а следовательно, и ее существование вполне оправдано. Однако Гердер начал говорить о «духе» отдельных народов, не только подчеркивая тем самым врожденную психологическую специфику или создавая платформу для спекуляций об историческом неравенстве рас и наций, но и двигаясь в сторону предположения об

относительной замкнутости, непроницаемости духа (частичной, но неустранимой) одного народа для исследователя, принадлежащего к другому народу. В этой логике Гердер оказался одним из провозвестников установок, очень важных для романтизма.

В другой приоритетной среде гуманитарного исследования – сфере языка – прославился младший современник Гердера, В. фон Гумбольдт. Последний развернул мысль о том, что язык играет большую роль, чем просто система обозначений, механически служащая выражению мысли. Язык создает специфику человеческого рода, возможности и ограничения языка во многом определяют содержание любых представлений и познания вообще. Языки национальны и сильно отличаются друг от друга, поэтому уместно говорить о неповторимой специфике национальных характеров, выражающихся в истории и продуктах духовной жизни.

Теории Гердера и Гумбольдта демонстрируют уже довольно высокую степень уважения к иному сознанию, представленному в истории других стран и опыте других народов. Имеется в виду готовность исследователя столкнуться с теми трудностями в интерпретации, которые возникнут, когда речь пойдет об изучении чужого опыта, чужих литературы или истории. Если мы не можем надеяться на то, что язык выражает мысль «нейтрально», не принося искажений и дополнительных смыслов, сложность интерпретации возрастает чрезвычайно. Это специфическая для гуманитарного знания проблема и осознание ее гуманитариями является важной вехой. Однако для Гердера и Гумбольдта эта проблема еще не приобретает характер фундаментальной: об этом свидетельствует и предложенная Гердером схема, по которой знание низших стадий развития сохраняется на более высоком этапе, и конкретные, вполне успешные, попытки Гумбольдта установить законы языковых различий и соответствий. В обоих случаях корректность и сама возможность рационального исследования не ставятся под сомнение, поэтому, как кажется, эти концепции еще вполне уместно относить к Просвещению.

Иммануил Кант о возможности объективного познания

В этом курсе упоминаются лишь некоторые, наиболее принципиальные для гуманитарного знания, сюжеты философии Канта. Во-первых, это проблема возможности мышления; во-вторых, кантовское противопоставление морального (=человеческого) и феноменального.

Как известно, отправным пунктом рассуждений Канта был *вопрос о возможности познания*, иными словами – о возможности получать знание, не содержащееся в скрытой форме в уже имеющемся, т.е. новое. На философском языке середины XVIII века, восходящем к Лейбницу, эта проблема называлась *проблемой синтетических суждений*. Вариант, согласно которому эмпирическое знание без особых проблем может стать частью индивидуального сознания, был, как мы помним, раскритикован английскими эмпириками: Юм не видел механизмов, способных гарантировать субъекту то, что он будет корректно дополнять свой внутренний опыт внешними впечатлениями. Неудовлетворительной считалась и строго рационалистическая схема познания путем дедукции из так называемых врожденных идей: в этом случае невозможно объяснить, каким образом становится допустимым приписывание объекту признака, ранее неизвестного. Кантовское решение этой проблемы очень элегантно и эффективно; что еще более существенно, оно сыграло важнейшую роль в развитии европейской мысли.

Кант предположил, что синтетическое знание возможно благодаря тому, что человеческий интеллект *априорно*, еще до всякого опыта, снабжен средствами для упорядочивания эмпирического материала. Формальная логика является только частным примером таких средств. Есть системы и еще более универсальные, например, способность видеть вещи в их пространственно-временной форме и пользоваться при их описании универсальными содержательными характеристиками, так называемыми категориями (причина, действие и т.п.). Для того чтобы понять, что такое «априорные формы восприятия», можно представить себе разговор с современным физиком: в ответ на ваше указание на то, что априорным является представление о трехмерности пространства, этот физик ответит, что пространство, как выяснила наука, – не трехмерно. Однако предста-

вить себе многомерность пространства и удостовериться в ней наука смогла только потому, что возможность изучать пространство при помощи трех измерений уже находилась в распоряжении ученых. Этот пример подсказывает, что имел в виду Кант: наличие у нас определенного уровня знания (явно не только рационального, но и связанного с органами чувств и способностями восприятия), который воспринимается как настолько естественный, что он предшествует и опыту, и тому знанию, к которому мы готовы относиться критически.

Гипотеза об априорной структуре сознания означала ограничение претензии на возможность познания вещей истинными, такими, как они есть (по кантовской терминологии – «вещи в себе», «ноумены»). Однако априорность – и в этом смысле субъективность – познания совершенно не делает исследование и его результаты личным делом каждого индивида; мы можем думать о чем-либо неправильно, по-человечески ограничено, но одинаково, «как все люди».

У кантовской гипотезы есть несколько важных методологических следствий. Во-первых, познание снова стало в принципе корректным. Во-вторых, кантовская теория *антиномий* (грубо говоря, противоречий, неизбежно возникающих при приложении рациональности к эмпирическому/феноменальному миру) наметила возможность индальгенции на случай неувязок в конкретных теориях; позднее идея антиномий разбудила диалектическое мышление Гегеля. В-третьих, Кант согласился с невозможностью познать «вещи в себе» и тем не менее предоставил шанс эффективному и интересному познавательному процессу: в этом можно видеть продолжение декартовской склонности трактовать размышление как происходящее в первую очередь в сознании субъекта и только во вторую – по отношению к каким-то реалиям внешнего мира. Соответственно, методология все увереннее воспринимается как регулятивный образец, а не как прямой рецепт достижения истины.

Все эти достоинства чрезвычайно важны для мышления вообще и для гуманитарного в частности, но существуют еще несколько не менее важных. Впервые ограниченность мышления его человеческим, пространственно-временным и категориальным устройством была рассмотрена не как «искажающий истину» или «унизительный для исследователя» фактор. Эта неспособность увидеть предмет единственно

правильным образом была понята как позитивное основание познавательного процесса – чрезвычайно важный принцип, особенно в гуманитарных науках, более зависимых от индивидуальных предпосылок исследователя.

Далее необходимо упомянуть, что Кант очень плодотворно провел границу между мирами природы и морали. Природа, мир явлений, феноменов, может рассматриваться лишь извне; исследователь воспринимает связь этих явлений между собой только сквозь априорные формы законов. Ноуменальный мир морали состоит из актов свободного человеческого целеполагания и непосредственно доступен для интерпретирующего свое поведение действующего лица, а значит – для исследования в принципе. В этом разграничении кроются разные весьма противоречивые возможности¹.

Сам Кант развивал мысль, что в качестве доступного наблюдению зрелища процесс человеческой истории должен исследоваться как физическое явление, т.е. извне. Намечая проект такой истории, Кант сделал несколько достаточно успешных предположений, впоследствии развитых Гегелем. В частности, Кант допустил, что смыслом исторического процесса является разворачивание разумности человеческого рода в устройстве общества и в истории. Реализуя свой план (которого нет, но который мы вправе предположить в целях создания осмысленной конструкции), человеческая природа в качестве эффективного инструмента использует индивидуальные страсти и недостатки людей. Однако кантовское противопоставление природы (как сферы необходимости) и морали (как сферы свободы) подталкивало к рассмотрению человековедческих сюжетов не только как разыгрывающегося перед нашими глазами спектакля, о котором мы знаем, что интерпретации являются лишь нашими домыслами. Слишком соблазнительной оказалась мысль о том, что человеческое сознание дано нам с предельной истинностью – из всех «вещей в себе» именно о нем мы имеем наиболее адекватное представление, и поэтому внутри него возможно наиболее полное исследование. Нам могут быть достоверно известны лишь собственные намерения и представления, и по аналогии с ними мы можем при помощи логических и этических

¹ См. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994. С. 23 – 24.

универсалий реконструировать факты уже не только своей внутренней жизни, но и исследуемых индивидов – исторических деятелей или авторов текстов. Эти интуиции кантовской мысли нашли свое развитие в гуманитарных исследовательских программах XIX века.

Лекция 4
ФИЛОСОФСКИ-СПЕКУЛЯТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Очередная лекция посвящена т.н. немецкой классической философии и более конкретно – Гегелю, о котором я буду говорить коротко, но не обходя вниманием даже самые «темные» стороны его теории. Кажется более целесообразным рассматривать построения Гегеля несколько утрированно, усматривая в них самое яркое выражение определенных интеллектуальных стратегий и способов рассуждения. Его философия – пример плюсов и минусов гипертрофирования рациональной непогрешимости в гуманитарном исследовании. В конце лекции предполагается коротко остановиться на некоторых существенных для гуманитарного знания сторонах марксизма.

Сегодняшнюю тему можно также и переформулировать следующим образом «Развитие логики немецкой классической философии» – действительно, классической как минимум в двух смыслах. Во-первых, она оказалась вершиной мысли, претендовавшей на позитивность результатов и рационалистичность средств познания; во-вторых, классическая философия определила язык и обозначила неразрешимые противоречия философии второй половины XIX – XX веков. Но вначале стоит вернуться к материалу прошлой лекции и в особенности к тому, как понимал проблему возможности познания Кант, к которому восходит и вся немецкая классическая гносеология.

*Кант о необходимости учитывать
субъективную сторону познания*

Осмысляя проблему универсальных правил мышления и условий его возможности, Кант продолжает инициированную Декартом радикальную «гносеологизацию» философии. Он осуществляет в ней перемену,

сопоставимую с «коперниковской революцией» в астрономии¹ – так звучит формулировка самого Канта. Фокус размышлений переносится с изучения и описания самого предмета на анализ проблем его восприятия и понятийного отражения / конструирования. В этом свете проблема нового (или, как говорили во времена Канта, синтетического) знания о предмете, приобретает следующую логическую форму:

$$A = B$$

(как предмету может быть приписано обладание признаком?)

Кант выдвинул гипотезу о том, что интеграцию эмпирического материала делает возможной априорная структура сознания. Из этого объяснения следует несколько чрезвычайно интересных выводов. Во-первых, намечается перспектива объяснения формально-логических правил как части более истинных и широких, содержательных закономерностей мышления (собственно, поэтому Гегель изобретает «диалектику» как целое, частью которого может быть логика). Во-вторых, обнаружив, что мышление в значительной мере предопределено «ограниченностью» человека, Кант должен был существенно сместить философский интерес в сторону антропологических штудий. Этому соответствовало введенное Кантом разграничение не до конца постижимого мира «вещей в себе» и мира морали, человеческого сознания. Наиболее комфортно исследователь чувствует себя именно в мире морали, поскольку смысл его собственных поступков и представлений дан ему не сквозь призму априорных форм восприятия, а непосредственно. Наконец, Кант впервые показал, как исследовательская ограниченность может быть использована в качестве конструктивного методологического фактора. В то же время Кант нарисовал такую картину познания, которая сильно раздражала многих мыслителей: неприятно осознавать, что ты не можешь изучать вещи, как они есть, да еще и, согласно теории антиномий, не можешь надеяться на верность и единственность своего объяснения, даже если оно логически непротиворечиво.

¹ Кант заявляет, что не понятия «сообразуются» с предметами (или опытом), но предметы «сообразуются» с понятиями, и сопоставляет это с изменением точки зрения наблюдателя в гео- и гелиоцентрической моделях. См: *Кант И.* Указ. соч. С. 18.

И с Кантом начали спорить – при этом, очень во многом признавая его правоту и безусловно включив его в обязательный канон философского образования. Если угодно, произошла переформулировка основного гносеологического вопроса: стали спорить не о сочетании рационалистического и эмпирического в познании, а о том, как понятие какого-либо предмета дополняется в пространстве сознания ранее неизвестными значениями.

Вариант ответа на кантианские сомнения – логическая гипотеза Георга Вильгельма Фридриха Гегеля

Гегель, вокруг которого будет строиться наше рассуждение, примечателен предельной систематичностью и наглядностью своей мысли: из него легко сделать как знамя, так и пугало. Гегелю пришлось иметь дело с той же проблемой, что и всей немецкой классической идеалистической философии: как можно утверждать, что предмет (понятие предмета) приобретает первоначально не свойственный ему признак? Эта проблема тождественна проблеме познания в целом, и Гегель решает ее самым радикальным образом: если познание мира возможно и если оно должно быть точным, то нужно придумать такое устройство мира, которое позволяло бы это максимально (желательно даже – абсолютно) правильное познание осуществлять. Мне кажется, Гегель создал модель как раз той, единственно возможной, схемы представлений о мире, которая отвечает условию осуществимости точного (т.е. единственно возможного) познания мира. Гипотеза Гегеля производит впечатление достаточно сомнительной. Однако она очень хороша и чисто логически, и в плане экзистенциального самоощущения сообщества профессиональных ученых, склонных к пребыванию в герметически закупоренном мире своей правоты. Гегель предполагает, что субъект и предикат любого высказывания суть одно и то же.

Логическое основание для этого достаточно убедительно излагает Рассел: по Гегелю, знание о предмете невозможно без знания обо всех его отношениях (с другими предметами); знание возможно; следовательно, знание обо всех отношениях предмета существует, пусть даже в скрытом виде, и, в принципе, может быть выведено

из любого истинного высказывания о данном предмете¹. Больше того, отсюда следует, что все предметы связаны между собой истинной (т.е. преодолевающей разногласию мнений, единственно возможной) системой отношений. Это может быть достаточным основанием, для того чтобы дать имя этой взаимосвязи всех предметов («Единое») и строить дальнейшее исследование как поиск признаков этого подлинного «Единого». Не будем забывать о том, что сама гипотеза появилась из единственной предпосылки – из предположения о том, что познание возможно. Соответственно, атрибуты Единого нужно подыскивать так, чтобы они не вступали в противоречие с этой фундаментальной аксиомой о возможности знания.

В первую очередь, необходимо решить вопрос кажущейся несогласовки между двумя положениями: с одной стороны, предмет любого познания, по большому счету, всегда один и тот же; с другой стороны, материал интеллектуальной деятельности все-таки дан нам в порциях, относительно изолированных и независимых друг от друга. Гегель объясняет это тем, что Единое способно принимать логически различные формы. Эти формы оно принимает не произвольно, а руководствуясь логическими законами; более того, Единое само является этими логическими законами. Для Единого, как для Бога в традиционной теологии, внешнего принуждения быть не может; Единое также не может быть произвольным, иначе оно было бы непостижимым. Согласно своим собственным законам, Единое нуждается в том, чтобы осуществляться в отличающихся друг от друга модусах – здесь появляется принципиальная категория различия. Поскольку у Единого есть (или даже: Единое есть) законы, речь должна идти не о случайном различии, а о предсказуемом и направленном изменении, которое уместно назвать развитием. Итак, два разных модуса проявления одного и того же Единого отделены друг от друга тем, что они суть разные стадии логического развертывания единых логических законов. Самым базовым логическим отношением, которое возможно между разными формами одного и того же, является отношение противоречия – любое правильное высказывание может или констатировать самождественность предмета, или определять его новые качества через прямые нарушения

¹ Рассел Б. Указ. соч. С. 218 – 219, 231 – 232.

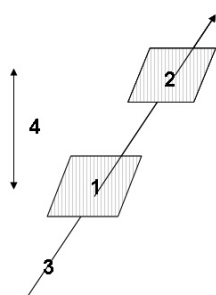
этой самождественности. Если рассматривать подобные рассуждения в контексте послекантовского интереса к понятию противоречия, то станет ясно и внимание Гегеля к этой категории, и преимущества, которые она ему дает: хаос материала оказывается сводим к вполне интерпретируемой форме – форме противоречия уже известному. Таким образом, задача понять и обосновать принципы, по которым в знание интегрируется внешний опыт, интеллектуальный или эмпирический, подменяется ответом на другую задачу. Оказывается, что достаточно провозгласить возможным и даже наиболее правильным специфический ход мысли: диалектический – такой, о котором заранее известно, что он будет содержать противоречия и именно потому наиболее точно соответствовать подлинному устройству реальности.

Такой способ логического выяснения характеристик своего предмета позволяет Гегелю обнаружить и содержательные признаки «Единого». Поскольку Единое в самых существенных аспектах совпадает с законами развития логических категорий, его вполне оправданно можно считать разумным. Так как следствием этого процесса развития становится увеличение разнообразия проявлений, а законы собственного многообразия он определяет в себе сам, его вполне можно признать свободным. Коль скоро главными качествами этого процесса оказываются его разумность и свобода, естественно предположить, что его «природа» скорее духовна, чем материальна. Теперь можно перестать писать с большой буквы Единое и начать писать с двух больших букв *Абсолютный Дух*: именно так Гегель предпочитает именовать разумную и свободную субстанцию универсального развития.

Характеристики теории Гегеля как модели «умозрительной стратегии» гуманитарного исследования

Осталось привлечь внимание еще к нескольким позициям, весьма существенным для понимания места гегелевской системы в истории методологии гуманитарного знания. Во-первых, каковы основные удобства: в Абсолютном Духе Гегеля совпадают предмет и субъект интеллектуального процесса; познание, в том числе и гуманитарное,

получает полное право на существование, становится абсолютно *легитимным*, не говоря уже о том, что – в рамках гегелевской этики – и морально необходимым. Таким образом, решается проблема преодоления методологической дистанции – обосновывается *консубстанциональность*¹, соприродность предмета и исследователя. Решение этой проблемы постоянно оказывается составной частью методологических гуманитарных концепций.

1, 2 - разные явления;
исследователь
и явления;
разные стадии
разворачивания
Абсолютного Духа

3 – не определяемые ничем
внешним (следовательно,
тождественные свободе)
и разумные законы
развития Единого =
Абсолютного Духа

4 – диалектическое отношение
между 1 и 2; сочетание
тождеств и противоречий

Модель логически непротиворечивого (точнее – противоречиво-го в соответствии с детально разработанной диалектической процедурой) развертывания текста из подходящего высказывания чрезвычайно удобна еще в одном отношении. Она малоуязвима со стороны внешней критики, основанной на альтернативных данных или концепциях. Можно даже сказать, что умозрительная стратегия не нуждается в источниках вообще. Если мы пишем, например, историю права в ранне-

¹ В данном контексте этот термин используется в том же смысле, в котором его употребляет Н.Е. Копосов: *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2000. С. 218. В то же время в ряде случаев сохранено более распространенное в русском языке слово «конгениальность». Хотя между словами «консубстанциональность» и «конгениальность» есть некоторое этимологическое различие, указывающее, соответственно, на актуальную или генетическую «соприродность», в рамках данного курса лекций данное различие не принципиально, и эти слова употребляются как синонимы.

средневековой Японии, то сперва мы дедуцируем, какой должна была быть история Японии в Средние века, потом дедуцируем, что такое право, а затем перемножаем эти смыслы друг на друга и фиксируем общую зону. Если полученный таким образом результат не совпадает с находящимися в нашем распоряжении эмпирическими данными, тем хуже для данных: значит, мы или не видим в них «правильного», соответствующего большой теории, объяснения, или мы еще не нашли «правильных» – подтверждающих наши логически абсолютно безупречные предположения – данных. Пока мы отдаем предпочтение умозрительному способу мыслить, нас можно винить в предсказуемости, неинтересности и даже научной некорректности результатов. Кроме того, нас можно упрекать в схоластике, в софистике, а также в порочности используемого умозрительного метода. Однако этот метод, если он проработан так хорошо, как у Гегеля, не может быть отвергнут по частям. Система, подобная гегелевской, изнутри почти неопровержима. Такие удачные амортизаторы, как допущение противоречий и лишь относительная рациональность каждого конкретного проявления Абсолютного Разума, делают ее еще менее уязвимой.

Еще одна очень важная для гуманитариев характеристика философии Гегеля, – то, что принято именовать его *историзмом*. Для Гегеля по-прежнему значимы кантианские вопросы: каковы истинные, ненарушаемые законы мышления; в чем корректность тех правил, которыми мы пользуемся? Отказываясь от гипотезы «вещи в себе», Гегель объясняет формирование априорных структур нашего мышления историей саморазвития Абсолютного Духа. Последний, сам являясь и предметом, и субъектом исследования, гарантирует, что интеллектуальные средства будут адекватны познаваемому материалу. И тогда история, самим фактом своего положительного и направленного развития, обеспечивает исследователю ряд новых преимуществ. Во-первых, достигается корректность применения тех формально-логических и, что гораздо более важно, историко-диалектических категорий, к осознанию которых сама история и привела Гегеля; интеллектуальный инструментарий оправдан с точки зрения всей человеческой практики, раз уж именно он оказался только что выработан. Во-вторых, являясь гарантом и полем действия логических и диалектических законов, история оказывается основным пространством их поиска и исследования; в конечном счете

именно история становится приоритетной предметной областью науки и методологии. И наконец, история играет колоссальную роль в оправдании гегелевской этики: с переменами рекомендуется соглашаться по мере того, как они происходят; достаточно напомнить только тезис о действительности разумного и разумности действительного¹.

*Теория Маркса как пример умозрительной стратегии
(рассуждение «практика – критерий истины» и понятие
«отчуждения»)*

С методом Гегеля очень тесно связано формирование концепции Карла Маркса. К сожалению, придется опустить ряд тем, очень существенных для марксистской теории, а другие лишь кратко упомянуть. Во-первых, по минимуму будет затрагиваться марксистская идеология – как в аспекте политической влиятельности, так и с точки зрения генезиса марксистских взглядов. Во-вторых, в рамках курса нет смысла углубляться в экономическую теорию Маркса. Ее значение для истории экономики как науки общепризнанно, и Маркс здесь бесспорный патриарх. Соответственно, как и положено крупным теориям, его концепция уже детализирована и уточнена до полного опровержения. В свою очередь, историческая теория Маркса едва ли представляет интерес сама по себе, за пределами истории экономики; оригинален, пожалуй, только сам тезис, что именно экономическая история является стержнем истории мировой.

Таким образом, в перспективе гуманитарной гносеологии, хотелось бы обратить внимание только на два аспекта теории Маркса. Первый – это более четкое, чем у Гегеля, понимание того, что оправдание принципов мышления извне должно привести и к тому, чтобы трактовать их как результаты исторической практики. Это может быть понято во вдохновенно-деятельностном плане: как призыв доказывать насилем свою правоту пред лицом истории. Это может быть понято в чисто гносеологическом плане: как согласие с тем, что результаты познания в значительной мере обусловлены обстоятельствами познавательного

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 53.

процесса. Наконец, это может быть понято в методологическом плане: как готовность признавать то, что собственная позиция всегда «партийна», что она является только одной из множества возможных. Наконец, это можно переформулировать и как склонность интерпретировать истинность тех или иных результатов познания в зависимости от достигаемой с их помощью практической пользы. Заслуживает внимания то обстоятельство, что марксизм и американский прагматизм занимают в этом отношении достаточно близкие позиции: оба этих направления относятся уже к послеклассическим формам философии, для которых уже невозможно обоснование разума из него самого и всецело рационалистическое познание. Как представитель этого способа видеть историю мысли Маркс вполне может считаться одним из основателей социологии знания. Споря со своими оппонентами, он систематически указывал на партийную обусловленность и идеологическую функцию их взглядов. Другое дело, что критический пафос у него превалирует над беспристрастностью, что вполне осознается самим Марксом.

Еще одна очень авторитетная позиция марксистской теории – это понятие *отчуждения*. В рамках гегелевской системы под этим понятием подразумевалось всего-навсего *опредмечивание*, объективация понятия на инстанциях его диалектического пути. Один из последователей-критиков Гегеля, Людвиг Фейербах (1804 – 1872) использовал понятие отчуждения для того, чтобы показать, как чувства человеческой любви переносятся на трансцендентные понятия. В марксистском анализе отчуждение стало обозначать непреодолимую пропасть между производителем материальных или духовных продуктов и его возможностью использовать эти продукты в той мере, в какой это ему необходимо. Трудовая деятельность объективируется не только в системе экономики, как товар, но и в системе социальных институтов; последняя начинает оказывать решающее влияние на жизнь непосредственных производителей; в исторически известных досоциалистических формах оказывалось так, что труд приводил к возникновению очередной системы эксплуатации. Причина популярности понятия отчуждения может скрываться в его двусмысленности: оно одновременно является и социально-научным, и экзистенциальным. Как социологический термин «отчуждение» значит не больше, чем отражение структуры производства в организации социальных институтов и инди-

видуального сознания; от отчуждения, понимаемого таким образом, будут страдать и наемные рабочие, и любые другие социальные группы. В своем экзистенциальном качестве понятие отчуждения не открыто апеллирует к этике, к справедливости, а заодно и к комплексу неполноценности. Неслучайно этот термин с легкостью находит себе место в разнообразных (таких, например, как *теология освобождения* или *экзистенциализм*) мировоззрениях с ярко выраженным этическим интересом. Удачно сочетая научный и практически-освободительный пафос, теория отчуждения, как кажется, вполне отвечает общим тенденциям марксизма.

Резюме: общая характеристика «умозрительной стратегии» гуманитарного исследования

Попробуем подвести итоги. Мы пытались проследить, как осуществляется (Кантом) переформулировка проблемы возможности нового знания о предмете – акцент смещается на возможность суждения о предмете, сообщающего новую информацию. Далее мы говорили о том, как пытается ответить на этот вопрос Гегель: и предмет, и знание о нем (уже выраженное или еще нет) являются одним и тем же – разными формами проявления единого Абсолютного Духа. Соответственно, знание о любом интересующем нас вопросе может быть получено путем строго логичных трансформаций: при этом нам даже не нужно никакого иного материала, кроме самой предпосылки о познаваемом устройстве мира. Грубо говоря, из того, что мир познаваем, Гегель доказывает в буквальном смысле слова все остальное: то, что Дух един; то, что он обладает *интеллигибельностью* (= разумностью); то, что Дух стремится к осуществлению (своей) свободы в историческом развитии человечества; наконец, то, что основным принципом устройства Духа являются диалектические противоречия. Попутно доказывается масса других интересных и полезных, в том числе и для гуманитарного познания, предпосылок – например, историзм, разумность действительного и т.д. Все это – следствия необходимости обосновать познаваемость мира; если посмотреть еще глубже – это вполне корректное развитие кантовской мысли о том, что человеческая способность познания является

априорной, хотя, возможно, и не совсем удовлетворительной (если помнить о том, что «вещи» остаются «в себе») характеристикой нашего интеллекта.

Итак: Гегель в очень продуманной и наглядной форме представил тот способ мысли и исследования, который можно было бы назвать «умозрительной» стратегией гуманитарного знания. Для этого способа внутренняя логическая *когерентность* (логическая согласованность внутри системы) ценнее, чем контакт с внешними интеллектуальными или эмпирическими данными. В принципе, этот контакт может быть минимизирован, и, в общем-то, понятно, что если строить исследование как цепь суждений, выводимых из ограниченного числа посылок, то шанс написать солидную и убедительную работу будет велик; правда, конечные выводы рискуют оказаться сильно похожими на исходные посылки. Более того, такая стратегия – ее можно называть «умозрительной», «спекулятивной», «дискурсивно-философской», «тавтологической» или как-нибудь еще – является вовсе не случайным злом в истории развития знания. Умозрение – неизбежный элемент любого гуманитарного исследования, и мы очень часто вынуждены прибегать к умозрению как методу. В порядке оправдания приходится подбирать соответствующую метафизику: такую гипотезу об устройстве познаваемого предмета и мира в целом, которая оправдывала бы использование умозрительного метода. Таким образом, очевидно, где можно столкнуться с метафизиками, в содержательном плане весьма схожими с гегелевской. Это характерно для концепций, которые тяготеют к дедукции (являющейся для них идеалом), к логическому мышлению, а также к убежденности в том, что именно им принадлежит подлинная, неоспоримая истина.

Лекция 5
ПОЗИТИВИЗМ

Как стратегия гуманитарного знания *позитивизм* максимально противостоит умозрению и философствованию. Главным для позитивизма является открытость внешним данным: в первую очередь, тому, что говорит исследуемый материал, но также тем результатам и аргументам исследования, которые предлагают уважаемые коллеги. Соответственно, заботясь о доверии к будущим результатам своего труда, сами коллеги стремятся работать так, чтобы их рассуждения были проверяемы на каждом этапе и служили несомненному увеличению научного знания. Отсюда следует необходимость предельной детализации исследовательской процедуры и предпочтение таких технических приемов, как *описание* и *индукция*. Конечно, можно сказать, что это только риторика, но тогда придется признать, что именно эта риторика является для позитивизма характерной и отличает его от риторики других стратегий.

*Политический и социальный контекст первой половины
XIX века*

В первой половине XIX века (во многом – благодаря размаху вначале триумфов, а затем поражений революционной и наполеоновской Франции) возникло новое отношение к политическим процессам. Появилось отчетливое понимание того, что политическая система в стране не задана раз и навсегда, но может меняться. Социальное положение индивидов в большей мере осознается не как данность, но как проблема, предмет осмысления, переживания и, возможно, исправления. В это же время происходит еще несколько чрезвычайно влиятельных изменений. С одной стороны, идет мощный технический прогресс, причем прогресс, основанный на знании законов природы. Это сопровождается новым обострением интереса к знанию – в особенности такому, как в физике

или математике. С другой стороны, происходят изменения общественного порядка: как бы ни «страдали» трудящиеся классы, социальная мобильность очевидно становится гораздо интенсивнее. На политической и экономической арене – а тем более в профессиональной интеллектуальной деятельности – новые люди начинают играть немалую роль и проводить свои интересы. На протяжении всего XIX столетия в общественной, и в особенности, в духовной жизни европейских стран неуклонно растут доля, активность, а постепенно и влияние представителей буржуазии, или, если угодно, среднего класса. И еще одно решительное изменение: XVIII век, век Просвещения, вырастил поколения людей, уже думавших не слишком религиозно. Это означает не столько даже прирост чистой рациональности, сколько склонность к эмпирическому мышлению, претендующему на то, чтобы считаться свободным от предпосылок и приносящим практическую пользу. Позитивизм можно рассматривать как явление, тесно связанное с этими изменениями.

Огюст Конт и его концепция знания

Уместно начать лекцию с упоминания об основателе позитивизма О. Конте. Ему принадлежит сам термин «позитивизм», определения этого понятия, размышления о месте позитивной философии в системе знания и т.п. Детство и юность Конта (годы жизни: 1798 – 1857) пришлись на весьма бурную эпоху. В молодости он был секретарем у А. Сен-Симона, который одним из первых пытался породнить социальную справедливость с наукой (за что и был позднее, в статусе утопического социалиста, сопричислен к предшественникам марксизма), и Конт в значительной мере унаследовал от своего работодателя и учителя неразличение интеллектуального и этического.

Основное сочинение Конта – шеститомный «Курс позитивной философии», который начал выходить в 1830 году. Конт считает, что все науки находятся друг с другом в тесной связи, точно так же, как связаны между собой предметы этих наук. Так, биологические науки ищут более сложные закономерности, чем физические; причина в том, что объекты биологии, несомненно являясь и физическими объектами,

обладают своей спецификой и гораздо большей степенью сложности. Точно так же и социальные науки, как и открываемое ими знание, стоят выше, чем биологические. Однако, признавая взаимосвязь всех наук, Конт подходит к ней совершенно иначе, чем Гегель. Знание непременно строится не «сверху», путем диалектически-противоречивой дедукции из логически необходимых положений, а «снизу». Сначала познаются самые простые истины, установление которых не требует сложной системы знаний и учета закономерностей разного порядка, и только постепенно мы приближаемся к познанию сложных вещей. Зато все приобретаемое таким путем знание будет положительным, *позитивным*. Предполагается – и даже требуется – анализ фактов самих по себе, без учета затрудняющей познание их связи друг с другом, а в конечном счете и со всем остальным на свете; подобная модель знания является чуть ли не основной чертой методологий позитивистского толка. Другая, родственная этой, характеристика: обязательно нужно избегать вредного влияния непроверенных и сомнительных способов мышления на анализ фактов самих по себе. Конт отвергает в этом качестве не только религию, которая требует принимать на веру нечто недоказанное и интерпретировать факты в рамках догмы, но и те философские системы, которые он называет «метафизическими». Метафизические системы отличаются тем, что оперируют не только наблюдаемыми фактами и высказываниями о причинных воздействиях одних фактов на другие, но также такими понятиями, как «сущность», «воля» и т.п. Конт признает, что и теология, и метафизика – необходимые стадии интеллектуального развития человечества. Однако он считает, что с выходом на нынешнюю, «позитивную», стадию с этими формами надлежит решительно бороться. Среди прочего, дело еще в том, что, не будучи в состоянии правильно интерпретировать общественные отношения, старые способы мышления предлагали ошибочную социальную этику; таким образом, метафизическая форма знания препятствует строительству того мира, необходимость которого теоретически обосновывается позитивизмом.

*Рекомендации по технологии
позитивистского исследования*

Предельная детализация исследовательской процедуры, с одной стороны, является самой характерной чертой позитивистской системы исследования, а с другой – нередко вызывает острую критику. Такое исследование (историческое) удачно назвали *«историей ножниц и клея»*. Метафора должна быть вполне понятна: из источников (будь то тексты летописей или протоколы измерительных приборов) вырезаются определенные куски, которые позднее склеиваются в нужном порядке. Нельзя даже сказать, что свобода рисования заменяется коллажем, поскольку монтирование вырезок происходит по правилам, строго определенным для каждого исследователя.

В развитом позитивизме (например, в работах социолога Эмиля Дюркгейма в конце XIX века) в схеме исследования можно выделить три этапа. На первом этапе исследователь организует свой материал необходимым для себя образом. Он определяет в толще материала *факты* – те единицы информации об интересующем его предмете, значение которых приблизительно дано и с которыми будет вестись дальнейшая работа. На втором этапе должна быть преодолена уже приблизительность этого значения. Дело в том, что первоначально информация о фактах опосредована. Во-первых, скрытые за фактами закономерности по-разному преломляются в своих конкретных явлениях; еще больше они искажаются в свидетельствах, оставленных непросвещенными, заблуждавшимися или даже злонамеренно обманывавшими своих будущих читателей людьми, – например, авторами и писцами средневековых грамот. Во-вторых, сознание самого исследователя затуманено псевдонаукой, обыденным знанием и субъективными пристрастиями. Основная исследовательская работа, по мнению Дюркгейма, происходит на этом этапе: ученым является именно тот, кто способен расшифровывать обыденный язык источников и, что еще труднее, постепенно преодолевать обыденность и многосмысленность собственного языка. Наконец, после преодоления опосредованности наступает третий этап: представлению об исследуемом материале придается окончательный вид. Все наблюдения должны быть сведены вместе, синтезированы. Следует описать (если можно – при помощи

формул или хотя бы специально разрабатываемой недвусмысленной терминологии) законы изучавшегося явления, и оно должно быть теоретически воссоздано в максимальной полноте – так, чтобы оказались объяснены все противоречия и исключения¹.

*Критика презумпций позитивизма.
Логика трансформации позитивизма в XX веке*

Все вышесказанное не отменяет необходимости поговорить о некоторых внутренних противоречиях позитивизма. На поверхности находятся три. Во-первых, как бы позитивисты ни детализировали процедуру обращения с фактами, самое начало оправдать не получается: некорректным остается доверие позитивиста своей способности регистрировать единицы наблюдения. Выясняется, что эта очевидность покоится или на страшном для любого позитивиста субъективном произволе исследователя, или на какой-либо метафизической аксиоме. Во-вторых, при всех заявлениях о недопустимости аксиом, риторических бессодержательных заявлений и метафизики, все эти элементы наглядно представлены в любых позитивистских методологиях. Можно привести пример одной из таких аксиом: как способ мысли позитивизм предполагает уверенность в том, что вещи организованы рациональным и познаваемым образом. Наконец, в-третьих, позитивисты становятся неожиданно лиричны, когда речь заходит о будущем человеческого общества, где все будет подчиняться науке. Это весьма существенный недостаток, поскольку разговоры об общественной пользе и одновременно беспристрастности науки и т.п. являются для позитивизма не просто украшением: они оправдывают ту модель познания, которая предлагается этой стратегией. Таким образом, выясняется, что беспредпосылочное знание предполагает некоторые предпосылки. Выходит, что позитивистское исследование (с приоритетами фактичности, анти-субъективности, профессиональной верификации и т.п.) возможно

¹ См., например, рассуждения Дюркгейма в «Заключении» к работе «Метод социологии»: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 523 – 527.

до определенного момента – пока исследователь не задается вопросом, как оно возможно.

Здесь как раз и таится причина кризиса, или, если угодно, трансформации, позитивизма в XX столетии. Например, произвольность выбора исходной единицы анализа заставляла позитивистов все сильнее сомневаться в своем праве доверять очевидному, казалось бы, представлению о фактах. Так называемый «второй позитивизм» («махизм», «эмпириокритицизм») считал себя уже не вправе исследовать окружающий мир и занимался исключительно пространством психологической реальности¹: предполагалось, что все наше знание (по крайней мере, достоверное) существует сугубо в этой области. Третий, или *логический позитивизм*, имевший место в 1920 – 1930-е годы, считал возможным только уточнять правила трансформации слов внутри корпуса текстов, манифестировавших свою претензию на то, чтобы быть научными. Таким образом, налицо тенденция позитивистской логики к постоянному ограничению собственной площади – в погоне за твердостью почвы под ногами.

Этика и социология позитивистского гуманитарного знания.

*Кумулятивность как ключевая (социальная и когнитивная)
характеристика позитивизма*

Однако сама по себе позитивистская программа оказалась очень действенной. Этика позитивизма даже до сих пор чрезвычайно располагает к себе тех, кто хочет считать себя истинным ученым. Ей свойственна патетическая убежденность в том, что наука ценна как инструмент достижения общественной пользы. За этим стоит предположение, что именно польза общества, совокупности людей, является целью человеческого развития. При этом позитивистская этика тесно связана с профессионализацией научного сообщества – точнее, с окончательным, можно считать,

¹ Можно вспомнить известное определение Э. Маха «Быть – это быть единством психологических ощущений». Это определение следует за формулой Э. Беркли «Быть – это восприниматься» и предшествует формуле Р. Карнапа (одного из вождей третьего позитивизма) «Быть – это быть единицей значения связанной переменной». Есть также немало других, не столь значимых для нас сейчас, определений.

оформлением этой профессионализации. В принципе, еще в начале XIX века стабилизируется разделение труда, даже между гуманитариями одной дисциплины; в университетах Германии кристаллизуется довольно четкая система кафедр. Институционализация относительно новой науки – социологии – в конце XIX века, вначале во Франции (во главе с Дюркгеймом), а затем, в очень короткий срок, в США, Англии и Германии, является хрестоматийным примером сознательного, спланированного создания академической дисциплины. По своей внешней организации гуманитарное сообщество приобретает все черты научного. Кодифицируется процедура образования, достаточно четко очерчивается классический фонд литературы. Постепенно те профессионалы, с мнением которых стоит считаться, объединяются в ассоциации и общества и начинают издавать специальные журналы. Еще важнее то, что они пользуются правом не допускать в свои ассоциации и журналы тех, кто работает, с их точки зрения, неправильно. Слаженно функционирует разделение труда: возникают единые многолетние научные проекты, студенты и докторанты привыкают к работе над ними и приобретают в ходе этой работы свою профессиональную идентичность. Таким образом институционализируются социология, психология, история.

Вернемся от социальных аспектов к когнитивной характеристике: как стратегия гуманитарного мышления позитивизм значим прежде всего в качестве противовеса спекулятивной линии. В позитивизме ценной признается не только та сторона исследования, которая основана на логичном рассуждении: приоритетной оказывается скорее другая, вызывающая к максимально дотошному, беспредпосылочному и деиндивидуализированному изучению внешних фактов. Позитивистское исследование должно деиндивидуализироваться настолько, чтобы любые профессионально обученные коллеги были в состоянии его повторить. Вероятно, наиболее точным для характеристики этой интеллектуальной стратегии (надеющейся на доказательность получаемого знания благодаря (детальному) освоению исследовательских процедур естественных наук) может быть слово «кумулятивность». Идея постепенного накопления отражает и то, что должно происходить с содержанием знания, и социальный процесс, в рамках которого это содержание прирастает: коллеги, как трудолюбивые и дисциплинированные муравьи, вносят свой вклад в строительство здания научной истины.

Лекция 6
РОМАНТИЧЕСКИ-ИНТУИТИВИСТСКАЯ СТРАТЕГИЯ
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В этой лекции речь пойдет о том, что может предложить гуманитарным наукам интуитивистская философия. Как культурная эпоха романтизм представляет собой некоторую альтернативу тем тенденциям европейской рационалистической мысли, которые несли с собой стандартизацию и демократизацию, – и познания, и общественного устройства. В социальном плане эти тенденции отразились в утопиях и терроре Французской Революции и наполеоновских войн, а также в появлении на политической арене среднего класса, состоявшего из людей с самым разным происхождением, имущественным состоянием и родом занятий. В плане теории познания оптимизм Просвещения продолжился тоталитарной утопией Гегеля и механистическими надеждами позитивистов. Романтизм пытается вернуть интеллектуальной деятельности и вообще любому творчеству индивидуалистический и аристократический характер, уже поэтому он весьма близок экзистенциально озабоченным гуманитариям. В политическом отношении романтизм противопоставил универсализму – как немецкой классической философии, так и позитивистов – представление о своеобразии пути каждой нации (или хотя бы самых значимых из них, с точки зрения романтиков соответствующего происхождения). Романтизм очень остро видит и критикует недостатки рационалистических моделей познания, отчасти пытаясь залатать обнаруженные прорехи интуицией, вчувствованием и другими средствами такого рода, о которых мы и будем сегодня говорить.

*Метафизика Артура Шопенгауэра –
иррационалистическая модификация ответов Гегеля
на вопросы Канта*

Знакомство с интуитивистской философией в перспективе курса удобнее всего начинать с рассказа о взглядах немецкого мыслителя А. Шопенгауэра (1788 – 1860). С одной стороны, он, безусловно, продолжает традиции немецкой классической философии. С другой – стоит в начале философии неклассической, такой, которая разочаровалась в способности познать мир исключительно рациональным образом. Шопенгауэр согласен с Кантом в самом главном – в скептическом отношении к человеческой способности познания. Он готов считать все видимое обманом, а определенность этого обмана – порождением порочного устройства наших органов чувств и рассудка. Шопенгауэра раздражает Гегель, который выводит структуру всего мироздания единственно из необходимости успешно познавать истину. Шопенгауэр видит, что для Гегеля достаточно знать эту аксиому и больше Гегелю думать уже незачем. Кроме того, Шопенгауэр язвительно критикует Гегеля за практическое приложение его философии, а именно за превознесение государства, в частности, прусского. Но при этом Шопенгауэр остается в рамках кантовских категорий: он принимает кантовское положение о том, что единственной по-настоящему познаваемой, данной нам областью остается область морали, т.е. тех намерений и поступков, которые мы производим актами своей воли.

Итак, единственное, о существовании чего мы знаем достоверно, – это наша (не обязательно разумная) воля. О внешних вещах мы знаем только то, что они нам таковыми кажутся. Из этого Шопенгауэр делает остроумный, хотя и не вполне логичный вывод: истинной сущностью того, что нам кажется, является то, что дано нам достоверно – наша же воля. Следовательно, формы нашего тела и интеллекта также обладают лишь иллюзорной замкнутостью и на самом деле являются лишь прихотливыми фантомными образованиями непостижимой *Мировой Воли*.

Теоретические удобства этой гипотезы, особенно для гуманитарного знания, вполне очевидны: любые явления, исследуемые или исследующие, оказываются лишь различными проявлениями Мировой

Воли. Именно это единство, точнее, консубстанциальность, однородность устройства предмета и субъекта, мы определяли как необходимую – хотя не всегда четко проговариваемую – предпосылку любой концепции гуманитарного исследования. В отличие от гегелевского Абсолютного Духа, шопенгауэровская Мировая Воля не нуждается в том, чтобы быть непротиворечивой или противоречивой одним единственным, строго диалектически-логическим способом. Таким образом, исследователю уже не нужно прикладывать сверхусилия или пренебрегать внешними данными ради того, чтобы установить внутри исследуемого предмета предельно логичные отношения. Наконец, третье преимущество: если мы являемся вполне законной частью Мировой Воли, а постоянная логичность от нас все-таки не требуется, следовательно, мы вольны пользоваться такими техническими средствами исследования, как интуиция и самонаблюдение-интроспекция – очень существенное приобретение с точки зрения метода. Конечно, налицо некоторое противоречие между подобной стратегией познания и шопенгауэровской усталостью от жизни в целом: в общем-то, раз предмет исследования непостижим и неразумен, нет особой необходимости постигать его разумом. Однако это противоречие лежит скорее в области моральных императивов и, пожалуй, не противоречит фаталистическим сторонам мироощущения романтической эпохи. Негодование Шопенгауэра по поводу прямолинейного оптимизма позитивизма и гегелевской дедукции оказалось весьма своевременным: романтики оценили более тонкие методы, которыми разрешала пользоваться иррационалистическая философия. Образец ее более детального и эффективного применения в последней трети XIX – начале XX вв. предоставил В. Дильтей, о котором мы сейчас и будем говорить.

Проект Вильгельма Дильтея: как может выглядеть методология, опирающаяся не (только) на разум

Как и Шопенгауэр, В. Дильтей (1833 – 1911) склонен считать, что основа духовной жизни иррациональна. Во-первых, это позволяет привлечь интуицию к познавательному процессу. Во-вторых, становится возможным претендовать на раскрытие тех сфер человеческой жизни, где

полностью рациональная *верификация* (проверка) неосуществима. Больше того, вполне можно критиковать позитивизм, который занимается такими пустяками, как исторические события, фактические перемещения в прошлом или будущем каких-то человеческих масс: это только пена над изменениями духовной жизни, постигаемой, как правило, лишь при помощи интуиции. Те самые выверенные процедуры, понятия и методы, объективностью которых так гордятся позитивисты, – лишь надстройка над Мировой Волей, прихотливо играющей в каждом конкретном исследователе. У Дильтея все эти соображения есть, однако надо обратить внимание на то, что он не так упивается иррациональностью романтической воли. Дильтей возвращается к гносеологическим параметрам первосубстанции, которую под именем Воли ввел Шопенгауэр: это первоначало долженствует быть познанным и даже само себя познает. Дильтей предпочитает называть эту субстанцию *Жизнью* и при ее анализе придает особую важность тому, что она существует во времени (или в нашем восприятии времени). Согласно Дильтею, Жизнь может быть определена как «текучая временность, нацеленная на производство единиц значения. Жизнь интерпретирует себя, она сама обладает герменевтической структурой»¹. В принципе, достаточно расшифровать эту формулу, для того чтобы понять, какая именно модель обоснования гуманитарного знания здесь предлагается.

Дильтей имеет в виду примерно следующее:

главной характеристикой Жизни и ее восприятия является то, что эти процессы осуществляются во *времени*;

время обладает *дискретностью* и *связанностью*;

своего рода атомом ощущения времени, который содержит обе составляющие, является *переживание*;

будучи непрерывным, время устанавливает между своими дискретными состояниями смысловые отношения (обычно Дильтей говорит о том, что одно переживание *выражает* (позже сказали бы «служит знаком», «обозначает») другое);

¹ Цит по: *Калиниченко В.В., Огурцов А.П.* Методология гуманитарных наук в трудах Вильгельма Дильтея // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 133.

будущее позволяет ввести категорию *цели*, прошлое – *значения*; понятием, удобно обобщающим эти два смысла, является *ценность*¹.

Рекомендации к технологии герменевтического исследования

В соответствии с концепцией Дильтея, гуманитарное исследование состоит в следующем: один человек (исследователь) пытается реконструировать смысл, вкладывавшийся другим человеком в его действие или создание (например, книгу или картину). Иными словами, нужно воспроизвести систему ценностей, представлений о цели и значении, которыми руководствовался исследуемый автор или персонаж. По Дильтею, акт гуманитарного исследования можно представить себе состоящим как бы из двух процедур: угадывание представлений другого человека и сообщение своей догадки заинтересованным читателям. Угадывание само по себе является достаточно иррациональным: оно основывается на процедуре *вчувствования, эмпатии*, сопереживания, на попытке поставить себя на место исследуемого лица. А вот сообщение своей интуиции должно быть аргументированным и, по возможности, должно обладать значимостью не только для исследователя, которого настигло озарение, но и для его читателей. Та же самая логика, в принципе, характерна для любой методологической концепции в гуманитарном знании: сначала появляется гипотеза о том, как мы могли бы это знание получить, а затем формализуется убеждение, что эта гипотеза корректна и обладает общенаучной ценностью.

Почему при помощи герменевтической методологии могут быть достигнуты относительно объективные результаты: направленность на Другого, «техника личной гениальности», концепция конгенальности

Следующий вопрос выглядит так: почему, если мы считаем интуицию

¹ Излагается по: Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 136 – 137, 140.

основным средством познания, достигнутые результаты могут претендовать на общезначимость¹? Аргументы Дильтея вошли в стандартный фонд, с помощью которого гуманитарии обороняются от критики со стороны точных наук: используя подобные соображения, можно надеяться на то, что и нематематические методы знания приводят к вполне приемлемым и полезным для дальнейшего исследования результатам. Пытаясь обосновать общезначимость интуитивного знания, Дильтей приводит следующие аргументы. Во-первых, несмотря на то, что интуиции доверяют, а риторические прикрасы одобряются, язык исследования остается сравнительно рациональным, ориентированным на понимание коллегами. Во-вторых, само стремление постичь проявления чужого внутреннего мира – это максимально вообразимое проявление нежелания замыкаться в самом себе.

Далее следует проследить за тем, как Дильтей при помощи определенных методологических рекомендаций обосновывает надежды на достижение общезначимого гуманитарного знания. Он называет умение интерпретировать смысл, существовавший для других людей, «техникой личной гениальности» исследователя. Однако «техника» эта действительно является техникой – она вырабатывается постоянным упражнением, движением от простого к сложному². Дильтей указывает на объекты для приложения своей стратегии. Самое элементарное – изучать поступки, которые демонстрируют сравнительную простоту связи между целеполаганием и осуществлением. Уровнем выше оказываются такие источники как автобиографии, в которых проникновение во внутренний мир исследуемого индивида облегчено тем, что он сам

¹ Термин «общезначимость» следует пояснить. Общезначимое знание несколько «слабее» истинного и не обязано непременно быть правильным: оно лишь предполагает свою доказанность, согласие специалистов с историей того, как оно было получено. Таким образом, оно заметно больше, чем «интерсубъективность» – способность исследователей просто понимать друг друга. На это следует обратить внимание, потому что вера в возможность достичь истины ушла вместе с Кантом и классической философией: в дебатах теоретиков XX века много раз провозглашалось, что даже общезначимость является лишь недостижимым идеалом познания.

² «...личная гениальность становится техникой, и эта техника совершенствуется вместе с развитием исторического сознания». Дильтей В. Указ. соч. С. 147.

сделал попытку (хотя, возможно, ошибочную или даже ложную) истолковать свои действия и мотивы. Наконец третий род объектов, в которых «понимающий» и «понимаемый» в значительной мере совпадают, – великие произведения искусства, где находит отражение непосредственно развитие Жизни как универсальной субстанции. Уже сам подбор источников свидетельствует о том, что Дильтею хочется, чтобы выводы обладали какой-то надындивидуальной ценностью.

Стоит упомянуть и о чисто технических рекомендациях Дильтея. На стадии создания научного текста он разрешает пользоваться категориями вероятности и гораздо менее (в сравнении с позитивизмом) жесткими правилами индукции (обобщения частных наблюдений)¹. Самым важным приемом понимания чужого опыта для Дильтея является суждение по аналогии – прием, безусловно, индивидуальный. Один человек видит аналогию между собаками и китами потому, что это млекопитающие, а другой увидит ее между собаками и мухами, поскольку у тех и у других есть ноги. Однако очевидно, что аналогия между моим внутренним опытом и внутренним опытом другого человека не может быть и полностью субъективной, иначе она невозможна.

И все-таки основным аргументом в пользу возможности общезначимого познания является презумпция об универсальности перво-субстанции – познающей и познаваемой Жизни. Чаще всего это звучит как тема универсальности обыденного опыта, и особенно языкового аппарата, для всех исследователей. Эта идея не очень развита у Дильтея, но она стала чуть ли не главной в более поздней герменевтике, особенно у Х.-Г. Гадамера. Та самая «техника личной гениальности», о которой говорил Дильтей, складывается в ходе практической жизни и в ходе пользования человеческим языком, сообщающим нам первые представления о значениях.

Гипотеза о нашем праве принимать факты человеческого поведения и человеческой жизни такими, как они нам кажутся, – в общем-то, уже известная нам гипотеза о здравом смысле. Можно привести даже красивую цитату из самого Дильтея: «...природа нашего Духа не является заблуждением и Бог не лжет»², – это обстоятельство позво-

¹ Там же. С. 148 – 149.

² Цит по: *Калиниченко В.В., Огурцов А.П.* Указ. соч. С. 130.

ляет исследователю до определенной степени доверять своему первому представлению о том материале, которым он намерен заниматься. Самого словосочетания «здоровый смысл» Дильтей мог и не употреблять, но мы снова видим, что там, где речь заходит о гуманитарном исследовании, этот ход рассуждений регулярно появляется.

Гипотезы о единстве среды истории, в которой все мы пребываем, и о праве доверять интуитивным впечатлениям почти автоматически влекут и формулировку такого тезиса: обыденные значения языка возникают на протяжении исторического опыта. Таким образом, история является и резервуаром значений, и средством нашего узнавания об этих значениях. Получается, что границы нашего познания, его условия и возможности заданы не априорно, но в ходе исторической жизни. Они продолжают меняться, но они постижимы: мы можем понять, как думали тысячу лет назад, потому что наши способы мышления являются плодом развития этих архаичных форм. И в гуманитарных науках отношение к источникам должно быть именно таким: материал (тексты, произведения искусства, мысли и их результаты) должен восприниматься преимущественно как история. В свою очередь, история понимается как последовательность некоторых интеллектуальных состояний, сопоставимых друг с другом, т.е. постижимых и в то же время определяющих наше исследовательское отношение. В результате мы приходим к тому, что один и тот же фактор – история – обуславливает и возможность, и невозможность (в смысле – неминуемую искаженность, а не только неполноту) нашего познания.

Разберем это чуть подробнее: процесс интерпретации предшествующего и своего собственного культурного опыта вечен, а результаты познания почти всегда ограничены. Отсюда следует, что, во-первых, сам процесс интерпретации бесконечен, а его ход важнее результата. В таком случае результат должен диктоваться и проверяться не абстрактно теоретическими критериями, а в первую очередь соображениями практической жизни. Дильтеевская герменевтика стремится понимать даже сам разум как некоторую форму деятельности. Во-вторых, по Дильтею, именно признание ограниченности, исторической обусловленности своего познания и является свидетельством того, что достигнуто его наивысшее качество. Оно состоит не в том, чтобы обрести «последнюю» истину, но в том, чтобы признать (относительную, историческую) значимость (истины) своего времени по отношению к абсолюту. Другой постулат, очень важный для оправдания гуманитарного знания: мы учим историю не ради того, чтобы вывести законы или узнать, как нам поступать сию секунду, и нам не нужно оправдывать прошлое и наш интерес к нему нашими сиюминутными потребностями: каждый исторический период важен и интересен сам по себе. Следует обратить внимание: такие характеристики познания как неполнота, практическая значимость (= субъективная заинтересованность), оказываются очень тесно связаны с возможностью гуманитарного знания вообще. Мы можем исследовать только что-то, что нам интересно, и нам не следует обманывать ни других, ни себя, притворяясь, будто мы изучаем нечто совершенно отстраненно. И максимальная степень объективности, которой мы можем достичь, возможна только при использовании герменевтического способа мыслить: мы и видим-то предмет именно так только потому, что мы им интересуемся, но причина формирования наших интересов хотя бы отчасти кроется и может быть объяснена при анализе этого самого предмета. Исследуя историю или живопись, мы лучше исследуем себя; лучше исследовав себя, мы готовы чуть лучше анализировать историю и живопись, и так до бесконечности.

Резюме: герменевтическая программа гуманитарного знания

Итак, для того, чтобы интуитивистская методология смотрелась привлекательным образом, метафизическая гипотеза об устройстве мира и познания должна быть достаточно иррациональной. Образец такой метафизики предложил Шопенгауэр, который трансформировал гипотезу Гегеля о том, что познание возможно, поскольку и исследователь, и предмет принадлежат к единой субстанции. Шопенгауэр убрал самую большую натяжку в этой системе: он больше не настаивал на том, чтобы развитие Абсолютного Духа было рационально непротиворечивым, и чтобы исследователь реконструировал его точно так же, абсолютно рационально. Тогда от Абсолютного Духа остается не его логическая, «подзаконная» сторона, но только существование, стремление самоосуществляться; это стремление можно именовать Мировой Волей, энергией, или, как Вильгельм Дильтей – Жизнью. Снятие *панлогистических* требований значительно облегчает исследовательский процесс; в него вновь допускаются *интуиция* и самовсматривание (*интроспекция*). Однако Дильтей все-таки разрабатывает методологическую программу; поэтому ему приходится принять несколько аксиом, которые могли бы легитимировать гуманитарное знание. Во-первых, эта иррациональная Жизнь оказывается заинтересована в самопознании и устроена подходящим для самопознания образом. Во-вторых, самой фундаментальной характеристикой Жизни является время, и структура времени содержит все необходимое для разработки механизма наделения смыслом.

Иррациональность Жизни позволяет принять в качестве удовлетворительного познавательного метода *интуитивное вчувствование*; в качестве других синонимов фигурируют *эмпатия*, сопереживание, или просто постановка исследователем себя на место исследуемого исторического персонажа или автора. По мнению Дильтея, именно это средство наилучшим образом позволяет реконструировать представления исследуемого лица о смысле своего творчества или поведения. Вторая фаза исследования состоит в контроле и сообщении своей интуиции; с точки зрения Дильтея, даже несмотря на приблизительность и ограниченность личного знания и опыта, с позиций которых мы занимаемся интерпретацией, мы все-таки способны к коммуникации

и к постепенному наращиванию общезначимого знания. Сам Дильтей очень показательно говорит о «технике личной гениальности»: гениальность, конечно, не так уж легко контролировать, но, оказывается, ее можно упражнять. И непосредственно эти экзерсисы, и познание в целом, возможны потому что Жизнь проявляется и в исследователе, и в предмете его интереса: оба они существуют в единой среде, в истории. Именно в истории оформляется *язык*, пласт первоначальных значений, при помощи которых исследователь оказывается в состоянии структурировать и осознать свой личный опыт; именно в рамках исторического развития нужно рассматривать и весь познавательный процесс в целом. Наше знание всегда остается неполным, исторически ограниченным; в какой-то мере можно сказать, что оно всегда определяется сиюминутными, субъективными интересами исследователя. В то же время, достигнутая даже с этих относительных позиций более высокая степень знаний о каком-либо предмете способствует существенному успеху: мы лучше понимаем самих себя, лучше понимаем горизонты, в перспективе которых осуществляли свое познание, и поэтому становимся лучше подготовленными для следующих познавательных усилий¹.

На эту логику стоит обратить внимание потому, что она будет систематически встречаться в методологии XX века: в современной гадамеровской герменевтике, в прагматизме, а также и в неокантианстве, которому посвящена следующая лекция.

¹ См. схему на с. 152.

Лекция 7
НЕОКАНТИАНСКАЯ МОДЕЛЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

*Неокантианство и «классические стратегии»
гуманитарной гносеологии*

Философия культуры неокантианцев крайне важна для методологии гуманитарного знания. Современные определения предмета гуманитарных исследований и специфики «гуманитарного» очень часто выстраиваются в соответствии с неокантианским пониманием культуры.

Разговор о неокантианцах удобно начинать с сопоставления их с Дильтеем, особенно если учитывать, что и на практике имело место активное теоретическое взаимодействие. Дильтея и неокантианцев объединяет убеждение в том, что познание вещей «как они есть» невозможно. Вслед за Кантом они считают, что возможность и ход познавательного процесса обусловлены структурой исследовательского сознания. Напомним: Гегель, исходя из постулата о возможности познания, ратовал за последовательное развитие такой метафизики мира, которая предполагала бы эту возможность. Позитивисты пытались провести в качестве основания исследований мысль о том, что разные явления (культуры) даны нам независимо друг от друга и объективно. Дильтей обосновывал правомерность исследовательского процесса, указывая на единство жизненной первоосновы предмета и исследователя. Таким образом, все знакомые нам стратегии претендовали на исследование настоящего мира, мира «как он есть», и стремились обосновать гносеологическую возможность такого исследования. Неокантианцы же впервые решительно заявляют о том, что содержание науки не определяется ни эмпирическими наблюдениями, ни концепцией, возникшей на основе их обобщения. Единственно возможный способ познания – подходить к предметному миру с уже готовой теорией, которая и обуславливает отбор и определение фактов, впоследст-

вии способных привести к ее пересмотру; все остальное, по мнению неокантианцев, – позитивистские иллюзии о беспредпосылочности знания.

Неокантианцы начинают с того, что признают: перед исследователем лежит хаос, и порядок, в который этот хаос будет преобразован, предопределен структурой познавательного процесса. С их точки зрения, познание полностью субъективно, однако из этого не следует, что оно индивидуально. Если вновь сопоставить их с Дильтеем, то можно вспомнить, что неокантианцы именно его будут критиковать за излишнюю произвольность познания, разрешаемую каждому конкретному исследователю. Во-первых, какой бы интуитивной ни была стадия обнаружения истины, этап ее понятийного выражения может быть вполне однозначным; во взглядах на этот вопрос Дильтей был большим релятивистом, чем неокантианцы. Во-вторых, в принципе, надлежит разработать такую процедуру познания, которая была бы правильной для идеального познающего субъекта. Неокантианцы называли этого субъекта *трансцендентальным*, т.е. «потусторонним», недоступным для трудностей конкретного исследования – соответственно, они искали стратегию, которая наилучшим образом раскрыла бы его трансцендентально-субъективные возможности. Отсюда методологический пафос неокантианства: в первую очередь, они видели в философии именно теорию познания. Неокантианцы, принадлежавшие к т.н. *марбургской школе*, больше склонялись к ориентированным на математику и логику моделям человеческого мышления, представители т.н. *баденской школы* считали более существенными психологические характеристики. Ниже речь пойдет именно об этом втором направлении, создатели которого Вильгельм Виндельбанд (1848 – 1915) и Генрих Риккерт (1863 – 1936) внесли значительный вклад в методологию гуманитарного знания.

*Исследовательская деятельность
как субъективное полагание смысла в хаосе материала*

Итак, баденские неокантианцы считали, что надо по возможности точно описать то, как трансцендентальный субъект осуществляет свой по-

знавательный процесс. Кроме того, следует прояснить возможные пределы общезначимости этого познания. Неокантианцы исходили из того, что до начала исследований мы вправе приписывать предметному материалу только одну характеристику – долженствование быть познанным. Более того: познаны должны быть не отдельные явления предметной реальности, но внешний мир вообще. Этот мир предстает перед исследователем не как набор «вещей в себе», непостижимых, но хотя бы отделенных друг от друга, а как полная неразбериха, в которой следует навести порядок. И вот дальше начинается самое главное: этот порядок может быть установлен только потому, что исследователь априорно снабжен представлением о некоторых стандартах смыслополагания, о том, что явление А можно будет считать значимым для явления Б, если предположить, что они оба находятся на оси Х. Например, один историк может сказать, что Октябрьская революция произошла потому, что Россия экономически не справилась с нагрузкой Первой мировой войны. За этим тезисом будет стоять мысль, что историческое развитие определяется удовлетворением материальных потребностей. А другой историк скажет, что революция произошла потому, что к 1917 году на 1/6 части суши назрел маленький Апокалипсис, и нужно было показательно воздать людям за грехи и заодно побудить капиталистов не угнетать своих рабочих слишком сильно. За этим высказыванием будет стоять этический способ видеть связь между вещами. Но, согласно неокантианцам, механизм в обоих случаях одинаковый: любой исследователь (и даже просто эмпирический субъект познания, а не только трансцендентальный) обладает определенным набором таких осей, которые он может соотносить с предметным хаосом, и называются такие стандарты смыслоотношения *ценностями*.

Позволим себе для иллюстрации небольшое отступление. Если попробовать пофантазировать на мотивы уже упоминавшейся образцовой позитивистской монографии¹, можно получить примерно следующую картину:

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994.

*Взаимосвязь поступка и ценностей,
предположительно придающих ему смысл*

<i>Действие или высказывание анализируемого персонажа</i>	<i>Предполагаемая причина поступка персонажа</i>	<i>Ценность, с позиций которой «причина» могла повлечь за собой «поступок» или «высказывание»</i>	<i>Субъект, совершающий акт смыслоотнесения</i>
Мадам Бовари совершает самоубийство	Из-за несчастной любви	Значимость отдельных событий для биографии индивида	Флобер или «наивный» (используя терминологию «Самоубийства» Э. Дюркгейма) полицейский пристав
Мадам Бовари совершает самоубийство	Поскольку она не включена в прочную, профессиональную, например, общину, что помешало бы ей совершить самоубийство от несчастной любви	Значимость плотности социальных связей для контроля произвольности индивидуальных решений	Э. Дюркгейм
Э. Дюркгейм считает, что плотность социальных связей блокирует такие решения, как самоубийство	Поскольку Дюркгейм полагает, что общество должно подчинять себе жизнь индивида и в силу собственной логики может вмешиваться в решения индивидов	Значимость общей интеллектуальной приверженности к холизму или номинализму для интерпретации исследователем отдельных проблем	Историк социологии

Взаимосвязь конструкций «ценности» и «культуры»

Теперь еще одно важное определение: совокупность тех явлений, которые уже приведены исследователем в ценностное соотношение друг с другом, называется *культурой*¹. Неокантианцы внесли колоссальный вклад в описание и картографирование того пространства, по отношению к которому происходит вся интеллектуальная деятельность гуманитариев. Однако в рамках, заданных приведенным выше определением это пространство получалось полностью индивидуальным: любой исследователь приходит со своими ценностями и начинает все под себя упорядочивать. Обидно, и хочется общезначимости.

Неокантианцы указывали на несколько моментов, которые позволяют ситуации исследовательской разобщенности выглядеть менее фатальной.

Во-первых, это четкое различие *отнесения к ценности* и акта этико-психологической *оценки*. Какие-то пересекающиеся зоны – мостики между оценкой и отнесением к ценности – конечно, есть, но, в целом, отнесение к ценности должно быть свободно от сознательно выраженных прихотей и предпочтений индивида². И желание отказаться от самых эмоциональных и пристрастных суждений существенным образом сужает разброс возможных мнений и позволяет искать согласования точек зрения еще более рациональным способом. Далее, неокантианцы не устают напоминать, что при всей субъективности ис-

¹ Хочется привести афористическую формулировку М. Вебера: «Культура» – есть тот конечный фрагмент лишенной смысла мировой бесконечности, который, с точки зрения *человека*, обладает смыслом и значением» (Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 378).

² Проще всего пояснить это цитатой из Г. Риккерта: «Так, например, историк как таковой не может решить, принесла ли Французская революция пользу Франции или Европе или повредила им. Но ни один историк не будет сомневаться в том, что собранные под этим термином события были значительны и важны для культурного развития Франции и Европы и что они поэтому как существенные должны быть упомянуты в европейской истории. Короче говоря, оценивать – значит высказывать похвалу или порицание. Относить к ценностям – ни то, ни другое» (Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. М., 1995. С. 83).

следователя его система ценностей – не прихоть его физиологического состояния, где он хоть сколько-нибудь (тоже не слишком) индивидуален. Признание различия взглядов многих ученых и того обстоятельства, что выбор системы смыслонаделения диктуется не предметом, а исследующим субъектом, все же сохраняет за мыслителями право учиться выражать и сопоставлять свои разногласия в рамках единой логики и искать эту логику.

Это намерение реализуется при помощи еще двух процедур. Во-первых, ученый непрестанно вовлекает в круг смыслонаделенного (= культуры) новые феномены (уже исследованные = вписанные в систему смыслов другими авторами). Таким образом, исследователь постоянно занят поиском и описанием новых ценностей и более тонких механизмов их действия и взаимосогласования. Во-вторых, сам исследователь приходит к осознанию тех ценностей, которые руководят им при организации хаотического материала, лишь в ходе и в результате своей работы. Понимая зависимость изначально руководивших им стандартов смыслонаделения от ценностей более общего характера, исследователь перестает безусловно руководствоваться этими, уже осознанными, приоритетами, избавляется от предрассудков и начинает новый цикл аналитического процесса, в котором его шансы согласиться с коллегами на более абстрактном уровне уже чуть более велики. Если не допускать презумпцию того, что исследователи фатально не способны понять друг друга, возникнет сравнительно приемлемая схема развития знания как поиска и переопределения исходных ограничений исследования. Эта схема, в некотором роде модернизирующая неокантианство, занимает чуть ли не центральное место в современной истории гуманитарного знания.

Технология неокантианского исследования: различение культуры и природы, идиографического и номотетического методов

Осталось сказать несколько слов о технике неокантианской программы исследования. Для того чтобы ее понять, нужно усвоить вроде бы простое разграничение – между культурой и природой. Однако в этом простом разграничении таится существенное внутреннее противоречие. Первона-

чально неокантианцы жестко противопоставляли культуру и природу: культура – это мир явлений, между которыми исследователь уже установил ценностные соотношения; природа – это хаос, внутри которого никакие ценностные отношения не установлены. В культуре гора – это ландшафт, который позволяет построить укрепленный город, а укрепление города стенами – совершенно необходимо, как ясно всякому, кто знает, что такое люди. В то же время в естественных дисциплинах горы можно только считать – одна, две, три – или, например, устанавливать их высоту над равниной. Но и тогда специфический вид смыслонаделения в науке о природе все равно есть: получается, что естественные науки построены на ценности установления повторяемости среди явлений, которые признаны единообразными и соотносимыми друг с другом.

Осознав необходимость этой поправки, неокантианцы (Риккерт) решаются модернизировать исходную схему разделения наук о природе и наук о культуре: природный мир, точнее, восприятие части феноменов как природы, является упрощенной моделью видения мира вообще. В этом случае все качественные и ценностные характеристики вытесняются узкоспециализированным исследовательским намерением, уступая место исключительно поиску повторов и закономерностей. Такой метод называется *номотетическим*, «устанавливающим законы»; кроме того, употребляется слово «генерализирующий», т.е. обобщающий. Так пытались строить науку позитивисты. Этому методу противостоит *идиографический* – буквально «описывающий особенное», индивидуализирующий¹. Это – подлинный метод гуманитарных наук, когда мы максимально полно пытаемся учитывать индивидуальность каждого явления.

В основе идиографического метода лежат понятия ценности и нормы, произвольно кем-либо, например, исследователем или историческим персонажем, устанавливаемой; в основе номотетики – закон. Норма не может быть принципом объяснения, а закон – принципом оценки; в более позднем неокантианстве складывается представление о законе как о част-

¹ См., например: *Давыдов Ю.Н.* Идиографический метод // Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С. 111 – 113; *Давыдов Ю.Н.* Номотетический метод // Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С. 227 – 228.

ном виде ценности. В любом случае, норма и закон методически необратимы. Дедукция никогда не даст возможности установить на основании закона индивидуальные, не присутствовавшие в других случаях, характеристики события или явления. Напротив, индукция, путь от фактов к выведению закономерностей, не позволит в науках о культурных явлениях удовлетворяться формулами, ради которых будет «не жалко» пренебречь известной исследователю индивидуальной исключительностью феноменов.

В раннем неокантианстве эта классификация сохраняет свою жесткость, и все науки могут быть обобщающими или индивидуализирующими, оценочными или нет, что образует четыре их типа. Вот несколько примеров: история – это индивидуализирующая и оценочная наука, социология – оценочная и обобщающая, математика – обобщающая и безоценочная, а геология, например, безоценочная, но индивидуализирующая. В принципе, условность этой классификации также оказалось возможным продемонстрировать, однако для нас существенно то, что именно в этих спорах неокантианцы сформировали тот категориальный аппарат, который активно использовался для теоретического разговора о теории уже в XX веке. Следующая лекция будет посвящена методологии Макса Вебера: этот ученый успешно развивал идеи неокантианцев и сумел блестяще применить и улучшить разработанные ими методологические подходы для потребностей гуманитарного исследования.

Лекция 8
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МАКСА ВЕБЕРА
(1864 – 1920)

*Сильная черта методологии Вебера –
осознание «односторонности» создаваемых конструкций
и ее инструментализация*

Макс Вебер является своеобразной и очень привлекательной фигурой в истории европейского гуманитарного знания. Во-первых, у него очень удачно сбалансированы методологическая и предметная стороны исследования. Такое соотношение встречается крайне редко: может быть, потому, что люди с выраженным научным интересом нечасто чувствуют неубедительность и неадекватность своего знания и оказываются готовы говорить об этом на языке философии и методологии. Во-вторых, Вебер успешно совместил в своей исследовательской деятельности основные достижения европейской методологической мысли на начало XX века. Позитивистская дотошность при работе с историческим материалом и позитивистское стремление делать каузальные обобщения, пусть даже применительно к индивидуальным обстоятельствам, у него сочетаются с герменевтической постановкой задачи: понять смысл, вкладывавшийся историческими персонажами в их действия. Еще ближе Вебер был связан со своими непосредственными единомышленниками, неокантианцами – с ними он разделял представление об обусловленности познания структурой субъекта. Однако отношения Вебера с методологией очень специфичны: у него получалось – и в этом его уникальность – рассматривать методологию не как самодостаточный интеллектуальный продукт, но как инструмент получения знания. Создавая методологические конструкции, он не выпускает из виду, зачем они ему понадобились. Честно описывая, какими интересами и возможностями обусловлено его видение предмета,

Вебер неизменно останавливается как раз там, где надо – прежде, чем другой исследователь начал бы доказывать, что именно эти интересы и возможности обеспечивают удовлетворительную и истинную адекватность.

Вместо того, чтобы оправдывать свою стратегию познания предварительными гипотезами об устройстве предметного мира, а потом подтягивать результаты исследования к этим гипотезам, Вебер находит другой путь. Он предлагает исследовать вещи определенным образом не потому, что вещи на самом деле так и устроены, а потому, что наш ум принимает гипотезу о том, что они так устроены. Из этой посылки вытекает еще одно очень важное соображение, заставляющее вспомнить о Канте и неокантианцах: если уж результаты нашего знания в наибольшей степени определяются не свойствами объекта, а устройством нашей способности суждения, мы должны постараться разработать такую методологию, которая бы максимально использовала эту нашу способность. И оказывается, что самой главной чертой нашего знания является именно его неполнота, одно- (или не-все-) сторонность. Веберовская методология представляет собой блестящий образец того, как эта ограниченность может быть использована в качестве конструктивного фактора научного исследования.

*Вебер и его методология на фоне позитивизма
и неокантианства*

Фундаментальный для методологии Вебера принцип «ограничения» разворачивается в нескольких аспектах. Во-первых, Вебер стремится ограничить объем лежащего перед ним исторического материала. В этом он руководствуется соображениями прагматики научного исследования и сходен здесь с позитивистами: они тоже призывали иметь дело только с самыми необходимыми для исследования фактами. Однако еще ближе Вебер все-таки к неокантианцам, утверждавшим, что методом гуманитарных наук является индивидуализация, описание каких-либо явлений в такой полноте, с которой неспособны справиться дедукция и обобщения. Это позволяет не гнаться за количеством материала и отдельных случаев в ущерб полноте описания и «ис-

тинности». Так же, как и неокантианцы, Вебер считает чрезвычайно важным механизм *отнесения к ценности*, который позволяет исследователю отобрать свой материал, увидеть в бесконечном многообразии хаотического предметного мира значимые аспекты и внутренние связи. Индивидуальный набор ценностей заставляет исследователя обращать внимание лишь на ограниченное число фактов и связей, другие же явления он просто не воспринимает как значимые. Вебер предлагает конструктивно ограничивать не только объем, но еще и содержание мыслительного процесса: не только количество привлекаемой эмпирики, предметов размышления, но и набор исходных значимых для дальнейшей теоретизации характеристик¹. Неокантианцы надеялись компенсировать свое внимание к ограниченной части материала тем, что описывали ее насколько возможно полно: количество ценностей и связей увеличивалось, или же среди всех ценностей приходилось искать самые главные и ценные, что неминуемо вело к несколько подозрительной метафизике. Вебер обращает внимание на то, что в гуманитарных науках отдающее себе отчет в своей произвольности и в возможности альтернатив логическое усиление одной из сторон предмета, пусть и в ущерб остальным аспектам, позволяет дальше продвинуться в исследовании.

*Ключевая категория методологии Макса Вебера:
идеальный тип*

Предположим, что мы хотим изучить функционирование парламента в современных европейских странах. Тогда нам надлежит допустить, что для граждан наиболее существенны именно модель демократического представительства и, допустим, тип экономической политики, торжествующий в парламентских республиках. В это же время фактором личной привлекательности тех или иных политиков мы договоримся пренебрегать как не очень важным. Точно так же, если мы пытаемся в общих чертах охарактеризовать раннее европейское сред-

¹ В логике объем понятия – те объекты, которые охватываются этим понятием; содержание понятия – признаки, которые отличают эти объекты от других.

невековье, мы можем не обращать внимание на то, что города и большие скопления людей существовали и тогда: для начала целесообразнее, например, посчитать более значимым механизм организации власти на протяженном пространстве в условиях сравнительно небольшого административного аппарата.

Разумеется, на следующем этапе исследования, мы будем обязаны вспомнить, что изрядно исказили ситуацию ради ее логической наглядности. Обнаружится, что демократические политики апеллируют не только к представлению граждан о наиболее рациональном устройстве государства и о либеральной экономической политике, но и к чисто ценностной мифологии. Во втором случае придется столкнуться с тем, что даже в раннее средневековье вокруг короля и столицы концентрировалось немало вооруженных феодалов, а также встречались относительно крупные церковные и торговые центры. Однако, по мнению Вебера, именно наша первоначальная гипотеза позволяет нам обратить внимание на такого рода нюансы или более правильно оценить их значение.

	Парламентская политическая система	Власть в раннее средневековье
Фиксация наиболее существенных связей	демократическое представительство и тип экономической политики	маленький административный аппарат на протяженном пространстве
Характеристики, которыми временно можно пренебречь	личная привлекательность политиков	существование городов и других населенных пунктов с высокой плотностью и развитой инфраструктурой
Характеристики, на которые удалось обратить внимание благодаря наложению на эмпирику идеального типа и выявлению его слабостей	присутствие не только рациональной аргументации даже у демократических политиков	возможность стягивания крупных отрядов в кочевых дворах властителей и в епископских центрах

Такое логическое усиление некоторых аспектов в мыслительном представлении о предмете в ущерб остальным называется у Вебера образованием *идеального типа*. Идеальный тип рассматривается даже не столько как методологический совет, оптимальная норма, которой должны придерживаться практикующие гуманитарии – скорее, это неизбежная модель, в соответствии с которой не может не проходить процесс гуманитарного исследования. При помощи идеального типа ученый останавливает свое внимание на «конечном фрагменте лишенной смысла мировой бесконечности»¹; осознанно, с меньшим количеством иллюзий, чем обычно, говорит о том, что, с точки зрения определенных ценностей (например, обусловленности истории физико-демографическими факторами), причиной утверждения феодального права была именно плотность (вооруженного) населения. Идеальный тип никогда не претендует на то, чтобы отражать объект во всей его реальности. Он всегда остается лишь *пограничным средством, логической утопией*, которая применяется для того, чтобы быть сопоставленной с эмпирическими данными и подтвердить свою неточность и односторонность². Однако эта недостаточность любого исследования утверждается не вообще, не в смысле релятивистского отвержения, а в перспективе содержания, с намерением дальнейшей работы в данной области. Это позволяет еще раз назвать методологию Вебера «ограничительной» – поскольку развитие знания идет путем избавления от знания неправильного, от тех характеристик идеального типа, которые не смогли выдержать сопоставление с очередной порцией эмпирического материала.

¹ См. сноску выше, на с. 97.

² «...это чисто идеальное *пограничное* понятие, с которым действительность сопоставляется, сравнивается, для того чтобы сделать отчетливыми определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания. Подобные понятия являют собой конструкции; в них мы строим, используя категорию объективной возможности, связи, которые наша ориентированная на действительность, научно дисциплинированная *фантазия* рассматривает в своем *суждении* как адекватные» (Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 393).

Специфика теоретического статуса идеального типа

Говоря о методологии Вебера, к сожалению, приходится отказываться от рассмотрения многих очень важных тем: представления Вебера о власти, о религии, о рациональности и т.д. В принципе, они могут быть отнесены к области гуманитарной методологии, поскольку макротории такого рода являются той сеткой, сквозь которую можно взирать на более частные вопросы. Однако содержательный материал может быть найден в учебниках и словарях, тем более в работах самого Вебера. Здесь же мы подчеркнем только одну из самых принципиальных характеристик идеального типа, его специфическую познавательную функцию.

Идеальный тип не является точной теоретической конструкцией реального предмета и поэтому не претендует на адекватность. Он не выражает статистическое усреднение, идею, смысл, сущность или ценность существования предмета. Идеальный тип – это такая теоретическая реконструкция предмета, которая является не правильной, а понятной. Уже поэтому такая реконструкция будет заведомо неправильной, будет являться логической абсолютизацией: одни характеристики заостряются в ущерб другим, менее ценным для исследовательского интереса. Следует еще раз подчеркнуть: идеальный тип является методологической конструкцией, которая нужна не для того, чтобы констатировать ее и упокоиться на лаврах, но для того, чтобы ее немедленно опровергать – выясняя, какие именно объяснительные черты мы акцентировали, пренебрегая отдельными фактами. Здесь чрезвычайно важно указать на связь веберовской методологии и практики гуманитарного исследования. Идеальный тип отражает не какую-либо социальную, материальную или смысловую реальность, но исследовательское понимание этой реальности.

«Понимающая социология» Вебера. Понятие «социального действия» и разработка шкалы социальных действий при помощи идеально-типической методологии

А если перенести на следующую страницу, то и ужимать не надо будет. Именно на этом уровне смыслоуществования идеальный тип оказывается особенно адекватен гуманитарному исследованию. Для Вебера изучаемая гуманитариями реальность – это прежде всего пространство планирования, удачного или ошибочного, историческими или современными индивидами своих действий, область их представлений об оптимальном соотношении целей и средств. Сам Вебер называл свою социологию «понимающей», недвусмысленно отсылая здесь к Дильтею и герменевтической традиции. Задача состоит в том, чтобы реконструировать и максимально рационально изложить причины человеческого поведения. Честнее всего это делать в плоскости осознания этих причин, там, где они эксплицируются как мотивы действия персонажей истории или текста. Таким образом, сознание исследуемого и сознание исследователя приводятся в наиболее конструктивное взаимодействие: соплагаются понимание персонажем условий и целей своей деятельности и понимание исследователем персонажа. Поступок оказывается единством мотива и реализации и именно эту взаимосвязь должен реконструировать ученый. Однако исследователь, Другой, тот, кто смотрит на историю или текст «со стороны», может реконструировать смысл только такого действия, которое является не полностью индивидуальным для совершившего это действие персонажа. Те *действия*, которые могут быть предметом науки, Вебер называл *социальными*: они ориентированы непосредственно на поведение других людей и/или на созданные человеческим опытом стандарты и правила. Герменевтическая составляющая здесь абсолютно очевидна, поскольку речь идет о том же самом проникновении во внутренний мир других людей, к которому стремился Дильтей. Однако Дильтей, как мы помним, старался прояснить онтологический фундамент, существование которого позволило бы нам считать такое проникновение более или менее адекватным. Вебер вместо этого блестяще разрабатывает методологию того, как именно следует интерпретировать социальные действия, и предлагает шкалу, на которой можно отметить различные степени

надежды исследователя на вероятность удачной реконструкции чужого смыслополагания.

Вебер отталкивается от оптимального случая: когда смысл действия будет одинаково восприниматься деятелем и исследователем. Например, и европейский крестьянин XVI века, и исследующий его историк одинаково думали бы о том, что в этих исторически определенных условиях для достижения определенной цели (допустим, экономического обогащения) следовало начать сеять вместо пшеницы шафран или какую-нибудь еще техническую культуру. Нужно обратить внимание на очень принципиальную вещь: в данном случае исследователь и деятель согласны в том, что они оба знают, что такое экономическое обогащение, и их не удивляет, что оно может быть целью поведения. Такое действие, смысл которого исследователю идеально понятен, будет называться «целерациональным»; оно становится идеальным типом для анализа интересующего материала.

В нашем случае исследователь, очевидно, столкнется с тем, что не все земледельцы XVI века в едином порыве перекинулись на шафран. Сопоставляя с этой идеальной моделью поведение большей части крестьян, исследователь убедится, что они продолжали сеять пшеницу. Объясняя сей примечательный факт, он увидит, что дело не только в экономической целесообразности, но и в том, что часть земледельцев считала необходимым следовать примеру отцов и дедов. Таким образом, у Вебера формируется следующая модель, а именно, модель *ценностно-рационального*, а не целерационального поведения. Чрезвычайно важно, что эта модель возникла благодаря сопоставлению первого идеального типа с действительностью. Продолжая рассуждать таким образом, наш гипотетический исследователь заметит, что большая часть крестьян, скорее всего, не задумывалась о том, что их предки сеяли именно пшеницу. Они даже не говорили себе, что привычки предков надо сохранять, несмотря на экономические пертурбации. Просто-напросто некоторая часть крестьян продолжала сеять пшеницу, потому что так делали все, или даже переходила на шафран тоже потому, что так делали все. Такое поведение в типологии Вебера называется *традиционным*. И наконец, четвертый тип социального поведения – *аффективный* (следование эмоциям) – в нашем примере, скорее всего, не будет представлен: как правило, никто не бежит сеять пшеницу или

шафран под воздействием сильнейшего душевного порыва. Однако, допустим, в ситуации дефолта в России в 1998 году и массового панического изъятия банковских вкладов это уже вполне представимо.

Веберовская типология социального действия заслуживает столь пристального внимания по двум причинам: во-первых, следовало показать, как работает на практике идеально-типическая методология; во-вторых, веберовское понятие социального действия и разработка этого понятия оказались, возможно, самым существенным достижением научной гуманитарной мысли в начале XX века. Вебер предлагает анализировать социальное поведение, разбивая его на отдельные действия, наделенные собственным, атомарным смыслом; этот смысл понимается благодаря сопоставлению с представлением самого исследователя о том, какое поведение является осмысленным¹. Принципы методологии Вебера можно обнаружить в самых влиятельных исследованиях по истории, социологии и даже психологии. Вебер оказался чрезвычайно привлекателен для тех авторов, которые не стремились делать широковещательные философские обобщения и в то же время претендовали на большее, чем просто переписывать какую-либо информацию из источников в монографии.

Переосмысление представления о науке

Целесообразно остановиться еще на одной теме, связанной с методологией Вебера. Весьма любопытно, что веберовское представление о способе развития знания повлекло за собой и переосмысление статуса этого процесса. Речь идет о продукте научного знания и об устройстве науки как социального и, можно сказать, экзистенциального института. Как мы помним, Вебер полагал, что единственное, чем исследователь располагает в полной мере – это его личная ограниченность; ученый не может увидеть больше, чем позволяют ему его собственные

¹ Этот «методологический номинализм» очень хорошо просматривается в подходе, отталкиваемом от веберовских определений «власти» (как шанса встретить повиновение приказу) и «господства» (как шанса навязать свою волю другой лицу).

ценности и умения, его собственный культурный горизонт. При этом, в отличие от неокантианцев, Вебер не питал иллюзий, что относительность ценностей может быть как-нибудь преодолена. Он полагал, что в историческом смысле процесс развития и переоценки ценностей бесконечен, да и многообразие культурного материала тоже слишком велико для того, чтобы исследователи могли надеяться исчерпать варианты научного смыслополагания. Более того, Вебер был уверен, что даже самые базовые ценности не могут быть согласованы друг с другом без потери значения одной из них: иными словами, исследователь религиозной истории, для которого милосердие, например, важнее, чем справедливость, никогда не сможет убедить в этом придерживающегося противоположной точки зрения оппонента. В лучшем случае они будут способны друг друга понять, если они по-настоящему научные люди, для которых поиск истины важнее всего остального, и если они оба найдут мужество признаться друг другу в том, что некоторые исходные способы смыслоотношения являются для них предметом веры.

Вебер и сам мог бы послужить примером того, как маниакальное стремление к истине сочетается с уверенностью в вечно ограниченном характере собственного видения. Это привело Вебера к оформлению такого представления о науке, которое является одновременно и трагичным, и патетически-триумфальным¹. Это настроение соответствует тому, что гуманитарная наука как престижный социальный институт достигает в начале XX века высшей точки своего исторического развития. Вебер признает неспособность обосновать ценность занятий наукой и иногда даже говорит об абсурдности науки или возможности прямого вреда науки для общества. Тем не менее, Вебер ратует за продолжение научной деятельности (разумеется, не принудительной, а основанной на индивидуальном выборе). Исходную ограниченность собственных исследовательских горизонтов предлагается преодолевать сознательным ограничением претензий на полноту и беспристрастность объяснения; наука выглядит как бесконечный

¹ Наилучшим образом оно изложено в одном из последних текстов Вебера: *Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 707 – 734.*

процесс, не способный иметь удовлетворительного результата. Подобную научную этику следует признать своего рода героическим фатализмом; сам Вебер был близок к тому, чтобы говорить о таком отношении к науке как о некоторого рода религии (но, конечно, никак не в позитивистском смысле признания науки всемогущей и всеблагой силой). Экзистенциальная нагруженность методологии, таким образом, усиливает здесь впечатление от ее интеллектуальной убедительности и эффективности и еще больше способствует ее влиятельности в научном сообществе.

Лекция 9
ПРАГМАТИЗМ

Сегодня мы будем говорить о прагматизме, который, с точки зрения истории европейского мышления, выглядит несколько неестественно. Это философское направление объединяет черты, свойственные, скорее, враждебным друг другу школам и способам мышления: *позитивистские* требования к интеллектуальной деятельности совмещены в прагматизме с установками, близкими к *герменевтике* и *философии жизни*. Герменевтика (она же фигурировала выше как романтическая или интуитивистская стратегия) разработала представление о том, что познание является *деятельностью*. Отсюда делается вывод, что оно подчиняется не только законам логики: значимы также структура (переживания) времени (как у Дильтея), ограниченность культурно-исторического горизонта, способ видения исследователя, практическая польза и т.п. Сходство с позитивизмом заметно, прежде всего, в нежелании мыслить какими-либо сущностями (например, «идеями», о которых говорил В. Гумбольдт) – отказ от подобных категорий, в общем-то, является крайне «неромантическим». Прагматисты предпочитают говорить о содержании какого-либо понятия с точки зрения его последствий, в первую очередь, последствий практического применения значения этого понятия. Условно говоря, о прагматизме важно знать не историю развития основных понятий и, например, философскую генеалогию, а как написать лекцию о прагматизме, получить пять на экзамене, если достанется соответствующий билет, или найти с помощью прагматизма решение какой-нибудь личной, бытовой, профессиональной проблемы. Из этой устремленности в будущую практику происходит незамкнутость прагматистского исследования, готовность вечно переопределять истину. Прагматисты утверждают, что целью философии или методологии является не какое-то конечное состояние знания, но постоянный процесс его обретения, уточнения и переопределения. В какой-то степени, прагматизм можно представить себе как новую попытку ослабления понятия истины: чтобы истиной можно было на-

зывать не вожденный идеал, не то, что хочется, но возможный наилучший результат использования наших убогих познавательных процедур. И, значит, его-то мы и будем хотеть и добиваться.

Стоит упомянуть, что прагматизм является философской программой, господствующей, в первую очередь, в Америке, достаточно авторитетной в Британии и Франции, но мало популярной в Германии и России. И несколько имен: основателем этой традиции чаще всего называют Ч. Пирса (1839 – 1914), наиболее образцовыми представителями – У. Джеймса (1842 – 1910) и Д. Дьюи (1859 – 1952), а самым известным из современных теоретиков – Р. Рорти (р. 1931).

*Прагматистская трансформация позитивистских принципов
Чарльзом Сандерсом Пирсом*

Основатель прагматизма, Ч.С. Пирс еще весьма близок к позитивизму. Можно привести несколько аргументов. Во-первых, Пирс очень многое сделал не как философ, а как ученый, исследовавший закономерности интеллектуальной деятельности и, в частности, даже создавший целую науку – т.н. *семиотику*, науку о знаковых системах. Во-вторых, Пирс предъявлял к познанию строгие требования рациональности и соответствия опыту. В-третьих, интеллектуальная деятельность Пирса к позитивистским образцам стилистически ближе, чем к романтическим. Технологии исследования, предлагаемые Пирсом, также напоминают позитивистские.

Как и позитивисты, Пирс симпатизировал индукции, заключению от частного к общему, полному обобщению фактического материала; стремился уточнить логические правила этой исследовательской процедуры. Пирс серьезно разрабатывал проблемы соотношения фигурирующих в познании элементов. Он пришел к чрезвычайно плодотворной гипотезе о том, что в основе существования смысла лежит механизм обозначения, когда элемент указывает не только на себя, но и еще на что-то. Пирс разработал первую типологию знаков, предложил важное разграничение между знаками самими по себе, знаками по отношению к обозначаемому предмету и знаками по отношению к интерпретатору.

Однако некоторые тенденции мысли Пирса отчетливо отделяют его от позитивизма. Для Пирса истинность концепции зависит не от убедительности построений и не от полноты учтенного опытного материала (тем более, что эти «убедительность» и «полнота» являются таковыми только с каких-нибудь определенных позиций). Гораздо важнее возможность проверки обсуждаемой гипотезы, проверки следствий, которые она влечет за собой. По мнению Пирса, все потенциальное содержание нашего знания исчерпывается информацией о будущих последствиях какого-либо явления или гипотезы. Таким образом, исследовательское пространство размыкается; теоретическая конструкция оказывается не итогом исследования, который является или истинным, или ложным, а его промежуточной стадией. За формулировкой версии следует ее мыслительная или практическая проверка, иными словами, предвосхищение и просчет ее прямых и побочных последствий, в том числе, и ее принятия научным сообществом. У Пирса даже есть формулировка, что истина – это то, с чем сообществу суждено согласиться.

Показательно сравнение того, как понимают зависимость истины от возможности ее экспериментальной проверки Пирс и Ф. Бэкон. Последний имел в виду лишь то, что эксперимент покажет, как все есть на самом деле. Пирс уже осознал, что степень человеческого могущества достаточно велика, для того чтобы подогнать под гипотезу и результаты эксперимента. Соответственно, критерием удачности гипотезы является именно эта способность определять мировидение и после столкновения с наблюдаемым материалом. Это более честно и более зрело, чем у Бэкона, который не знал, что мы все равно видим материал не таким, «каков он есть сам по себе», а так, как нам хочется; с другой стороны, степень доверия к истине в рамках теории Пирса существенно ниже.

Уильям Джеймс

*и снятие жестких границ между данными органов чувств,
сомнениями и «ясным теоретическим знанием»*

Самым удобным для дальнейшего рассказа о развитии прагматизма может стать указание на то, что Пирс не настаивал на том, что вещи

даны нам так, как они есть, и в то же время не проповедовал, что мы сами изобретаем их смысл. По Пирсу, у вещей есть такая форма существования, как *данность в опыте*. Для самого Пирса эта данность – всего лишь промежуточное состояние между «независимым (от исследователя – А.П.) бытием вещей» и долженствующей отразить это бытие хорошей теоретической конструкцией. Однако уже Джеймс понял, что это пространство опыта можно сделать универсальной средой, в которой происходит весь познавательный процесс. Тогда окажется, что наше знание о самих себе в рамках этого процесса – не больше и не точнее, чем знание о бронтозаврах или смысле жизни; с другой стороны, знание о бронтозаврах или смысле жизни – ничуть не менее достоверно, чем знание о самих себе. Иными словами, отпадает осознанная И. Кантом и мучившая европейскую гносеологию чуть ли не до сего дня проблема: качественного отличия знания о собственном сознании от информации о внешних вещах.

Джеймс сформулировал эту мысль следующим образом: «*чистый опыт*» это «непосредственный жизненный поток, представляющий материал для нашего последующего отражения»¹. Таким образом, оказывается возможным соотнести субъект и объект как два однородных образования, как две порции сознания (оно же – «чистый опыт»). В самых первых лекциях уже говорилось о том, что любая теория гуманитарного познания строится, во-первых, на противопоставлении субъекта и предмета, а во-вторых, на необходимости предположить между ними удовлетворительно проводящую познание среду: в случае с прагматизмом мы имеем еще один вариант решения этой проблемы.

Некоторые соображения Джеймса представляются очевидно верными: в частности, о том, что одна и та же, вполне неделимая, порция чистого опыта в одних условиях оказывается объектом, а в других – субъектом. Можно привести пример: когда Джеймс сформулировал этот принцип, он был субъектом познания, а когда сейчас о нем говорим мы, он – объект и ничего больше. Другое очень занятное наблюдение: само

¹ Цит. по: *Рассел Б.* Указ. соч. С. 284. Как мне любезно указал С.Д. Серебряный, в английском оригинале этой цитаты последнее слово – «reflection», так что может быть более оправдан перевод: «последующего размышления».

понятие «сознания» в историко-философском плане содержит нагрузку еще до-философских способов мысли; «сознание» – это трансформированная категория «души». В этом качестве термин и понятие «сознания», по мнению Джеймса, скорее должны быть достоянием религиозного, а не философского рассуждения.

Стоит обратить внимание еще на несколько мыслей. Во-первых, в познание, расширенное до границ всего опыта, привносятся различные элементы, выходящие за рамки рационального оперирования: верования, желания, ощущения и т.п. Но в таком случае опыт исчерпывает собой весь горизонт доступной для нас информации. Кантовская и послекантовская гносеология заставляет нас мучиться достаточно трудными вопросами: как мы можем знать что-то находящееся вне нас? как мы можем рационально выразить нечто полученное принципиально нерациональным способом – через органы чувств и через интуицию? В случае принятия прагматистского представления о сознании мы стоим перед значительно более простой задачей: как сделать так, чтобы наши рационально образованные идеи рационально же казались нам не противоречащими всему прочему. Сформулированная таким образом проблема не только сулит больше надежд на успех проекта, но и помогает отдать должное степени влияния обстоятельств на исследователя.

Во-вторых, продолжается тенденция размыкания процесса познания. Джеймс делает уже откровенное заявление о том, что познание ищет не результата, а метода; чуть позже Дьюи внесет еще одно ценное уточнение: метод должен предполагать возможности своего собственного исправления. Джеймс развивает прагматистские соображения о том, что истина – не состояние, а процесс, т.е. нечто по определению изменяющееся, нестабильное. Постепенно он приходит к формулировке, что истина – это процесс постоянной верификации (= перепроверки = сомнения). В прагматизме (за что он и был назван «прагматизмом») истина идеи тождественна ее полезности, точнее – ее оперативной способности, возможностям ее применения. Однако, чтобы это не выглядело слишком плоско, стоит оговориться: знание становится верным не потому, что кому-то стало от этого очень хорошо в конкретный момент, а потому что события продолжают подтверждать полезность определенного содержания информации в отличие от аль-

тернативного. Вернемся к примеру из начала этой лекции: о прагматизме желательно знать столько, чтобы без проблем ответить соответствующий билет на экзамене. Однако может оказаться, что информация о том, как звали основных мыслителей прагматизма, хотя и поможет продемонстрировать экзаменатору, что Вы когда-то что-то читали, тем не менее будет решительно недостаточна, для того чтобы применить прагматистские принципы мышления для определения, например, проблемы собственного дипломного проекта. В этом случае более операциональным знанием о прагматизме оказывается уже не словарная информация, но тренировка в применении прагматистского подхода к процессу собственной исследовательской деятельности.

*Джон Дьюи: инструментализм и его импликации
для (гуманитарного) исследования*

Джеймсу принадлежала еще одна очень интересная мысль: о том, что познание есть часть механизма приспособления человека к окружающей среде. Ее с большой охотой развил третий великий представитель прагматизма – Д. Дьюи. Он предположил, что исследование – процесс взаимного приспособления организма и среды, а, соответственно, человек – такая часть природы, которая способна на сознательное самоизменение. Б. Рассел в своем учебнике упрощает это и говорит, что исследование есть только часть процесса взаимной адаптации среды и человеческого организма – та, в которой изменения происходят больше с человеком и с миром его осознанных представлений. Однако в любом случае взаимное приспособление природы и организма подразумевает некоторое равноправие. Пирс некогда развил субъективную сторону этой гипотезы: цель познания состоит в преодолении исследовательской неуверенности, переходе от проблематичной ситуации к неproblemатичной (видеть развитие знания в таких терминах полезнее, чем говорить об «истине»). Дьюи в своей формулировке, наоборот, снимает противопоставление субъективного и объективного: если исследование – процесс приобретения ситуацией большей определенности, то оно есть деятельность по организации мира.

Выводов из такого понимания познания можно сделать множество. Что касается его объективности, то она в большой мере сохраняется – даже несмотря на то, что такие ощущения, как ощущения истинности и ложности, в принципе больше зависят от исследователя, чем от материала. Да, эти ощущения суть лишь состояния организма. Тем не менее, обуславливаются эти состояния организма извне и характеризуют степень его приспособленности к среде. С другой стороны, Дьюи сохраняет прагматистское допущение о единстве *жизненного потока* (или, если угодно, «*чистого опыта*»). В рамках этого допущения он делает несколько чрезвычайно важных новых выводов.

Во-первых, Дьюи окончательно отказывается отождествлять чистый опыт и поток сознания: делается это ради того, чтобы не осталось сферы (например, материи), которую было бы уместно исключать из области опыта.

Во-вторых, развивая тезисы Джеймса и Пирса, Дьюи уточняет гипотезы об устройстве универсальной познавательной среды. Он обращает внимание на то, что поток опыта изначально не расчленен. Некоторую структуру этому потоку придает только исследовательское намерение, которое и обуславливает выбор определенных порций опыта (фактов). Интеллектуальные операции с фактами предшествуют оформлению идей – планов вторжения в существующие внешние условия. При этом, поскольку любой факт существует лишь по отношению к идее (*оперативному плану* действия с фактом), он может быть выражен именно символическими терминами. Исследовательский интеллект как раз и способен работать только потому, что объект заменяется другим объектом, знаком, – таков характер связи между элементами. Из этого, по мнению Дьюи, следует, что характер смыслополагания у человека задан его намерениями что-то делать с предметами своих размышлений.

В-третьих, Дьюи в очередной раз обогащает понятие опыта. Он указывает, что к этой единственно существующей для познания среде принадлежат не только очевидные средства и объекты познания, но и факторы, затрудняющие познавательный процесс: неведение, интеллектуальная и поведенческая инерция, парадоксы, негативные определения (например, определения смерти как окончания жизни или условия выплаты страховки) и т.п.

Наконец, еще одно очень важное следствие из фундаментального положения Дьюи о том, что познание является деятельностью по организации мира. Уже говорилось, что деятельность разума состоит не в созерцании вечной истины, а в процессе перепроверки ее промежуточных значений; иными словами, разум ценен не сам по себе, а потому, что он годится для разрешения проблемных ситуаций, *операционален*. В таком случае смысл интеллектуальной деятельности состоит в том, чтобы по возможности просчитывать последствия ситуации и влиять на будущее собственными адекватными действиями. А отсюда следует, что разум (да и вообще субъективное участие) не подлежит изъятию из исследовательского процесса, и упорство в стремлении «видеть вещи такими, какие они есть», является обманом тем более опасным, что это самообман.

Наоборот, нужно стремиться к более активному воздействию на объект исследования. Вместо того чтобы пытаться наблюдать те условия, в которых поведение вещей выглядит максимально естественным (хотя из-за наличия наблюдателя это все равно недостижимо в полной мере), следует сознательно, не стесняясь этого, создавать те условия, в которых удобнее будет субъекту наблюдения. Это очень плодотворный принцип, и только на первый взгляд кажется, что он имеет отношение сугубо к естественным наукам и абсолютно неприменим для гуманитариев. Если мы имеем дело, например, с анализом текста, этот принцип оказывается весьма плодотворным.

Согласно прагматизму, мы не должны пытаться установить тот смысл, который вкладывал в этот текст его автор: мы все равно не сможем этого сделать, поскольку не будем в состоянии ни полностью уподобиться автору, ни сделать вид, будто наши представления ничуть не влияют на нашу интерпретацию. Вместо этого мы должны сразу поставить перед собой реальную задачу: по мотивам текста нужно прояснить наши собственные представления о структуре, например, нашей же исследовательской мысли. При этом тексты оригинальных авторов будут для нас не источником, а, скорее, чисто вспомогательным инструментом, своего рода «галлюциногеном».

Пример, с точки зрения научной этики, несколько провокационный, но вроде бы неплохой; во всяком случае осознание того, что в по-

знавательном процессе всегда задействован фактор исследовательской деятельности (не столько даже интеллектуальной, сколько практически-волевой и даже направленной на удовлетворение каких-то интересов), было вполне своевременным. Выше я уже пытался показать, что Кант, неокантианцы или Вебер признавали неустранимость структуры исследовательского сознания и склонялись к тому, чтобы конструктивно использовать его ограниченность. Точно так же и прагматисты обнаружили в познавательном процессе неотменяемый интерес приспособления к жизненным условиям и поставили вопрос о возможности продуктивно использовать этот интерес. Можно это переформулировать: согласно прагматизму, необходимо так ставить исследовательские вопросы, чтобы фактор своего интереса оставался осознанным и не вводил в заблуждение, что такого интереса нет.

Напоследок еще ряд моментов, о которых стоит сказать несколько слов. Во-первых, примечательно соотношение, которое прагматизм устанавливает между областью осознанных, продуманных представлений и остальным пространством. В прагматизме здравый смысл и научное сознание нераздельны, и наука есть своего рода «верхний этаж», относительно механическая разработка повседневных операций и проблем. Во-вторых, необходимо обратить внимание на прагматистскую этику – и потому, что она интересна сама по себе, и потому что ее часто довольно беспардонно искажают. Оставим в стороне злопыхательство марксистов советского и постсоветского толка, инкриминировавших прагматистам (читать надо было – «американцам») свою степень подгонки теории под повседневные нужды. Однако и Б. Рассел в «Истории Западной Философии» перегибает палку, изображая, как будет мучиться прагматист, которого спросят, пил ли он утром кофе: прежде чем ответить, ему надо будет просчитать все возможные последствия разных вариантов ответа и, исходя из этого, выбрать нужный. Здесь есть другая сторона, поинтереснее: поскольку сами прагматисты, конечно, сознавали, что их учение может быть понято как легитимация релятивизма и вседозволенности, они всячески культивировали душевную деликатность и внимание к собеседнику / Другому. При построении своей теории они больше всего заботились как раз о том, чтобы, если уж человек оказался свободен выбирать ценности, он выбирал не

самые плохие и, по крайней мере, не задавил бы, по своей глубокой невежественности, хорошие. В целом, этика прагматизма является именно этикой плюрализма и ненасилия: выбирать (по возможности) и в поведении, и в исследовании обычно рекомендуется тот вариант, который оставляет наибольшие возможности для существования альтернативных себе. Поэтому не стоит однозначно принимать на веру рассуждения о том, что прагматизм как философское направление является безнравственным: на мой взгляд, современная этика, проповедующая мультикультурализм, терпимость и политкорректность, многим обязана прагматизму и хорошо с ним уживается.

Лекция 10
НЕОПОЗИТИВИЗМ

*Теория познания в начале XX века. «Карта гносеологии»
и удобство выделения определенных «полюсов» – например,
аналитической (неопозитивистской) программы*

На прошлых занятиях речь шла о расшатывании классической методологии гуманитарного знания – о том, как неокантианство и прагматизм пытались совместить требование объективности исследования с фактом зависимости его результатов от структуры сознания наблюдателя. В какой-то мере классические варианты ответа на основные методологические вопросы продолжают воспроизводиться и в XX, и в XXI веке: сейчас также сосуществуют позитивистские, интуитивистские и критические варианты гносеологии. Однако уже менее определенно, чем в позапрошлом столетии, можно говорить о чистоте философских школ; у любого автора можно найти и аналитические, и иррационалистические, и релятивистские аргументы. Есть еще одна сложность: когда мы начинаем размышлять о философии 1950-х или даже 1900-х годов, оказывается, что у нас нет концептуального аппарата для говорения с внешних, беспристрастных позиций. В слишком заметной степени мы наследники, пользователи и пленники той системы категорий и противоречий, которая была выработана именно в начале XX века. Такие трудности заставляют стремиться к определенным упрощениям при характеристике ситуации в гуманитарной гносеологии.

Прежде всего, хотелось бы ввести допущение, что на карте методологических учений первой половины XX века существует некоторый полюс, от которого можно будет впоследствии отсчитывать координаты других концепций. Этот полюс можно было бы обозначить как «аналитическую программу», понимая под таковой очередную попытку

строить знание исключительно рациональным образом. Рациональность познания должна сделать исследование подконтрольным, проверяемым, подающим надежды на то, что количество проверенного и хорошего знания будет медленно, но увеличиваться. Слово «аналитическая» уместно здесь в том смысле, в каком его употреблял Б. Рассел. В упрощенном виде *аналитическая программа* означает намерение получать знание путем *анализа*: самым несомненным способом, только из уже имеющегося, без добавления новых проблематических суждений. Таким образом, аналитизм не хочет оперировать теми теоретическими образованиями, которые могут оказаться неоднозначными. Как формулирует Рассел, «анализировать – значит переводить высказывание в более адекватное словесное выражение, значения которого выступают именами «данностей» – чувственных или логических»¹.

Здесь сохраняется та же стратегия, которая была и у позитивистов: кропотливо собирать все знание, достойное доверия, и ни за что не допускать в корпус науки информацию, которая не может быть обоснована полностью. Ради выполнения этой задачи следует каленым железом выжигать все уже успевшие проникнуть в знание предрассудки, логические ошибки, намеки и прочее. Последователи этой аналитической программы также позаботились о том, чтобы нам было несложно их идентифицировать и описывать. Большинство ранних неопозитивистских текстов, в которых делается отчаянная попытка сконструировать и описать логику науки, происходит из очень немногочисленных исследовательских центров: т.н. Венского кружка, Львовско-варшавской школы и Берлинского кружка. Это все 1920-е – 1930-е годы: Р. Карнап, М. Шлик, Г. Райхенбах, К.Г. Гемпель, А. Тарский, К. Айдукевич, К. Гедель и другие². Этим авторов принято объединять при помощи термина «*неопозитивисты*», весьма удачно отражающего близость их ценностей к исследовательской программе первого позитивизма, который, как уже говорилось, также настаивал на логичности и *верифицируемости* любых исследовательских построений.

¹ Цит. по: Юлина Н.С. Аналитическая философия // Современная западная философия: Словарь. М., 1998. С. 19.

² Там же. С. 18 – 23.

Нередко к этому кругу присоединяют еще двух чрезвычайно авторитетных мыслителей: многократно упоминавшегося здесь Б. Рассела и претендующего на звание самого крупного философа XX века Л. Витгенштейна. Они, однако, не так однозначно могут быть отнесены исключительно или даже по преимуществу к неопозитивистам, и тот, и другой несколько подозрительно относились к возможности строгого варианта анализа за пределами узко логической тематики. Помимо этого, Витгенштейн вообще является почти уникальной фигурой в истории мысли: в годы Первой мировой войны он создал очень мощную научную теорию, как раз рекомендующую строго логический анализ того, «о чем можно говорить». Всего несколько десятилетий спустя (в опубликованной посмертно, в 1953 году, работе «Философские исследования») он доказал, что логично говорить нельзя вообще ни о чем и существуют только языковые игры. Однако сейчас нам важно, что в работах Рассела, раннего Витгенштейна и неопозитивистов действительно формулируется вполне обозримая и ясная программа мышления и исследования, в том числе и гуманитарного.

Технологические рекомендации неопозитивизма

Чуть выше о неопозитивизме уже говорилось, что самым главным в нем является стремление к достоверно обоснованному знанию – пусть даже очень маленькому, но зато несомненному. Для того чтобы достигнуть такого знания, надо осуществить следующие шаги.

Во-первых, выбрать такой предметный материал, относительно которого знание возможно. Таким материалом может быть корпус научного знания, совокупность утверждений и умозаключений языка науки. Она по своей природе обладает значением и доступна для интеллектуальных операций. Она находится на том же уровне, что и суждения о ней – в отличие от того мира фактов, который предлагали исследовать первые позитивисты, и от мира психологических ощущений, который пытались анализировать вторые, эпохи Э. Маха и Р. Авенариуса.

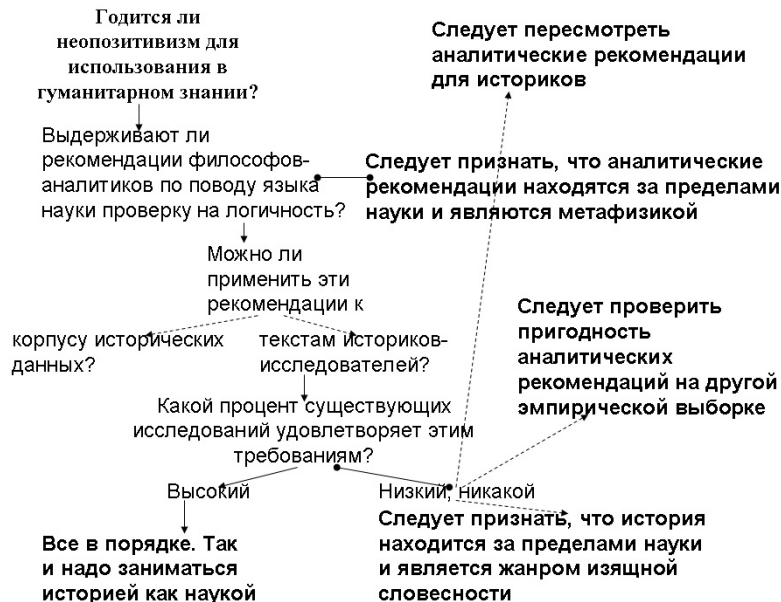
Во-вторых, этот материал нужно организовать в проверяемую и легко контролируемую структуру. Его следует разбить на элементар-

ные, *протокольные предложения*, относительно которых можно будет однозначно сказать, истинны они или нет¹. Научная процедура, с точки зрения неопозитивистов, состоит в прояснении какого-либо корпуса информации: например, исследовательского текста по истории или записи наблюдений за поведением микрочастиц в синхрофазотроне. Сам процесс разложения сложного образа представлений о каком-нибудь предмете на элементарные проверяемые суждения называется *верификацией*. Все, что не может быть проанализировано таким образом, иными словами, любое знание, которое нельзя со стопроцентной дедуктивной точностью вывести из уже ставшего несомненным, подлежит устранению из настоящей науки, которая должна заниматься лишь трансформациями высказываний об опытных наблюдениях, но никогда – метафизическими спекуляциями. Для указания на сюжет разграничения науки и различных ненаучных конструкций, таких как религия, философия и т.п., иногда используют термин «проблема демаркации» (имея в виду «проведение границ» между научным и ненаучным знанием).

Наконец, в-третьих, нужно формализовать механику исчисления этих простых предложений и построить сложные, безукоризненно правильные теории; установление этих правил исчисления и есть основная цель неопозитивистов. Последние стремились построить идеальные алгоритмы исчисления значений и идеальный синтаксис научного языка. Вот один пример: допустим, мы хотим выяснить, может ли неопозитивизм быть эффективной стратегией в гуманитарном знании. В этом случае мы возьмем какие-нибудь классические неопозитивистские тексты (скажем, «Преодоление метафизики логическим анализом языка» Р. Карнапа и статьи из «Логики объяснения» К.Г. Гемпеля), произведем тщательный анализ предлагаемой авторами аргументации и их наблюдений над языком философов и историков. Мы постараемся подтвердить или опровергнуть то, что их принципиальные рекомендации по тому, как ученые должны строить свои мысли, логически верно выводятся из корпуса определений, принимаемых неопозитивистами, и из их наблюдений за профессиональной письменной речью гуманита-

¹ См. *Никифоров А.Л.* Протокольные предложения // Современная западная философия: Словарь. М., 1998. С. 339 – 340.

риев. Далее мы постараемся применить эти рекомендации (например, «теорию охватывающих законов» Гемпеля – см. ниже) или к корпусу исследовательских высказываний или к протоколу данных исторического материала. Нас будет интересовать, какой процент защищенных в нашем университете диссертаций по истории выдержит проверку на соответствие неопозитивистским стандартам логики. В зависимости от этого мы или провозгласим неопозитивизм достаточно эффективной методологией, или решим, что наша эмпирическая база – диссертации – была выбрана очень неудачно, или придем к выводу, что в гуманитарном знании потенциал применения неопозитивизма крайне ограничен и лучше считать все это пространство доменом изящной словесности.

Неопозитивисты стремились не допускать в корпус науки любое неконтролируемое знание. Первоначально они пытались подходить к этой цели с двух противоположных сторон. Одни ученые, преимущественно из континентальной немецкоязычной Европы, искали идеальный научный язык, разрабатывая идеальные правила исчисления суж-

дений и постепенно создавая таким образом, если угодно, новый синтаксис. Другие – т.н. британские аналитики – занимались исследованиями обыденного языка, надеясь постепенно вычистить из него скрытые ловушки логических противоречий и ошибок. Это движение навстречу друг другу не удалось, о чем речь пойдет позже, пока стоит лишь повторить, что в 1920 – 30-е годы неопозитивисты были настроены еще очень оптимистически и подходили к науке весьма требовательно. Строгий неопозитивистский подход можно сформулировать еще и таким образом: если ученые согласны по поводу результатов наблюдений, они должны быть согласны и по поводу их интерпретации.

*Критика неопозитивизма:
выявление внутренних логических противоречий*

При всей логической убедительности неопозитивизма оказалось, что контраргументы (зачастую обнаруживаемые самими неопозитивистами) звучат не менее убедительно. Прежде всего, оставалась возможность вспомнить старые антипозитивистские доводы: каким образом попадают в язык науки отдельные высказывания? Неопозитивисты были вынуждены отвечать, что из опытных наблюдений, и, следовательно, сразу всплывал старый аргумент о невозможности адекватно разделять и передавать ощущения личного опыта. Против неопозитивизма также высказывались очень убедительные соображения логического характера. Во-первых, теория, абсолютно дедуцируемая из протокольных предложений, не добавляет к ним ничего нового и вообще не нужна. Во-вторых, систему знания невозможно формализовать настолько, чтобы она могла непротиворечиво описывать свои аксиомы, не ссылаясь на правила системы более высокого уровня. Это положение называется *теоремой Геделя* и доказывается столь же неопровержимо, как любая другая математическая теорема: выяснилось, что любая логическая система (следовательно, и любая теория) может быть или противоречивой, или неполной (когда она не обосновывает себя сама), или противоречивой и неполной одновременно. В-третьих, сами по себе протокольные предложения не могут быть предметом теоретической проверки, поскольку определяются в рамках бо-

лее развернутых теоретических конструкций; предложения, при помощи которых происходит процедура верификации, сами могут быть ложными; следовательно, мы всегда верифицируем не отдельное ключевое соответствующее или не соответствующее опыту положение, а сразу почти целую картину мира. В-четвертых, значение слова определяется только его употреблением – это как раз тезис позднего сочинения Витгенштейна «Философские исследования». В-пятых, даже в подвергшемся самой тщательной проверке научном языке используются слова, значение которых вовсе не является понятным и однозначным. Оно всегда нагружено определенным контекстом соседних научных слов, обыденного языка и даже метафизических непроверяемых допущений.

Итогом этой критики стало сомнение в пригодности строго неопозитивистской программы для знания, особенно для гуманитарного. Следовательно, сторонники сохранения рационализма в исследовании оказались вынуждены начать искать другие, более мягкие варианты.

*Распространение неопозитивистской методологии
на гуманитарное исследование: пример
«теории охватывающих законов» Карла Густава Гемпеля*

Следует обратить внимание на еще один механизм, сопровождавший существование аналитической философии. Периодически, и даже постоянно, ее результаты пытаются приложить к нефилософским предметным сферам: к математике, истории, литературоведению и даже к религии или этике. Возьмем в качестве примера историческую науку. Наиболее авторитетной фигурой в аналитической философии истории считается немецкий и американский философ К.Г. Гемпель. По его мнению, если история пытается быть чем-то большим, нежели просто хроника, регистр уже существующих записей о фактах, ей следует претендовать на объяснение этих фактов¹. Такое объяснение может

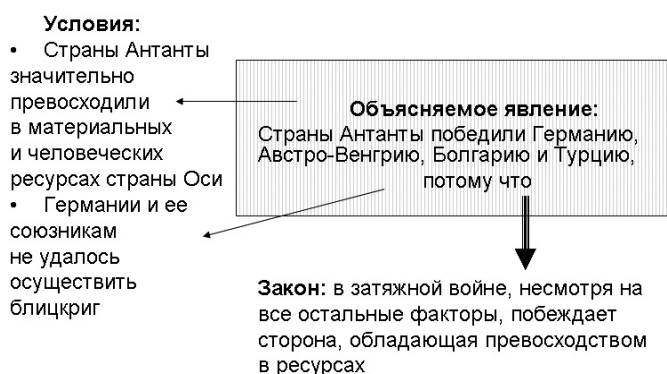
¹ Изложение взглядов К.Г. Гемпеля на историческое объяснение дается в данном случае по статье: *Дрей У.* Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // *Философия и методология истории.* М., 1977. С. 37 – 71.

выглядеть следующим образом: оно должно включать в себя указания на предшествующие или сопутствующие условия, а также формулировку эмпирически проверяемой дедуктивной закономерности. Например, чтобы объяснить победу Антанты в Первой мировой войне нужно указать на то, что в затяжной войне побеждает сторона, обладающая превосходством в ресурсах, несмотря на все остальные факторы, после этого надо проиллюстрировать превосходство Антанты в ресурсах над странами Оси (см. рис. на с. 130).

Как критиковать подобную концепцию, вполне очевидно: в первую очередь заявят, что такие объяснения то ли не отражают всего многообразия исторической реальности, то ли требуют огромного рутинного труда. Возможна аргументация, указывающая, что в такого рода объяснениях пренебрегают свободой воли, опосредованно – человеческим достоинством и т.п. Однако любопытнее здесь не такая, в принципе, иррационалистическая, критика, а другое: какие поправки предполагали внести в эту т.н. теорию охватывающих законов Гемпеля практикующие историки, причем так, чтобы ее доказательный пафос предоставления несомненного знания мог быть распространен на более широкий и более интересный материал. Были идеи предложить вместо закона объяснение отсылкой на статистическую вероятность либо на обобщение, действующее применительно к ограниченной пространственно-временной ситуации или даже к личности (например: Александр Македонский часто действовал под воздействием эмоций и классической литературы). Подобное объяснение выглядит более правдоподобно, более естественно и в то же время более гуманитарно¹. Однако понятно, что оно является ослабленным видом того же *объяснения через закон*, со всеми его методологическими достоинствами и недостат-

¹ Самую слабую из возможных формулировок теории «охватывающих законов» Дрей дает следующим образом: «...можно было бы себе представить объясняющий закон, который бы приближался к идеальному во всех шести отношениях одновременно. Он мог бы *расплывчато* утверждать, что убеждения, цели и действия определенной личности *нормативно* связаны в определенной *пропорции* случаев, в ограниченной географической области и в течение некоторого ограниченного *периода*, причем эта связь выражается в том, что, *не будь* у этого человека данных убеждений и целей, указанные действия не были бы осуществлены» (Дрей У. Указ. соч. С. 67).

ками. Недостатки относительно очевидны: кажется, что жесткая логика применима только к ограниченному объему и качеству материала, да и для него является слишком жесткой и ограниченной. Достоинства же на первый взгляд найти труднее, и в порядке намека на них, возможно, стоит спросить, не содержит ли на самом деле любое историческое объяснение отсылки на некоторую подразумеваемую закономерность.

Полезно задаться вопросом о том, каким может быть эффект экспансии методов аналитической философии в конкретные эмпирические регионы гуманитарного исследования. С одной стороны, это весьма продуктивно с точки зрения прочистки гуманитариям мозгов, дабы те не занимались вдохновенной поэзией. С другой стороны, такая схема не всегда реально работает и вызывает сильное «движение сопротивления». Аналитические философы постоянно сталкиваются с большой трудностью: содержание мышления, в том числе и их собственные концепции, находится под определяющим влиянием разных побочных обстоятельств. Эти обстоятельства – исторические, лингвистические, прагматико-этические, психологические и прочие – не поддаются удовлетворительному аналитическому контролю. Темой следующего занятия будут попытки смягчать или даже критиковать программу аналитического, рационалистического исследования в XX веке.

Лекция 11
ТЕОРИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ КАРЛА ПОППЕРА

В этой лекции речь пойдет об одной из возможных логик смягчения аналитической программы – разработанной английским ученым австрийского происхождения Карлом Раймундом Поппером *теории фальсификации*. Когда мы говорили о неопозитивистской программе в теории познания, мы договорились считать ее словно бы полюсом, по отношению к которому удобно отсчитывать координаты других гуманитарных исследовательских стратегий. Неопозитивисты, как мы помним, выступили за очень строгую программу знания и пытались найти для нее те границы и формы, в которых она возможна. Поэтому они решили ограничить свои требования только областью науки: по правилам строгой рациональности должен быть реорганизован лишь язык, на котором ученые представляют свои мысли на суд друг другу, зато эта рациональность должна быть уже по-настоящему строгой, «последней». Неопозитивистская процедура требует превратить весь научный язык в формальную логику; уметь разбивать его на элементарные, базовые предложения и, в зависимости от истинного или ложного значения простых суждений, вычислять истинность или неистинность сложных теорий.

Логическая критика этой программы осуществлялась самими же германоязычными неопозитивистами, а впоследствии представителями британской школы лингвистического анализа. Начинали британцы с того, что стремились исследовать обыденный язык и найти способ постепенно упорядочивать его до перевода в теоретическое состояние. Таким образом, они шли навстречу неопозитивистам, разрабатывавшим идеальный синтаксис, который позволил бы заниматься наукой безошибочно. Однако выяснилось, что значения отдельных понятий не могут быть установлены раз и навечно, но всегда являются результатом только ситуации, «языковой игры». Это означает, что естественному языку свойственно множество механизмов, искажающих его логическую прозрачность. Любые термины, как может быть показано,

нагружены метафизическим, теоретическим, эмоциональным и прагматическим контекстом. Те же британские лингвисты обратили внимание на врожденную парадоксальность языка и его непроверяемость по частям. Весомость аргументов, выдвигавшихся против неопозитивистской программы, подталкивала к разработке подходов, которые смягчали бы максимализм аналитической философии, сохраняя пафос рационального научного знания.

*Карл Раймунд Поппер: критика верификационизма,
модель сравнения теорий и критерий погрешимости*

Весьма убедительную ревизию неопозитивистской программы знания предпринял К. Поппер (1902 – 1994). Вообще это очень значимая фигура в истории современного знания – настолько, что английская королева пожаловала этому австрийскому иммигранту титул сэра. Поппер сохранил и даже усилил требование жесткой дедуктивной рациональности как единственного метода познания. Вслед за берлинским неопозитивистом Г. Райхенбахом он подчеркивал различие между *контекстом открытия* и *контекстом обоснования*. Исследователь волен как угодно приходить к своему озарению, однако доказывать правильность этого озарения он должен убедительно, ясно и даже принудительно понятно для коллег.

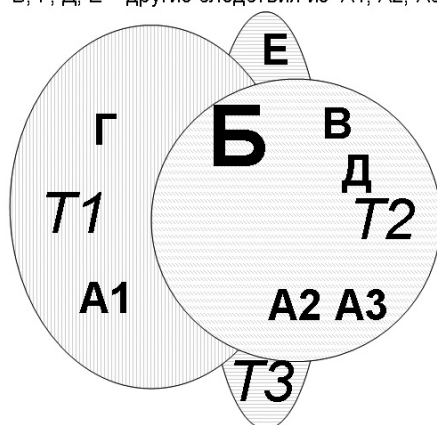
Соответственно, приходится решать задачу, как новое знание может быть убедительно вмонтировано в уже имеющееся, каковы должны быть процедуры улаживания и снятия разногласий. Неопозитивисты, как мы помним, пытались построить модель дедуктивного доказательного познания. Ставилась задача перевести существующее знание и будущие эмпирические наблюдения в корпус суждений, не содержащий логических противоречий. Неопозитивисты верили, что это выполнимо, если создать «правильный», лишенный двусмысленностей обыденной речи, язык науки. Поппер согласился с той критикой в адрес неопозитивизма, согласно которой предложение, свободных от метафизических убеждений, сформулировано быть не может, и, следовательно, теория никогда не может считаться верифицированной. Поэтому он предложил другой, более мягкий, критерий ценности

концепции, а именно – количество дедуктивно выводимых из нее гипотез, не вступающих в противоречие с другим нашим знанием. Поясняя это, Поппер построил свою модель объяснения: оно должно состоять из двух типов суждений – универсальных («если А, то Б»), и сингулярных, констатирующих условия: «А». Б – это то, что надо объяснить, обозначается как *explicandum*; А – это объясняющее, соответственно, называется *explicans* 'ом.

Б - исследуемая проблема (*explicandum*)

A1, A2, A3 – возможные объясняющие факторы (*explicans/ntes*)

В, Г, Д, Е – другие следствия из A1, A2, A3

T1 – теория (если A1 и A2, то истинно Б и Г. В, Д и Е остаются необъясненными)

T2 – теория (если A2 и A3, то истинно Б, В и Д. Г и Е остаются необъясненными)

T3 – теория (если только A2, то должно быть Б и Е, В, Г и Д только из A2 происходят не должны)

В такой ситуации, вероятно, временное предпочтение следует отдать T2

Теория фальсификации и возможность отделить научное знание от ненаучного

Новизна концепции Поппера заключалась в предложении не подтверждать, а опровергать теории и суждения: доказательное подтверждение невозможно, а вот доказательное опровержение вполне реально и позволяет сохранить рациональность знания.

Такая процедура называется *фальсификацией*. Она происходит путем сопоставления дедуктивно выведенных из объясняющей гипотезы

зы следствий с эмпирически наблюдаемыми значениями. Эта схема выполняет те же функции, что и *верификация* в классическом неопозитивизме. С ее помощью происходит отделение тех суждений, которые могут быть научными, от тех, которые не могут быть опровергнуты никогда, а значит, не должны входить в корпус рационального научного знания. Согласно Попперу, придумав, высказав и обосновав свою теорию, ее автор должен не искать для нее дальнейшие доказательства, а спросить себя: «При каких фактических опровержениях я от нее откажусь?».

Здесь следует обратить внимание на одну чрезвычайно принципиальную вещь. Неопозитивисты делали акцент на уточнении содержания научного знания или хотя бы на прояснении его реальной или идеальной структуры; исключение из знания ненаучных элементов подчинено общей цели достижения небольшой, но истины. Поппер переносит вопрос в другую плоскость: хотя некоторое состояние дел и может быть в принципе отражено адекватно, т.е. истина возможна, мы не способны знать о своем знании, что оно истинно. Таким образом, история развития науки становится важнее, чем ее содержание – точнее, содержание науки как раз и состоит в истории опровержений одних научных гипотез другими. Соответственно, основной вопрос теории знания уже не в том, как организовать гипотезу, чтобы это было хорошо – скорее, речь идет о том, какой гипотезе следует отдавать предпочтение, если мы имеем выбор из нескольких альтернативных вариантов. Поппер приблизительно намечает ответ, говоря о том, что критерием должно стать то, сколько следствий, дедуктивно выведенных из объясняющей гипотезы, показало себя как истинные и как ложные. Здесь, правда, есть один нюанс: нередко оказывается так, что новая теория объясняет проблемы и слабые места («ложные следствия») предыдущей теории, но при этом добавляет свои ложные следствия, о которых в предыдущей теории не было сказано ни слова, и тогда чисто количественное сравнение альтернатив становится затруднительным.

Например, давайте сравним чисто марксистскую теорию революции и ее ленинский вариант. По Энгельсу, чем быстрее капиталистическое развитие, тем быстрее оно закончится полным крахом: революции должны произойти в промышленно наиболее развитых странах Европы. Ленин предположил, что «рыба гниет не с головы, а с хвоста»,

и даже ввел соответствующую метафору «империализма как загнивающего капитализма». В согласии с этой теорией, слабины дадут наиболее уязвимые страны, находящиеся на периферии западного мира. По мере триумфального шествия социализма эта периферия будет все больше продвигаться к центру, который в конечном итоге тоже падет. Таким образом, ленинская теория позволяет объяснить то, что революционное движение сильнее на периферии развитого мира, там даже революция случилась. Однако обещанный крах мировой капиталистической системы не произошел – налицо ложное следствие. Возникает вопрос: является ли ленинская теория более истинной, чем чисто марксистская? Получается, что опровержения не могут быть окончательными и что в истории науки неоднократно приходилось возвращаться к уже отвергнутым гипотезам. С другой стороны, если даже опровержения не пополняют багаж наших знаний и не входят в него навечно, концепция рационально организованной науки остается чрезвычайно уязвимой.

В заключение хотелось бы обратить внимание на моменты, схожие в представлениях Поппера и неопозитивизма. Неопозитивисты, как мы помним, представляли себе прибавление знания путем очищения его от метафизики и переструктурирования оставшегося. Точно так же и Поппер больше озабочен не столько добычей нового знания, сколько сохранением логической чистоты имеющегося, способного быть почвой для будущих озарений. В свою очередь, будущие гипотезы нужны для того, чтобы их можно было снова опровергнуть, т.е. пафос попперовской теории все равно критический, что, в общем-то, очень характерно для методологии XX века.

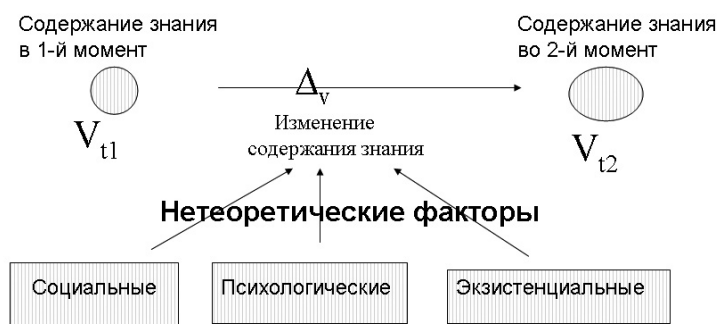
Лекция 12
СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ

*Социология знания и ее значение для гуманитарной
гносеологии середины XX века*

Шла ли речь о неопозитивизме или о теории фальсификации, мы имели дело с *философией знания* – с тем, как объяснить получение исследователями новой информации и как оценивать ее правильность или неправильность, исходя только из внутренней логики рассуждения. Неопозитивисты, например, хотели теорий, в которых отправные постулаты и данные были бы очевидны, а процедуры их трансформаций – гарантированно корректными. Выяснилось, что построить такую общеубедительную концепцию мы не можем. Карл Поппер был ближе к тому, чтобы переделать теорию знания – он предложил стремиться не к поиску правильного содержания и правильной структуры науки, а к тому, чтобы описывать историю и модели ее развития. В своей теории фальсификации Поппер пытался прояснить логическую схему, согласно которой должна происходить замена одной объясняющей теории на другую, альтернативную. Социология знания предлагает иной подход: развитие знания определяется не тем, что в нем уже есть, но тем, кто его носители. Знание – это не доказанная истина и не подлежащая опровержению ложь, а корпус убеждений группы компетентных или не очень людей. В этом случае знание определяется внешними влияниями: прежде всего, факторами социального, психологического и экзистенциального порядков.

Можно привести ряд примеров. Устройство и потребности общества, организация системы образования и академических вознаграждений – все это социальные факторы. Допустим, готовность исследователя идти на риск и новизну в переопределении своего знания, способность противостоять или подчиняться авторитету отдельных

мэтров или всей массы коллег – это, скорее, психологические характеристики. К области экзистенциального могут быть отнесены, например, стремление к истине или желание выполнять свой долг, не халтура (очевидно, что к культуре, этике и сознательному выбору это имеет больше отношения, чем к психологии). Повторю вышеприведенное определение: социология знания – это наука, пытающаяся интерпретировать содержание и изменения знания как колебания в убеждениях определенной группы людей.

*Исходная модель социологии знания – конвенционализм.
Две основные логики социологии знания*

Логически наиболее элементарной формой социологии знания является конвенционализм: доктрина, согласно которой содержание знания определяется договоренностью между компетентными специалистами. При этом остальные члены общества не интересуются данными вопросами или доверяют решение профессионалам. Допускается, что упомянутая компетентная группа может прийти к соглашению любого содержания. Акт такой договоренности является полностью свободным и, следовательно, не может быть предсказан, исходя из содержания теорий, принятых на данный момент в конкретной науке.

Конечно, даже сами авторы этой теории, П. Дьюэм и А. Пуанкаре, думали не настолько плоско, и признавали, что все-таки содержание консенсуса является не абсолютно произвольным. Это означает,

что формы его заключения и существования обладают какими-то постоянными условиями. Например, Дьюэм высказал очень плодотворную гипотезу о том, что взгляды любого исследователя или группы распределяются на две зоны: 1) жесткое ядро, в содержании которого исследователь никогда не пытается сомневаться по своей воле; 2) периферия, где он, собственно, и проводит исследования, пробует решения проблем, спорит с оппонентами, уточняет формулировки и т.д. Из этого примера становится ясен основной предмет социологии знания – сочетание социальных или социально-экзистенциальных влияний и требований с логической моделью изменения исследовательских взглядов.

Эта двусторонность выливается в сосуществование двух подходов. Первый состоит в наблюдении за привычками отдельных ученых и их групп: ставится задача выявлять какие-то правила, а в идеале – описывать действующие нормативы исследовательского поведения. Как выразился по несколько другому поводу уже упоминавшийся Поппер, исследуются тотемы и табу расы профессиональных исследователей. Другие авторы, относящие себя к социологии знания, анализируют абстрактный механизм развития исследовательских взглядов. В этом случае делается попытка обосновать феномен приращения знания с помощью аргументов не из области его содержания, но идущих от другой логики – развития личности и общества.

Концепция «этоса науки» Роберта Мертона

Родоначальником первой линии считается американец Роберт Мертон (1910 – 2003). В центре его интереса лежат описание и кодификация правил реального поведения в научном сообществе. Именно Мертон предложил такое понятие, как «*этос науки*» – нормативно-ценностная система той интеллектуальной деятельности, которую общество признает компетентной.

В назывном порядке следует перечислить главные, по мнению Мертона, характеристики, отличающие от неспециалистов людей, занимающихся прибавлением знания профессионально. Ученый – это тот, кто сознательно или интуитивно применяет к себе и к своей работе четыре требования: *универсализма, всеобщности, незаинтересованно-*

сти и организованного скептицизма¹. Универсализм – это обязательство руководствоваться как при обсуждении чужих, так и при подготовке собственных концепций едиными для дисциплины критериями. Всеобщность – готовность делиться знанием с другими и держать его открытым для обсуждения и опровержения. Незаинтересованность – обязательство принять убедительно аргументированный результат, даже если он не нравится. Наконец, организованный скептицизм – обязательство подвергать свои и чужие взгляды корректной, но непременно рациональной критике; при этом критика должна проводиться по признаваемым в сообществе процедурам.

Понятно, что эти четыре характеристики довольно относительно; понятно, что можно предложить другие, а эти применять не к академическому сообществу, а, допустим, к некоторым религиозным сектам или любительским кружкам. Однако стоит привести несколько доводов в оправдание Мертона. Во-первых, формулируя эти этические нормы, он говорил не о том, какой наука должна быть всегда, а о том, какова ее эмпирическая форма; по его мнению, эти правила выросли из норм поведения английских пуритан-интеллектуалов XVII – XVIII веков. Во-вторых, разумеется, Мертон понимал, что этот императив далеко не всегда исполняется. Его следует рассматривать именно как регулятивную норму, на которую ориентируются, сознательно и неосознанно. Приходится мириться с очень высокой вероятностью фактических нарушений и даже с тем, что эта норма полностью никогда не осуществится. Однако сию секунду для нас не столь существенно, сводится или не сводится этос науки к четырем выделенным Мертоном характеристикам. Мы не можем также подробнее говорить и о механизме поддержания этого этоса при помощи функционирующей в обществе системы наградений и репрессий, в том числе и академических. Нужно лишь отметить еще раз сам метод анализа, предложенный Мертоном: наблюдение за поведением профессиональных ученых.

¹ Перевод на русский язык и краткое изложение значения этих четырех характеристик приводятся по статье: Этос науки // Современная западная философия. Словарь. М., 1998. С. 523. Стоит заметить, что предложенные Мертоном слова – universalism, communism (иногда появляется и «communalism»), disinterestedness and organized skepticism – нередко переводятся самым причудливым образом: «общность», «коммунализм», «коллективизм», «бескорыстность» и т.п.

Карл Манхейм.

*Ориентированная на гносеологию социология знания:
различие идеологии и ноологии, понятие стилей знания*

Родоначальником другого направления в социологии знания можно назвать Карла Манхейма (1893 – 1947). Его в первую очередь интересовало, как общественное положение исследователя и его, если угодно, общественная психология влияют на содержание его открытий – не на то, когда открытие делается, раньше или позже, но именно на содержание знаний. Для обозначения и изучения этой проблематики Манхейм ввел очень удачный термин: «*внетеретические факторы знания*». В качестве основных задач социологии знания Манхейм выделял, во-первых, историческое описание фактов социальной обусловленности знания, а во-вторых, поиск гносеологических рекомендаций, которые, благодаря учету фактора обусловленности знания извне, делали бы исследовательскую работу более эффективной.

Такой подход потребовал разработки соответствующего категориального аппарата, который позволял бы описывать, например, те особенности концепции, которые сам исследователь не вполне осознает. Это значит, что возникает необходимость изучения характеристик любой научной теории, связанных не только и даже не столько с ее эксплицитным содержанием.

Удобно начать с того, что Манхейм противопоставил два вида искажения какого-либо знания. Если это искажение является сознательным и целенаправленным, то уместно говорить об *идеологии*; чаще всего оно связано с определенными обстоятельствами социальной (в особенности, классовой) позиции исследователя. Возможно и более глубокое влияние исторической и социальной ситуации на ученого: даже при самом горячем желании истины он все равно не сможет существенно превысить уровень знаний и предрассудков своей эпохи и своей культурной среды. Это стоит пояснить примером: допустим, когда в семидесятые годы прошлого века советские партийные боссы или школьные учителя утверждали, что капитализм плодит нищих и экономически обречен, это была чистейшей воды идеология – намеренное искажение знания. Однако то, что наличие нищих признается критерием краха экономической системы – это уже искажение совер-

шенно другого порядка. Так могут считать люди – и ученые, и не ученые – выросшие в культуре с гипертрофированно высокой оценкой социальной справедливости и даже с культом благородной бедности. И, между прочим, нельзя сказать, что эти люди совсем неправы – просто, несомненно, возможны другие точки зрения. Для анализа чужого знания существенно отличать друг от друга ошибки, идеологические искажения и культурную обусловленность знания.

Одним из ключевых понятий социологии Манхейма является понятие «стиля», заимствованное из искусствоведения. С помощью стиля обозначается весь способ мысли, характерный для определенной группы – как правило, достаточно большой – в определенную эпоху: например, для представителей французского Просвещения в середине XVIII века или для сторонников политического либерализма и философского эмпиризма в начале XIX-го. Очень важно, что представители двух стилей отличаются не тем, что о такой-то проблеме одни думают позитивно, а другие негативно. Гораздо важнее, что думают они об этом разными словами, при помощи различного понятийного аппарата. К примеру, пушкинского «Евгения Онегина» анализировали и В.Г. Белинский, и Ю.М. Лотман; более того, оба автора говорили о значимости социальных параметров для интерпретации произведения. Однако совершенно очевидно, что, даже если содержательно выводы Белинского и Лотмана могут совпадать, их построения включены в контекст абсолютно различных систем и способов восприятия и интерпретации текста. Таким образом, важнее содержания концепции оказывается стиль ее существования. По Манхейму, этот стиль проще всего описывать, характеризуя понятийный аппарат: его структуру, выбор наличествующих и отсутствующих понятий, анализ их значения. Можно назвать и другие критерии: *модели мышления, уровень абстракции, предпосланная онтология*, и т.д.

Возможность опознавать не только содержание, но и стиль концепции позволяет социологии знания играть важную гносеологическую роль – интенсифицировать развитие науки. При отсутствии этого метода спорящие ученые, по мнению Манхейма, способны только приводить все новые и новые аргументы в пользу своих точек зрения. Однако эти наборы аргументов, как мы помним, действительны только

в рамках определенного мировоззрения; они выглядят очень убедительными для тех, кто и так с ними согласен, и абсолютно не убеждают противников. Например, спор об эффективности политики Петра I не должен идти в такой форме: «Он построил Петербург, но при этом погибли десятки тысяч человек». Одни всегда будут утверждать, что надо было строить город на Балтике любой ценой, другие – что нельзя платить за это человеческими жизнями. Гораздо продуктивнее попытаться выйти на те системы, в рамках которых тезисы спорящих сторон приобретают свою значимость. В данном случае это поведет к пониманию, что речь идет не о Петербурге или конкретном количестве жертв. Здесь сталкиваются приоритеты государственного интереса и личного, соответственно, двух способов мыслить – холистского и ориентированного на существование независимых от индивида ценностей, с одной стороны, и либерального – с другой. Знание не о предмете спора, а о позиции спорящих, во-первых, экономит усилия и, во-вторых, позволяет участникам спорить по сути, сразу сопоставляя основы своих позиций и более осознанно находя синтезирующие точки зрения и языки описания, способные учитывать достижения концепций более частных.

*Социология знания Томаса Куна:
понятия «научной революции» и «парадигмы»*

Когда говорят о социологии знания, чаще всего подразумевают Томаса Сэмюэла Куна (1922 – 1996). Этот американский ученый занимался историей естественных наук, прежде всего, физики; в 1962 году, используя материалы своих исследований, он издал вызвавшую бурные споры книгу «Структура научных революций». Сам Кун, несколько прибедняясь, заявлял, что ему принадлежат только два по-настоящему значительных оригинальных соображения.

Первое из них для нас совершенно необходимо, иначе пришлось бы начинать этот курс как минимум с древних греков. Кун оспорил, казалось бы, естественное представление о том, что в любой области науки имеет место постепенное и непрерывное накопление знания. По его мнению, иногда и даже не очень редко, происходит резкая сме-

на взаимно противоречащих друг другу объяснительных моделей. Ученые, которые оказываются перед выбором, какой из этих моделей придерживаться, не могут принять решение, исходя исключительно из содержательных соображений, поскольку каждая из конкурирующих программ отвергает аксиоматику и категориальный аппарат другой программы, а не только какие-то частные выводы. Для того чтобы обозначать такие решительные разрывы в истории научного знания, Кун предложил термин «научная революция».

В качестве примера радикально новых, революционных, гипотез можно назвать теорию относительности, предположение о волновой природе света или мнение об обусловленности сознания бытием. Почему такая новая гипотеза способна решить проблемы, оставшиеся камнем преткновения для предшествующих концепций? Согласно Куну, потому, что она является с точки зрения старых теорий логически и эмпирически недопустимой: новая гипотеза вводит новые правила обращения с мыслями и вещами. Отсюда следует, что рационально убедить приверженца старой теории в том, что ему следует изменить взгляды, совершенно невозможно: он будет считать, что мы допускаем самые грубые ошибки. Например, очень трудно представить себе, что элементарная частица может не иметь массы, а иметь только скорость, или что два явления, одновременных по отношению к одному наблюдателю, могут быть не одновременными по отношению к другому, – а ведь этого требует теория относительности. Принятие теорий, решительно противоречащих предыдущим убеждениям и прошлому опыту, возможно только потому, что у исследователей есть некоторый мета-уровень; находясь на этом более высоком уровне, они принимают решения о правильности тех или иных взглядов. При этом они могут исходить из критериев различного рода: для одного дороже логическая оформленность и непротиворечивость, для другого – простота объяснения, для третьего – смелость гипотезы, для четвертого – количество решенных прикладных задач, а для пятого и вовсе мнение президента Академии наук или Президента вообще.

Помимо идеи о революционном развитии знания Кун пытался разработать соотношение революционной и рутинной фаз истории науки. Вторую фазу он уподоблял постоянному решению головоломок

по уже имеющимся правилам. Эти правила сформулированы в соответствии с определенными образцами решения: для их обозначения Кун ввел термин «парадигма». Речь идет приблизительно о том, что Манхейм называл стилем, но Кун строит свое определение иначе. *Парадигма* – это совокупность взглядов, которой придерживается научное сообщество; научное сообщество – круг людей, которые принимают парадигму.

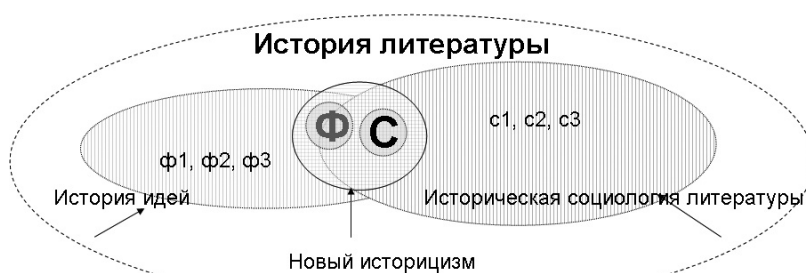

Если присмотреться, это круговое определение вовсе не является пустым. Оно позволяет достаточно четко опознавать в истории той или иной дисциплины *периоды нормальной науки* – когда маленькие или большие исследовательские группы, исходя из общих теоретических предпосылок и рекомендаций по процедуре исследования, в течение продолжительного времени накапливали решения проблем. Периоды нормальной науки располагаются между сменами парадигм. В это время находящийся в распоряжении исследовательского сообщества фонд теоретических построений и результатов не встречает серьезных возражений. Научная стадия развития любого знания начинается тогда, когда оформляется первая парадигма. Соответственно, с точки зрения Куна, гуманитарное знание вообще не имеет оснований именоваться наукой, поскольку в его истории пока не было периодов достаточно полного и универсального согласия.

*Послекуновская социология знания: расширяющее
и сужающее понимание парадигмы и научного сообщества*

Продолжатели и оппоненты Куна занимаются преимущественно изучением того, как обыкновенный ученый оказывается в состоянии сменить парадигму. Мы уже говорили о том, что противоборствующие концепции сосуществуют в более широком пространстве взглядов исследователя – тех, в которых он не является специалистом и которые вполне могут быть для него не совсем ясными. Из утверждения Куна о том, что решение специалистов в интересующей их области зависит от их воззрений, принятых без компетентного разбирательства, более или менее на веру, противники и сторонники Куна делают весьма разные выводы.

Проблема взаимоотношения индивидуальных, групповых и универсальных парадигм

Ф – историк литературы, (чуть) более склонный в рамках Нового историцизма (НИ) к традиционным филологическим подходам

С – историк литературы, (чуть) более склонный в рамках НИ к социологическим подходам

ф1, ф2, ф3 – филологи-традиционалисты

с1, с2, с3 – социологи литературы

Сторонники *кумулятивной*, прогрессивистской теории знания заключают, что преэссенциальность метауровня, объединяющего представителей разных направлений, сравнительно вечна. В разное время могут пересматриваться лишь отдельные его части, законы предпочтения тех или иных парадигм сравнительно предсказуемы, а значит, на-

копление знания все-таки поступательно, да и истина, возможно, где-то есть. В этом случае нам будет казаться (поскольку выбор новой точки зрения всегда обуславливается достаточно старыми взглядами), что парадигма есть, она одна, имеет непрерывную историю и охватывает все сообщество. Грубо говоря, различиями между филологом-традиционалистом, социологом литературы и новым историцистом (см. рис.) стоит пренебречь, ради того чтобы отразить факты взаимовлияния филологических и социологических подходов друг на друга и их сосуществования (пусть и в разных пропорциях) в головах конкретных исследователей.

Релятивистски настроенные исследователи упирают на другое: достаточно трудно установить, в каких вопросах члены научного сообщества должны быть непременно согласны между собой, а где они могут расходиться, соответственно, до каких границ можно расширять или, наоборот, сужать границы научного сообщества. Предполагается, что каждый самостоятельный исследователь является абсолютно оригинальным и произвольным сочетанием того, во что он верит, с тем, чем он занимается, что он вычитал и что думает. Таким образом, исследовательский консенсус оказывается иллюзорен, и значит, мы можем говорить вовсе не о научных сообществах и парадигмах, но лишь о случайных совпадениях в мировоззрении отдельных ученых. Однако оба хода рассуждений позволяют нам реабилитировать гуманитарное знание, поскольку механизм циркуляции в нем исследовательских взглядов становится приблизительно таким же, как в точных науках.

Лекция 13
ИНТУИТИВИСТСКАЯ СТРАТЕГИЯ В XX ВЕКЕ

Общая характеристика герменевтической методологии

Очередная тема формулируется как «Интуитивистская стратегия в гуманитарном знании». Для ее освещения придется сделать небольшое отступление в пространство соседних с герменевтикой философских направлений (в особенности, феноменологии и экзистенциализма) и в прошлое герменевтики, в XIX век. В порядке предварительных универсальных замечаний я обозначу три тезиса.

Во-первых, именно интуитивистская стратегия является «самым гуманитарным» из возможных способов исследования: это наиболее разработанная альтернатива идеалу точного, натуралистического знания в науках о человеке и обществе или, если угодно, о духе и культуре.

Во-вторых, следует четко разделять два ряда теорий – интуитивистские методологии исследования, основанные на том, что при научной работе мы имеем право выходить за пределы строгой логики, и интуитивистские метафизики, предлагающие картину мира, в которой подобные методологии имеют право на существование.

Для обозначения интуитивистской методологии стоит вспомнить слово «герменевтика» – в переводе с греческого «истолкование». Такое истолкование понимается как основная техника работы с источниками: например, с письменными текстами или произведениями искусства. В принципе, *герменевтика* может быть и вполне точной. Создатель этого термина Ф. Шлейермахер на рубеже XVIII и XIX веков выделял, в частности, грамматическую и филологическую герменевтику. «Грамматическую» он понимал именно как аналитическое, научное истолкование сложного текста: допустим, перевод на современный русский язык, комментарий и понимание значения слов, составляющих, допустим, «Песнь о Мамаевом побоище». Филологическая – это угады-

вание, понимание того смысла, который собирался выразить автор интерпретируемого произведения.

Здесь, между прочим, важно внимательнее посмотреть на слово «понимание»: понимание противостоит объяснению¹, диалог – допросу, сопереживание смыслу исторического или литературного персонажа противопоставляется холодному анализу. Герменевтика всегда больше хочет быть искусством, чем наукой истолкования; всегда больше ценит контакт понимания, чем дистанцию объяснения; всегда, хотя и признает требования логики и научности, отводит им не единственное, а значит (с их точки зрения), подчиненное место. Может быть, стоит привести еще одну метафору: герменевтика отказывается видеть человеческое сознание как механические часы, пусть даже очень точно и тонко согласованные, но способные только к единственному, необходимому соотношению между своими составляющими. Для герменевтики нечто, возникшее в сознании / истории, – это, прежде всего, система ценностей, где акценты могут быть расставлены так, а могут – иначе. Понять смысл чьего-либо поступка означает понять ту систему ценностей, в которой этот поступок имеет смысл. На этот счет есть довольно известный методологический пример про трех человек, каждый из которых везет тачку с кирпичами на строительстве Шартрского собора. Однако на вопрос, что он делает, каждый из троих отвечает по-разному: один везет тачку, другой зарабатывает деньги для семьи, третий строит собор. Герменевтика отчасти и подразумевает то, что мы выходим за пределы констатации факта перемещения тачки и пытаемся установить, зачем это делалось.

Третий вводный тезис является частичным ограничением второго: хотя методологию и метафизику интуитивизма необходимо разде-

¹ Дополнительный туман в эту ситуацию привносит еще и «описание», которое тоже могут противопоставлять «объяснению». Иногда «описание» может выглядеть как менее аналитическая, менее проблемная и, следовательно, менее субъективная процедура, чем объяснение. Однако столь же часто «описание» снабжают коннотациями процедуры не такой механистической и, значит, менее аналитической и более субъективной. Такими (вполне, впрочем, преодолимыми сложностями, связанными с тем, что разные группы присваивают себе «хорошие» термины) богата история любой почтенной по возрасту социальной практики, в том числе и методологии гуманитарного знания.

лать, определенного внимания заслуживают не только герменевтические процедуры и исследовательское отношение к источнику, но и интуитивистские картины мира. Стоит помнить, что философские гипотезы, работающие на герменевтическую стратегию, интенсивно появлялись и активно использовались. Герменевтика уместна, когда наша способность к познанию признается недостаточно эффективной; более того, только если считать, что эта неэффективность может быть преодолена, причем вовсе даже не средствами чистого разума. Как правило, для соответствующих герменевтике метафизических гипотез характерны две черты: 1) признание того, что у исследователя и предмета есть некоторое сродство, которое позволяет доверять своей способности угадывать значение источника: например, мы не знаем, что чувствовали древние славяне, но мы являемся результатом развития их истории, мы обладаем схожей человеческой природой; 2) если не все зависит от одинаковой для всех силы логики, то в достижении познания становятся значимы факторы иного порядка: прежде всего, усилие исследовательской воли, развитая интуиция, готовность понимать отраженную в словах и поступках мысль другого человека. История герменевтики как методологии постоянно сопровождается разработкой подобных метафизических гипотез.

*Герменевтика – изучение не «бытия» и «законов»,
но феноменов, экзистенции и языка*

История интуитивистской стратегии в XIX веке уже затрагивалась в лекции о Шопенгауэре и Дильтее. В XX веке герменевтика продолжала развиваться по преимуществу в Германии: с философской точки зрения, для нее оказались наиболее значимы феноменология и хайдеггеровская версия экзистенциализма. Здесь будет сказано лишь несколько слов о том, как эти направления могут быть связаны с методологией гуманитарного знания.

Основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль (1859 – 1938), как и многие другие по-настоящему самостоятельные современные философы, отталкивался от Канта. В его интерпретации это означало необходимость вынужденного доверия тем формам познания, на которые человек способен: в частности, Гуссерль показал, что идея истины

является обязательным условием интеллектуальной деятельности. Как и прагматисты, Гуссерль предложил не обращать внимание на недоступный для человека мир вещей в себе. Априорные формы восприятия искажают исследование одинаковым для всех образом, и поэтому Гуссерль рекомендовал ограничиваться познанием феноменов, вещей, как они нам даны. Гуссерль утверждал, что исходное, отправное знание о вещах у нас почти всегда есть – пусть даже в форме обыденного, непроясненного и ошибочного. Мы все находимся, «находим себя», в том, что он называл «Lebenswelt», *жизненным миром* – в уже существующей системе представлений о языке и о смыслах человеческого поведения. «Жизненный мир», или, если по-другому, «обыденное знание», «естественная установка», одновременно и ограничивает наше познание, и является самым необходимым условием его возможности. Естественная установка состоит в том, что мы принимаем феномены, как если бы они существовали на самом деле. Это напоминает нам «здравый смысл» в классических стратегиях гуманитарного знания – право хотя бы отталкиваться от первого представления о вещах, если уж не доверять ему полностью. Конечно, то, что позволяет нам решать основную исследовательскую задачу (интерпретировать намерения и сознание других людей), – это всего лишь наше предзнание, наши предрассудки. Однако, если бы их у нас не было, у нас не было бы вообще ничего. Гуссерль приводит определенные рекомендации по улучшению, разработке своего обыденного знания: помимо вполне предсказуемой рациональной критики, он еще рекомендует процедуру так называемого «эпохэ» – надлежит настраивать ум и волю на то, чтобы постепенно отсекал в нашем интересе к вещи все, не имеющее к ней отношения, все, продиктованное иными нашими интересами, нежели желание найти эту самую невозможную истину.

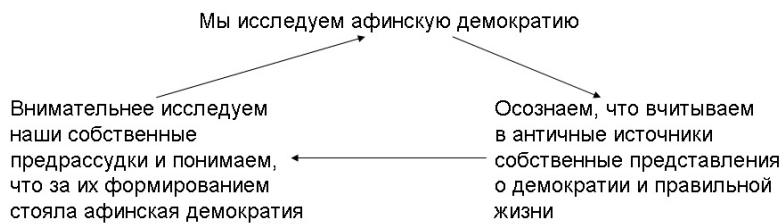
Гипотеза о «жизненном мире» как об исходном пространстве любого, в том числе и гуманитарного, исследования, была развита Мартином Хайдеггером – учеником Гуссерля, одним из основателей такого философского направления, как *экзистенциализм*. К сожалению, я лишь очень кратко остановлюсь на некоторых утверждениях экзистенциализма, имеющих значение для методологии гуманитарного знания. Во-первых, экзистенциализм жестко настаивает на том, что нет знания, свободного от человеческих проблем – от мыслей

о смерти, об абсурдности нашей жизни, об ответственности, о времени, которое мы ежесекундно утрачиваем. Это явствует из самого названия направления – нет никакого, по крайней мере, действительно истинного и важного, знания о бытии, о том, каковы вещи на самом деле. Есть только знание о существовании, об *экзистенции* – знание в контексте человеческих переживаний, от которых мы не можем оторваться. В этом смысле экзистенциализм последовательно, хотя и несколько односторонне, продолжает феноменологию: логическое, рациональное познание не может претендовать на беспристрастность и истинность. Однако утверждение, что единственно хорошим знанием может являться только знание «человеческое», что знание важно в первую очередь для исследователя, для его личностного развития и только потом имеет отношение к какому-либо объективному предмету или проблеме, – это утверждение, несомненно, на руку интуитивизму и связанной с ним герменевтической стратегии. Во-вторых, именно Хайдеггеру принадлежит эта до треска в зубах известная фраза: «Язык – это дом бытия». Философы сломали множество копий, выясняя, что стоит за этой красивой формулировкой и стоит ли за ней хоть что-нибудь – и тем не менее для герменевтики как методологии гуманитарного знания эта фраза чрезвычайно удобна. Гипотеза о том, что в мире нет ничего реальнее, чем языковые акты, идеально оправдывает существование герменевтики – искусства переводить одни языковые акты в другие.

*Ханс-Георг Гадамер:
«вечно длящаяся традиция интерпретации»*

Ключевой фигурой современной герменевтики является Х.-Г. Гадамер (1902 – 2002), который перенес философские рассуждения Гуссерля и Хайдеггера ближе к контексту конкретного гуманитарного исследования. Гадамер еще жестче настаивает на том, чтобы считать герменевтику не просто одной из техник гуманитарного исследования, но способом бытия смысла вообще. По его мнению, существуют не столько отдельные тексты или действия, сколько единая история, единая длящаяся традиция этих текстов, занятая, как и Жизнь у В. Дильтея, самоинтерпретацией.

Однако есть и важные различия. Дильтей, как мы помним, надеялся преодолеть в конечном итоге индивидуальность интуитивного познания: например, он декларировал, что Самые великие произведения искусства все-таки обладают значимостью, понятной каждому – вне зависимости от эпохи и круга знания. Гадамер решительно расстается с этими иллюзиями: горизонт нашего познания полностью задан нашим временем, той историей, которую мы прожили к настоящему моменту. Результат исследования никогда не будет истинным и даже не приблизится к этому. Допустим, мы можем исследовать афинскую демократию; можем, благодаря этому исследованию, понять, что на самом деле мы пытались вчитать в античные источники собственные представления о демократии и о том, как надо правильно жить; можем наконец-то проэкзаменовать эти наши предрассудки о том, как надо правильно жить, и заметить, что за формированием этих предрассудков и идеалов стояла как раз та самая афинская демократия.

Этот механизм называется *герменевтическим кругом*: переинтерпретация целого в зависимости от результатов интерпретации частей и переинтерпретация частей в зависимости от результатов интерпретации целого. Современная разработка этой логической фигуры также считается заслугой Гадамера. В его версии движение по герменевтическому кругу не приближает нас к некоторой одинаковой для всех истине: мы все равно можем обнаруживать и критиковать влияние предрассудков и традиции только с позиции предрассудков и традиции. Точно так же было устроено и сознание тех людей, которых мы пытаемся интерпретировать, будь то древние греки или возрожденческие художники. Грубо говоря, благодаря своему новому историческому опыту мы можем и даже обязаны понимать об афинской демократии больше, чем сами Перикл или Демосфен: произведе-

ние, согласно Гадамеру (и даже еще Шлейермахеру)¹, всегда больше своего автора. Однако это не позволит преодолеть дистанцию между исследователем и предметом – наш горизонт расширится, даст новые световые эффекты под влиянием исследуемой культуры, но линии горизонта мы, разумеется, не достигнем.

*Переосмысление в герменевтике представлений
о характере получаемого знания*

Приходится задуматься, что есть истина для гуманитарного знания? Если нам не нужно стремиться к воссозданию того смысла, который вкладывал в свои действия определенный персонаж – и потому, что мы этого не достигнем, и потому, что мы способны увидеть в его действиях иное, и, возможно, не менее интересное содержание – значит, польза герменевтического исследования в чем-то другом.

Гадамер намечает перспективу ответа, говоря о том, что в европейской истории всегда сосуществовали два типа знания. Один – это инструментально-позитивистский разум точной науки, Гадамер еще называет эту рациональность *аристотелевской*. Ей всегда противостояла т.н. *риторико-антропологическая традиция*, стремившаяся не доказывать, но убеждать, видеть результат полемики не как установление истины о предмете, но как достижение согласия спорящих. Риторическое, или герменевтическое, знание желает не ускорить человеческое развитие, но обеспечить его связь со своим прошлым – если говорить высокопарно, научить человека быть человеком, находиться в диалоге со своими предками и современниками, пусть даже этот диалог будет не совсем подконтролен средствам машинного перевода. Мне не хотелось бы, чтобы этот пассаж звучал слишком лирично, поэтому я приведу одно несколько релятивирующее соображение. Всю эту высокую (и правдоподобную) лирику Гадамер разрабатывает потому, что эта риторическая традиция действительно была; потому, что он озабочен перспективами развития современной техногенной и экологически

¹ Цитату из Шлейермахера о том, что «автор должен быть понят лучше, чем он сам себя понимал», приводит Дильтей: *Дильтей В.* Указ. соч. С. 147.

опасной цивилизации; потому, что строгая логика, как мы видели на примере неопозитивистов, нередко не выдерживает своего собственного веса. Однако в то же время нельзя отрицать, что соображения Гадамера о герменевтическом круге и экзистенциальном диалоге как главных средствах исследования продиктованы не только силой, но и слабостью – неспособностью получить знание достоверное. Отсюда может происходить (хотя бы отчасти) и желание свести все знание, по крайней мере, гуманитарное, к корпусу соображений экзистенциального порядка.

Очевидно, что герменевтика неминуемо встает перед проблемой выяснения отношений с точным знанием. На эту тему я скажу только несколько слов, опираясь на авторитет французского мыслителя Поля Рикера (1913 – 2005). В его работе «Конфликт интерпретаций» как раз этим проблемам посвящена глава «Герменевтика и структурализм». О структурализме мы еще будем говорить, Рикер же использует название этого направления в качестве синонима понятиям «научность» и «анализ». Он ставит вопрос о соотношении научного и герменевтического способов интерпретации. Структурализм сохраняет традиционные признаки научности: вещи анализируются в их системной замкнутости и изолированности друг от друга и от временного измерения; исследователь волен обращаться к предмету когда бы то ни было, и результат работы от этого не изменится. Трезвый, аналитический структурализм составляет необходимую часть исследования, открывая возможность более тонкой интерпретации. Герменевтический подход шире, он состоит в том, что исследователь признает свою неспособность быть по-настоящему посторонним и независимым наблюдателем. Вступая в диалог с предметом, исследователь занят и своими интересами: в первую очередь, он не познает, а узнает предмет – конституирует его сущность, если говорить точнее, его идентичность: каким именно смыслом и в каких контекстах этот конкретный предмет наделен для данного исследователя. Здесь принципиален еще один нюанс: такая идентичность может быть создана только в рамках повествования, которое протекает во времени. Поэтому, когда мы имеем дело с объектами языка, то есть с текстами, и с объектами истории, то есть с человеческими действиями, мы нуждаемся в герменевтическом анализе, без которого наше понимание останется неполным.

Лекция 14
«ЭРА ПОДОЗРЕНИЯ».

Развитие критической позиции в гуманитарной гносеологии
Пример реализации стратегий подозрения в гуманитарном знании:
ПСИХОАНАЛИЗ

Как говорилось выше, логика надежды на доказательность знания на карте методологии XX века представлена, в первую очередь, неопозитивизмом. И теорию фальсификации Карла Поппера, и социологию знания уместно рассматривать как варианты реакций именно на неопозитивистскую методологическую программу, с которой находились в полемике и Поппер, и Кун, и Лакатос, и Фейерабенд. Признавая невозможность накопления доказательного знания, все эти авторы заботятся о том, чтобы в то же время сама их критика продолжала отвечать строгим критериям рациональности / научности (пусть даже признаваемой только тем сообществом и только в ту эпоху, когда работают сами эти ученые).

Сохранение столь жестких требований к способу получения, обоснования и сообщения знания не являлось единственно возможным методологическим выбором для гуманитарного знания XX века. Уже говорилось о герменевтике, последовательно продолжившей (например, в текстах Гадамера) рассуждения Шлейермахера, Шопенгауэра и Дильтея. В XX веке продолжается также история «критического» и «умозрительного» подходов в гуманитарном знании. Этот сюжет может быть пояснен при помощи известного выражения французской писательницы Н. Саррот об «эре подозрения». Ниже я попробую в самых общих чертах рассказать об «эре подозрения» и логике ее появления в истории гуманитарной гносеологии, а также проиллюстрировать (на примере психоанализа) некоторые импликации такого отношения к исследованию.

*История критической установки
в методологии гуманитарного знания в XVIII – XIX веках*

«Эра подозрения» – существенно новая фаза в истории критического подхода к возможностям (гуманитарного) исследования. Недоверие, сомнение и выискивание «подлинного» под «внешним» становятся лейтмотивом отношения исследователя к своему материалу еще со времен начала научной гуманитаристики: теоретически в сочинениях Декарта, практически – со времен аббата Мабийона и первых шагов методического критического источниковедения. Критика церковной и феодальной историографии Вольтером или, допустим, последовательная трактовка античной мифологии и героического эпоса как источников по истории древнегреческого общества означали следующий шаг. Даже когда восстановлен аутентичный вид интересующего нас свидетельства и допускается незаинтересованность автора в его искажении, нам не следует доверять его собственным объяснениям. У исследователей есть право и даже обязанность предполагать свои уровни интерпретации, более глубокие. Позитивисты, при помощи понятий «внешней» и «внутренней» критики, формализовали эту установку, перевели ее в вид детального алгоритма исследовательского поведения и в значительной мере сделали нормой гуманитарного знания.

За это время философское сомнение в возможности доказательного знания успело вновь уйти гораздо дальше элементарного недоверия содержанию источников и легитимации критического исследовательского мышления. Уже Юм в середине XVIII в. обосновывал мысль о том, что и самому мыслителю, прежде чем что-то устанавливать и доказывать, приходится уже принимать нечто на веру, любое знание покоится на определенных *презумциях*. Кант придал этой критике более систематический и убедительный вид, высказав предположение о предшествующих структурированию опыта *априорных формах восприятия*, о непознаваемости «*вещей в себе*», об *антиномиях*. Свою лепту начали вносить гуманитарии. Гердер создал теорию о расовой специфике и о своеобразии «духа народа», который (дух) решительным образом влияет на характер творчества представителей этого народа и на историю страны в целом. В. фон Гумбольдт развил представление о том, что язык не просто беспристрастно «передает» мысль или содержание, но и переопределяет и предо-

пределяет их.

Такого рода взгляды были более популярны у ученых, которые не разделяли позитивистских требований универсализации и стандартизации знания. В определенном смысле, развитая герменевтическая методология, как, допустим, у Дильтея, является наследницей двух тенденций. С одной стороны, это восходящее еще к Вико убеждение в праве гуманитарного знания на методологическую самостоятельность. С другой стороны, это романтические обоснования интуитивизма, которые чаще строятся через декларацию сопричастности «правильного» исследователя иррациональному жизненному духу своего народа, своей среды (допустим, богемы, аристократии или католичества) или всего человечества. Хотя эти две позиции часто сопровождают друг друга, следует помнить, что первая из них не обязательно предполагает вторую.

В этой методологической ситуации конца XIX в. концепция неокантианцев и М. Вебера была следующим шагом в направлении радикализации критических установок. Провозглашается позиция, согласно которой познание выглядит как привнесение исследователем в хаос предметного материала смысловых связей, предопределенных культурно-историческим горизонтом ученого. Это значит, что последний должен критически относиться не только к тем образам и объяснениям, которые предлагает материал, но и к своим собственным возможностям увидеть в нем («правильный») смысл; возможно, это даже самая достоверная и интересная часть исследования. Стоит заметить, что появление этой мысли в методологическом репертуаре множества исследователей XX века сделало их работу, с моей точки зрения, намного более ответственной и качественной.

Специфика «эры подозрения» как установки гуманитарной методологии

Даже это, уже очень критическое, отношение к условиям и, соответственно, результатам собственного мышления, не оказалось последним шагом в истории критической стратегии в гуманитарной мысли. Концепции «эры подозрения» (вместе с неокантианством, прагматизмом

и социологией знания) признают не только то, что взгляды исследователей часто находятся в решающей зависимости от специфики их личности, и – гораздо больше – от их положения в обществе и в мире. Важнейшее отличие состоит в том, что психоанализ и марксизм (самые яркие и разработанные стратегии «эры подозрения») стремятся выбить из-под ног исследователей уже последний участок земли, в незыблемости которого те раньше были уверены.

Эту метафору можно было бы пояснить при помощи сравнения. И позитивисты, и интуитивисты, и неокантианцы, работая с источниками (будь то исторические исследования или результаты психологических экспериментов), реагировали на то необъяснимое / необъясняемое, что попадает им в данные. Позитивист предполагал, что источник искажает реальность, и удовлетворялся логичной гипотезой, если был в состоянии ее построить. Интуитивист мог обойтись даже без этого, просто допуская, что в конкретной несогласовке проявилась иррациональная природа Жизни, Истории, Народа, Языка, Человека или чего-нибудь еще с большой буквы. Последователь Вебера, как и позитивист, выстраивал свою теоретическую модель исследуемого предмета; в отличие от позитивизма, он был более внимателен к нестыковкам, предполагая, что именно они указывают ему на границы способов понимания, характерных для его собственного образования и культуры. Однако во всех этих случаях особое внимание исследователя уделено именно дефицитам понимания, и задумываться о том, что он может заблуждаться, исследователь начинает, только когда он чего-то не в состоянии объяснить.

К. Маркс (1818 – 1883), Ф. Ницше (1844 – 1900) и З. Фрейд (1856 – 1939) делают следующий, очень решительный шаг. Они и их последователи утверждают, что наиболее опасные ошибки коренятся не там, где исследователь чего-либо не понимает, но там, где ему кажется, что он понимает все. Именно логичные и гладкие объяснения, нормальное, «прекрасное» и рекомендованное и есть то, что в первую очередь следует подвергать критическому анализу. Предполагается, что за ухищрениями высокой культуры вообще и исследовательской логики в частности что-то прячется: скорее всего, что-то очень влиятельное, мало привлекательное и трудно доступное для исследования. Для Маркса человеческая мысль диктуется социальными отношениями

и экономическими интересами; именно приверженность конкретных ученых и философов определенному порядку экономического воспроизводства заставляет их (причем они этого могут даже не осознавать) утверждать этот порядок и обосновывать его необходимость даже в рассуждениях, казалось бы, самых отдаленных от политики и экономики и нейтральных. Для Ницше человеческая жизнь определяется инстинктивной волей к власти и подавлению. С его точки зрения, когда «рабы» объединяются вместе, для того чтобы сопротивляться подлинным «господам», они даже разрабатывают (на протяжении столетий) свой способ восприятия и осмысления реальности. Более того, им удается навязать его сильным и гордым, но разрозненным противникам – под этим рабским способом видеть историю, мир и смысл событий Ницше, как известно, имеет в виду христианство. Наконец, Фрейд говорит об универсальном воздействии психологических влечений, прежде всего – к продолжению рода и к смерти. Таким образом, марксизм, ницшеанство и психоанализ объединяются тем, что согласованность и убедительность рассуждений они рассматривают как внешний эффект: люди принимают какие-то взгляды не потому, что эти взгляды истинны или хотя бы доказаны, но потому, что им это выгодно. Соответственно, «подозрение» направлено на выявление того, что, выдавая себя за самоочевидное, заставляет исследователей некритично, «автоматически», принимать определенные позиции, исходные пункты и правила рассуждений.

Принципиально, что все классики эры подозрения признавали универсальное воздействие выявляемых ими факторов на содержание любой, в том числе и своей, мысли. В то же время и Маркс, и Ницше, и Фрейд все-таки пребывали в убеждении, что именно их подозрение окажется успешным и истинные секреты человеческой жизни будут наконец-то расшифрованы. В определенном смысле в этом можно видеть весьма любопытный синтез установок критической и спекулятивной стратегий, поскольку по своему позитивному содержанию и марксизм, и культурно-историческое антихристианство Ницше, и психоанализ являются умозрительными конструкциями. Об этом же говорит и легкость, с которой в середине и конце XX века, после того, как натянутость этих подходов была много раз эмпирически продемонстрирована, у самых разных авторов (Л. Альтюссер, Э. Фромм,

Ж. Лакан, С. Жижек и многие другие) возникали синтезы и гибриды этих стратегий. Вполне можно сказать, что эра подозрения продолжается даже до сих пор: и потому, что продолжают свое существование марксистские и психоаналитические теории, и потому, что степень критичности, имплицитруемая эрой подозрения, не могла не стать стандартом, с которым соотносят себя многочисленные концепции, не связанные напрямую с ницшеанством, марксизмом или психоанализом.

К сожалению, в рамках этой лекции я не смогу подробно останавливаться на теоретическом содержании разных конструкций, образуемых этим способом. Я постараюсь лишь дать самое общее представление о «предпосланных онтологиях» марксизма и ницшеанства – о том, как эти учения показали, что культура и наука в целом могут быть лишь определенными оптиками для искажения (в интересах определенного класса или мировоззрения) того, что мы видим якобы нейтрально и объективно. Затем чуть более будет сказано об импликациях методологии эры подозрения на примере классического теоретического психоанализа.

*Марксистские конструкции «идеологии»
и «инструментального разума»*

Историю радикального сомнения в том, что научное и, с точки зрения соблюдения формальных правил, «хорошее» знание может, тем не менее, быть принципиально неверным, удобно начинать с известной цитаты из вышедшей в 1846 году книги К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология»: «Не только в ее (системы Гегеля – *А.П.*) ответах, но уже и в самих ее вопросах заключалась мистификация»¹. В этой фразе выражены две очень важные мысли: искажение не обязательно является злонамеренным (и даже осознанным как искажение); порочным является не отдельное высказывание или рассуждение, но сразу весь корпус знания, направление выбора вопросов и, тем более, – выбора ответов. На примере разбора философских концепций защит-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 т. Т. 2. М., 1985. С. 2.

ников «мелкобуржуазного» (с точки зрения Маркса и Энгельса) способа мышления марксизм вырабатывает понятие «идеологии» – принципиальной окрашенности / искаженности знания осознаваемыми и неосознаваемыми классовыми интересами. Как уже говорилось выше в лекции о Гегеле, такой ход мысли приходится снабжать специфическим амортизатором: поскольку в ситуации, когда любая мысль является классово ангажированной, нужен критерий выбора между идеологиями разных классов, появляется конструкция «практика как критерий истины». К примеру, необходимость торжества классовой истины пролетариата будет удостоверена его победой над эксплуататорскими классами, и это означает, что правильным будет такое содержание знания (допустим, о том, что пора объявить революционный террор или просто «закрутить гайки» и посадить интересующихся политикой олигархов), которое ведет к этой победе.

Исторически марксизм потерял кредит доверия именно из-за своего несоответствия тем критериям, которые сам предложил. К середине XX века тем интеллектуалам (даже марксистам), которые сохраняли возможность размышлять, не опасаясь расстрела или лагерей, было уже очевидно, что сосредоточение экономики в руках государства и доступ масс к культуре (независимо от того, идет ли речь о германской или о советской модели) влекут за собой крайне проблематичные последствия. Сами по себе перераспределение средств производства и восхваление трудящихся классов не оказались панацеей. Грубо говоря, разоблачавшаяся классическим марксизмом буржуазия ушла (как и обслуживавшая ее идеология), а зло осталось и преумножилось. В этих условиях продолжатели марксизма из т.н. Франкфуртской школы¹ сделали попытку осовременить марксизм.

¹ Для обозначения взглядов «Франкфуртской школы» иногда еще пользуются термином «Критическая теория». Основателями школы считаются М. Хоркхаймер (1895 – 1973) и Т. Адорно (1903 – 1969), которые в начале 1930-х годов стояли у истоков создания Института социальных исследований во Франкфурте на Майне, во времена национал-социализма продолжили работу в Европе и США, а в 1949 году вернулись во Франкфурт. К их позициям близки такие авторы, как Г. Маркузе (1898 – 1979), Э. Фромм (1900 – 1980), наибольшего влияния Франкфуртская школа достигает в 1960-е годы. Более молодой Ю. Хабермас (р. 1929), хотя и был учеником вышеупомянутых мыслителей и во многом оттал-

Они универсализировали марксистскую критику и распространили ее с конкретной классовой ситуации на всю историю человечества. Так появилась гипотеза об «инструментальном разуме», согласно которой дело не в том, кому (или даже какому классу и с каким законодательством) принадлежит контроль над средствами производства. Еще более важно то, что с древнейших времен предпочтение отдается тем формам мышления, которые ориентированы на контроль – над природой и другими людьми. В области экономики и теории эта установка начинает решительно господствовать над всеми остальными в эпоху Просвещения. В книге-манифесте Хоркхаймера и Адорно «Диалектика Просвещения» (год выхода – 1947) утверждается, что именно с этого времени «одержимость» интеллекта идеями и возможностями «прогресса», «технологии», «предсказания», «управления», «рационализации», «контроля» и т.п. становится все сильнее и сильнее. В конечном счете вместо освобождения человечества это устремление приводит к таким радикальным и бесчеловечным попыткам создания единственно правильного общества, как фашизм.

Отказываясь от простых и традиционных марксистских аксиом, франкфурты встали перед задачей пересмотреть рациональность вообще. Одну из таких попыток предпринял Г. Маркузе, создавший теорию о грандиозной роли люмпенов как носителей неангажированного знания, а также о возможной деидеологизации знания, которая произойдет, если человек снимет с себя наиболее тесные основополагающие путы, сковывающие его сексуальную жизнь. К этому можно добавить, что сексуальная революция, назвавшая Маркузе своим основным теоретиком, в культурном смысле оказалась одной из несомненных опор современного капиталистического потребительского общества. Другое направление западного марксизма двигалось, скорее, в сторону повышения уровня абстракции рассуждений: исследование принципиальных зазоров между мышлением и языком, отождествление философии с критикой. Характерным является близкое социологии знания (но, в отличие от нее, имеющее политическую проекцию) утверждение Адорно о том, что, поскольку аппарат социологии не ней-

кивается от их позиций, с не меньшим основанием может считаться самостоятельным социальным и моральным философом.

трален относительно познаваемых структур, критика теории всегда есть критика общества¹. Однако кажется возможным признать, что в целом франкфуртский марксизм вернулся в корпус знания, претендующего на нейтральность и – хотя бы частично возможную – общезначимость. Творчество последнего представителя (или уже преемника) франкфуртской школы Ю. Хабермаса (р. 1929), находящегося в конструктивном диалоге и с герменевтикой, и с постмодернизмом, показывает, насколько далеко он удалился от неомарксизма исходных позиций своих учителей.

Фридрих Ницше: проект переоценки морали

Рассуждения Ницше, конечно же, скорее принадлежат поэтическому, чем научному или методологическому дискурсу. Однако роль Ницше и его экспрессивного и яркого способа изложения чрезвычайно важна для складывания представления о том, что за порядком, который может видеть всякий, прячется на самом деле нечто иное. Мы оставим за скобками дебаты о том, следует ли считать проект Ницше «демоническим», а также разъяснение вопросов об уникальности его воззрений и мере влияния на него Байрона, Вагнера или Шопенгауэра. В любом случае следует признать, что именно Ницше сумел первым (после софистов) задать, чтобы его услышали, один очень простой, но и очень важный вопрос. Обобщая, его можно сформулировать так: «А кто, собственно, решил, что «хорошо» и «плохо» обозначают именно то, с чего мы начинаем об этом думать, и кому это представление о «хорошо» и «плохо» выгодно?».

Столь радикальное сомнение в морали, в принятых способах мышления, причем именно в тех зонах, которые казались очевидными и разделяемыми абсолютно всеми людьми – именно это делает Ницше любимым автором первокурсников и начинающих поэтов. Ницше разоблачает то, что он считает христианством, как последовательный способ смотреть на историю, будущее и культуру с позиции «большинст-

¹ Дискуссия Поппера и Адорно о логике социальных наук // Вопросы философии. № 10. 1992. С. 81.

ва», «слабых», «заурядных». В своей реконструкции он демонстрирует, как тесно оказываются связаны «мораль» (христианская) и «истина», соответственно, насколько неистинной – если встать на позиции другой (моральной) системы – истина может быть. Понимание заведомой парадоксальности этих мыслей подталкивает Ницше, в условиях относительности и незначимости доказательства, обращаться к другим ресурсам убедительности (например, к стилю, экспрессии, сантиментам). Именно благодаря убедительности и страстности Ницше методология XX века поняла, насколько зыбкими могут быть основания даже, казалось бы, самых незыблемых впечатлений и очевидных способов концептуализации.

Можно не соглашаться с Ницше, Фрейдом или Марксом и принять, что у нас есть право отталкиваться от определенных оснований (например, буржуазных и христианских или, наоборот, пролетарских и атеистических). Однако несомненной заслугой представителей «эры подозрения» все равно остается то, что они с обезоруживающей четкостью поставили исследователей перед необходимостью осваивать – будь то в целях обороны или наступления – интеллектуальные и риторические фигуры исторической критики и проблематизации оснований собственной культуры¹.

*Фрейдистская конструкция бессознательного
и ее использование при анализе индивида и культуры*

Конкретный пример того, как работает методология подозрения, мне хотелось бы привести из области психоанализа. Возьмем в качестве отправной точки известную всем конструкцию Эдипова комплекса. Согласно этой гипотезе, каждый сын на самом деле вожделеет своей матери и находится под психическим прессингом более успешного кон-

¹ Собственно, то, что я предпочел говорить здесь про «интеллектуальные и риторические фигуры», а не про «аргументы» или «идеи», также восходит к мировоззрению «эры подозрения».

курента – отца¹; у девочек симметричный невроз («комплекс Электры») тоже есть, хотя проявляется значительно слабее. В очень известной работе Фрейда «Анализ фобии пятилетнего мальчика»² рассказывается история о том, как Фрейд излечил маленького Ганса, боявшегося выходить на улицу. Фрейд догадался связать ненормальный страх пациента перед лошадьми с тем, что детали упряжи ассоциировались у него с очками и усами отца, т.е. признаками взрослого мужчины, что, в свою очередь, было травматичным из-за подсознательной ревности ребенка к отцу. Соответственно, Гансу было представлено приемлемое объяснение, и его страх перестал быть бессознательным и стал контролируемым. Еще более принципиально то, что для взрослого терапевтический эффект мог бы быть еще выше, поскольку какие-то черты его характера или поведения ему убедительно объяснили бы отсылками на весьма далекое детство.

Попробуем посмотреть, как работает такого рода способ рассуждений. Самое принципиальное – это представление о *бессознательном*; о том, что существуют неизвестные ни ребенку, ни взрослому образцы смыслоконструирования. Хотя людьми эти модели и стереотипы не осознаются, они способны оказывать чрезвычайное влияние на поведение, на процессы восприятия и осмысления, которые человек осуществляет сознательно. Ребенок (или выросший из него взрослый) ничего не знает ни о том, кто такой Эдип, ни о том, что он испытывает чувство страха перед своим отцом и ощущает в сравнении с ним свою неполноценность. За то время, которое нужно индивиду, чтобы осознанно овладеть навыками культурной и социальной жизни, он незаметно для себя приобретает и массу компенсирующих механизмов, которые совершенно не позволяют ему признать: «Я не могу работать с этим начальником, потому что он напоминает мне моего отца, которого я еще якобы и боюсь!». Для самого Фрейда становление взрослого человека выглядит как переход от ребенка, живущего по «принципу удовольст-

¹ Подробнее см., например, статью «Эдипов комплекс» по адресу: <http://www.-psychoanalyse.ru/predmet/idea4.html#ch16>.

² Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика // Фрейд З. Психология бессознательного: сборник произведений. М., 1989. С. 39 – 123.

вия» («подайте мне все, чего я хочу»), к взрослому, живущему по «принципу реальности». Все механизмы культуры и социума служат средством примирить индивида с этой детской обидой на то, что он не может позволить себе всего, чего хочет.

На этом стоит остановиться чуть поподробнее: допустим, одним из самых сильных для человека является сексуальный инстинкт, и, с этой точки зрения, принципу удовольствия соответствует свобода сексуального удовлетворения. Однако культура содержит разного рода опосредующие механизмы. Во-первых, это стандарт моногамного брака, который предлагает наиболее реалистический сценарий в европейском обществе. Во-вторых, это система социальных репрессивных мер для тех, кто чересчур сильно отклоняется от данного стандарта. В-третьих, это набор произведений искусства и их интерпретаций, от Шекспира до Кафки, который в своей равнодействующей идеализирует предлагаемую социумом наиболее вероятную модель. В-четвертых, культура (и особенно – творчество) позволяет индивиду описать, увидеть во сне некоторые нереализуемые его фантазии; уж во всяком случае остается возможность благополучно истратить на их разработку ту энергию, которая иначе ушла бы на чересчур болезненное столкновение с реальностью: этот феномен переплавки влечений в культурные формы Фрейд стал обозначать при помощи очень удачного слова «сублимация». По Фрейду, все эти механизмы являются шифром, скрывающим действующую в бессознательном игру универсальных принципов удовольствия и реальности, и точно так же они могут быть расшифрованы обратно. Культура, конечно, является способом обуздания индивидуального «Я», давлением на него, однако, с точки зрения Фрейда, это давление необходимо. Дело не только в том, что влечения разных людей к удовольствию должны быть приведены к относительному равновесию в рамках объединяющей универсальной системы. Еще важнее то, что помимо позитивного стремления к наслаждению, у человека есть и столь же сильное негативное влечение: к покою, нирване, Танатосу; в социальном мире эта агрессия против себя нередко оказывается направленной против других, и нужны культурные формы для того, чтобы подавлять это деструктивное влечение.

Поясняя фрейдистскую метафизику, целесообразно обратить внимание на то слово, которое только что было несколько раз использовано, – «влечение», «Trieb». Фрейд решительно предпочитает слово «влечение» слову «инстинкт», и это очень понятно. Инстинкт – вполне физиологическая вещь, познаваемая в той мере, в какой мы можем наблюдать его со стороны. Действует он или не действует, связано исключительно с обстоятельствами, но никак не с волей наблюдаемого. В этом смысле влечение не является, разумеется, ни инстинктом, ни также его прямым отрицанием – управляемой разумом волей. Влечение – это вовсе не то, что находится в пространстве сознания, воли, целенаправленного поведения человека. В лучшем случае влечения можно осознавать и соглашаться с их существованием в себе, в худшем – опознавать как то, с чем мы в себе не можем справиться. Концепт «влечения» позволяет психоаналитику работать в зоне между инстинктом и сознанием, исследовать проблему, не решаемую ни внешним наблюдением, ни интроспекцией. Влечение существует в бессознательном, оно обладает смыслом, но смыслом неявным, который надо прояснять, и психоанализ является как раз такого рода искусством по освещению смысловых связей, находящихся в потемках нашей души.

Таким образом, за фактом страха перед лошадьми оказалась определенная онтология, картина мира. «Эдипова» зависть к отцу – одно из первых и самых сильных ощущений ребенка. Такого рода нерелфлексивные ощущения в ходе взросления индивида вытесняются еще глубже – в область и вовсе бессознательного (уже недоступного артикулированным, отчетливым ощущениям). Главным инструментом и этого вытеснения в частности, и примирения индивида с противоречивыми и неразборчивыми влечениями его собственного бессознательного, и согласования поведения различных индивидов друг с другом оказывается культура – сложнейшая (и появившаяся вовсе не в результате чьего-то осознанного намерения) система по называнию одного другим, подкладыванию объяснений туда, где были вопросы, и вопросов – туда, где только что были объяснения. Впрочем, эта система (и ее отдельные участки в сознании самого индивида) доступна хотя бы частичной расшифровке и уж точно – перешифровке, которая нередко производит на индивида / ученого / больного воздействие,

аналогичное желаемому раскодированию. Когда пациенту объясняют скрытую механику его сознания, он испытывает чувство очевидности и понимает, почему и когда он боится лошадей, отца или начальника. Такой медицинский результат свидетельствует о том, что правильными были гипотезы, которые привели к улучшению состояния. Собственно, именно этот чисто медицинский показатель и является в психоанализе главным критерием истины. Я советовал бы обратить внимание на сходство этого понимания с прагматистским способом рассуждения и с марксистским положением о том, что критерием истины является практика. С другой стороны, полезно отметить, что психоаналитическое и марксистское направления понимания этого сюжета все-таки весьма различны.

*Психоанализ как мировоззрение или инструмент
преобразования общества*

Постфрейдистский психоанализ представляет собой сосуществование нескольких спорящих друг с другом тенденций. Самым принципиальным является различие между практиками и теоретиками. Существует такое направление, как неопрейдизм, представители которого пренебрегают продумыванием философской стороны психоанализа. Вместо этого они предпочитают поиск – в каждой конкретной ситуации – наиболее эффективного языка, способного помочь пациенту адаптироваться к окружающим его социальным условиям. Напротив, самый известный и яркий ученик Фрейда, К.Г. Юнг, меньше интересовался моментом излечения конкретного индивида и больше заботился о создании концепции, которая бы приближала всех и каждого к какой-то истине, к индивидуальной и, что еще важнее, коллективной гармонии. Юнг предполагал, что и само по себе индивидуальное *бессознательное* тоже является лишь частной и принципиально не очень важной формой *коллективного бессознательного*. Поэтому и исследовать надо не частные сны и оговорки, а мифы, которые являются складом, хранилищем т.н. *архетипов*. Архетипы – это своего рода образцы (как миф об Эдипе у Фрейда), в соответствии с которыми люди только и способны организовывать свое восприятие и свои мысли; индивиду-

альное сознание, целая культура или, в самом простом случае, миф – это результат трансформации и перекомбинирования архетипов, исторически сложившиеся и не очень большого их набора. Естественно, метод Юнга меньше подходит для медицинских целей и больше дает некоторую картину мира; в плане терапии Юнг склонен рекомендовать некоторое подобие упражнений по духовному самосовершенствованию, опирающихся, в частности, на большой интерес к не-западным интеллектуальным и психическим практикам.

Между фрейдизмом в узком смысле слова и юнгианской теорией коллективного бессознательного расположены, в частности, разного рода школы социального психоанализа. Такие авторы, как Э. Фромм или Г. Маркузе, стремились поставить психоанализ на службу социальной критике. Они также обнаруживали за множеством неврозов и депрессий психологические табу; однако, с их точки зрения, эти табу и комплексы вовсе не изначально были присущи коллективному или индивидуальному бессознательному. Наоборот, психологические факторы создаются и воспроизводятся в ходе исторических социальных практик, и, став предметом сознательного личного и общественного изменения, они способны начать оказывать обратное воздействие на направление истории человечества.

*Методологические импликации психоанализа
как стратегии эры подозрения*

Подводя некоторые итоги, следует обозначить основные завоевания психоанализа в методологическом плане. Конечно же, они не сводятся к возможности по-новому интерпретировать творчество того или иного автора, только лишь указывая на особенности его психологического и сексуального опыта.

Во-первых, психоанализ раскрыл перед гуманитарным знанием дотоле не поддававшиеся науке области желания и смерти. При этом не просто оказалась подчеркнутой значимость этих областей для мотивации человеческого поведения. Удалось продемонстрировать функционирование этих сюжетов как арсеналов моделей смыслообразования, важных и для индивидов, и для культуры в целом. Идея о том, что содержание мыслей человека зависит от его телесного

опыта (или обобщенной истории человеческой телесности), очень популярна в гуманитаристике XX века. В качестве удачного примера можно привести лингвистическое исследование о том, что в индоевропейских языках такой, казалось бы, абстрактный смысл, как «власть», восходит к смыслу «установление порядка», «распространение», «право». Этому соответствуют корни: *rectus*, *rechte*, *right*; можно сделать вывод, что «власть», в конечном счете, воспринимается через тело – «простираемое», «распространение» правой руки. Еще более известный пример – слово «фаллоцентризм», при помощи которого Ж. Деррида (подробнее о нем говорится в лекции 17) обозначает свойственный всей европейской культуре способ видеть в любом мыслимом объекте только его торчащую словесную ось.

Во-вторых, психоанализ не просто научился привлекать для интерпретации культуры очередную (сексуальную, телесную, инстинктивную) систему символов. Не менее важно, что, начав работать с областью *бессознательного*, психоанализ познакомил гуманитариев с конструкцией «*черного ящика*»: в этом ящике поступающие в человека телесные требования и общекультурные значения переплавляются в специфику его индивидуального поведения. Существенно то, что психоанализ начал пытаться осознать это бессознательное – при всех логических трудностях этой процедуры. С одной стороны, оказывается, что ЗА сознанием, даже после проведения всех логических процедур и после достижения вроде бы абсолютной ясности, на самом деле стоят разные чрезвычайно влиятельные факторы: такие, как универсальная и инстинктивная человеческая сексуальность или мифологические архетипы, как у Юнга. Поэтому Фрейд и находится у истоков упоминавшейся в начале лекции «эры подозрения»: даже когда все ясно и логически правильно, надо искать что-нибудь «стоящее за», чему служат и что прикрывают собой ясность и логика. С другой стороны, в психоанализе это «стоящее за» Нечто не имеет отношения к какой-либо мистике; оно поддается контролирующему научному анализу. По крайней мере, можно устанавливать корреляцию того, что у черного ящика на входе и на выходе, – и такой подход вполне оправдывает использование слова «анализ» в названии психоаналитической стратегии. Само употребление конструкции подобного «черного ящика» и представление о нем как о все-таки доступном

для исследования объекте заслуживают того, чтобы быть признанными в гуманитарной гносеологии XX века как весьма удачный ход мысли¹.

Психоанализ выдвинул очень любопытную гипотезу о роли знания вообще. В исследовательской практике XIX в. познание чаще воспринималось как самоцель. Психоанализ же, как мы помним, – это медицина: благодаря тому, что пациент осознает двигавшие им втайне от него самого силы, он получает возможность излечиться. По аналогии и познание начинает рассматриваться как средство, как *терапия*, мягкое, нехирургическое лечение человека или общества. Цель исследования состоит не в том, чтобы раз и навсегда установить «правильный» порядок, но в том, чтобы избавиться от конкретного невроза, конкретной проблемы, пока не начнет беспокоить следующая². Подобное понимание знания получило распространение и время от времени воспроизводится даже в некоторых враждебных по отношению к «эре подозрения» методологических стратегиях XX века.

¹ «Удачный» в данном случае означает не столько «устанавливающий окончательную истину», сколько «способствующий дальнейшим размышлениям».

² См. об этом: Хэлд Д. Интересы, знание и действие (К критической методологии Юргена Хабермаса) // Современная социальная теория. Новосибирск, 1995. С. 102 – 105.

Лекция 15
СТРУКТУРАЛИЗМ

Общая характеристика структурализма

Структурализм иногда признается доминирующей исследовательской стратегией середины XX века. Но не всегда. Главным образом, против структурализма говорит то, что он уже совершенно официально скончался. Часть бывших структуралистов эволюционировала в постструктуралистов, а другие предпочли заявить, что они и структуралистами-то никогда не были. Собственно, таков еще один аргумент против преувеличения роли структурализма: очень размытые границы направления, из-за которых решительно непонятно, в какой мере человека можно называть структуралистом, а не просто ученым или философом, и в какой мере надо при этой идентификации считаться с его собственным мнением.

Однако, с другой стороны, это же соображение можно повернуть и в пользу структурализма: выходит, что, если определять эту программу лишь в общих чертах, она действительно способна объединить очень многих гуманитариев. Структурализм кажется достаточно репрезентативным для того, чтобы на примере его разных сторон показывать различные ориентации гуманитарной мысли. Позитивистов может привлекать академическая страсть к накоплению материала и открытию закономерностей; философам спекулятивного склада структурализм помогает удовлетворить потребность в обосновании возможности знания и в создании определенной картины мира; наоборот, релятивисты получают право проявлять навязчивое внимание к тому, что делает знание невозможным.

Добавим, что успеху структурализма сопутствовали не только интеллектуальные факторы. Были еще и некоторые обстоятельства социального плана, выгодная политическая конъюнктура: здоровая но-

визна этих взглядов по отношению к более сентиментальным и традиционным позициям. Во Франции к этому добавилось, например, раздражение против косности академической системы, поддерживавшей общественный порядок, которое сыграло свою роль в событиях 1968 года. Попавший в СССР благодаря деятельности Московско-Тартуской семиотической школы во главе с Ю.М. Лотманом, структурализм выглядел как передовое западное новшество.

В содержательном плане можно говорить о трех наиболее характерных чертах структурализма¹. Во-первых, предлагается новый уровень, на котором должно быть сосредоточено гуманитарное исследование: значимы не отдельные элементы, а отношения между ними; предполагается, что эти отношения объединяются в постоянную систему правил. Если спроецировать эту гипотезу на социальный мир, получается: то, что отдельно взятые люди считают проявлением своей воли, является на самом деле результатом воздействия стабильных *структур*, управляющих общественной коммуникацией. Эти структуры можно исследовать, изучая практику человеческих взаимоотношений и, в первую очередь, *язык*. Язык является своего рода равнодействующей человеческого опыта: в нем социальные значения уже обрели некоторое статистическое постоянство и стали доступнее для изучения. С другой стороны, нам проще исследовать язык, потому что мы изучаем его средствами самого же языка².

Если трактовать человеческое поведение и творчество как что-то подчиняющееся закономерностям (наподобие естественнонаучных),

¹ Предлагаемый ниже краткий очерк структурализма может быть полезно сопоставить с отрывком «Лингвистическая модель» из работы П. Рикера «Герменевтика и структурализм» (Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 44 – 48). Рикер упоминает классиков лингвистического структурализма (Ф. де Соссюра, Н. Трубецкого, Р. Якобсона) и делает акцент на их стремлении к изучению *синхронных*, освобожденных от времени, состояний. Можно назвать другую полезную вводную статью: Автономова Н.С. Структурализм // Современная западная философия. Словарь. М., 1998. С. 394 – 398, в которой более подробно говорится о структурализме в социальных науках в контексте отношений с другими философскими направлениями.

² Вспомним тезис об однородности инструмента и предмета анализа, который мы встречали у неопозитивистов.

то среди точных наук следовало выбрать образец. Этим образцом стала лингвистика, добившаяся в первой половине XX века очень больших успехов. Итак, если первый тезис гласил, что человеческое поведение подчиняется не воле и сознанию, но некоторым правилам, то второе положение устанавливало, что лучше всего эти правила отражаются в системе языка. Поэтому какую-либо область социальной жизни удобнее исследовать, предполагая, что она устроена аналогично той модели, которая лежит в основе языка.

Третий тезис касается согласия, хотя бы самого общего, о том, какая именно модель лежит в основе языка. По мнению структуралистов, язык обусловлен своей социальной коммуникативной функцией, обладает внутренней логикой и является сложной системой, которая в конечном счете должна раскладываться на элементарные парные соотношения, на т.н. «бинарные оппозиции». Образцом бинарной оппозиции является, например, отношение «0» и «1» («отсутствия» и «наличия», двух знаков, которых логически достаточно для того, чтобы могли функционировать компьютеры).

В принципе, эта точка зрения как раз той самой структурной лингвистики (точнее, фонологии), от которой отталкивались структуралисты. Фонология предполагала, что *язык* – это система постоянных отношений между ограниченным количеством фонетических знаков, подчиняющихся требованиям коммуникативной целесообразности. Этих знаков и управляющих ими правил не намного больше того минимума, который позволял бы обмениваться информацией о положении и намерениях. В отличие от *речи*, которую каждый говорящий человек производит сам, система *языка* является постоянной и принудительной. Для любого современного субъекта правила уже существуют, и он не в состоянии изменить их усилием воли. Причина прежде всего в том, что именно эти правила определяют систему его мышления, миропонимание и, следовательно, ту же самую волю. Уже в этой модели таится и основной козырь структурализма, и основное будущее возражение против него. Внешняя, наблюдаемая система языка оказывается совершенно независимой от наблюдателя и, более того, сама его формирует и предопределяет. С одной стороны, это гарантирует научность, – наконец-то мы можем исследовать то, что вроде бы не зависит от наших субъективных домыслов. С другой стороны, в ближайшем

будущем, когда выяснится, что мы – не что иное, как продукты *структур*, снова придется с большим трудом обосновывать претензии на научность. Подробнее об этом пойдет речь в рамках следующих лекций, а сейчас мы посмотрим, как эта лингвистическая модель была спроецирована на территорию других социальных наук.

*Распространение структурализма на антропологию.
Технология структуралистского исследования*

Человеком, который успешно применил модель структурализма в этнографии и подготовил экспансию этого направления в социологию и прочие науки о человеческом поведении, был французский исследователь Клод Леви-Строс. Он последовательно пытался приложить к этнографическим задачам лингвистический способ видеть предмет исследования так, как если бы тот был постоянен и независим от исследователя.

Вместе с другими структуралистами Леви-Строс провозглашает: за теми событиями и явлениями, которые люди в состоянии осознать, необходимо искать руководящие явным человеческим поведением *структуры*. Леви-Строс последовательно проводил идею о сходстве между языковыми и социальными системами. В речи, например, происходит обмен значениями, в экономике – обмен товарами, а допустим, в системах родства у первобытных народов, которыми и занимался этнолог Леви-Строс, – обмен женщинами¹. Смысл правил этого обмена отнюдь не понятен для его участников: например, скрытой целью системы брачных правил является удаление женщин за пределы клана, дабы не допустить его герметизации, которая приведет к биологическому и культурному вырождению в изоляции от других сообществ и постоянных инцестах. Во всех видах систем действительны некоторые универсальные положения: обмен ценностями, будь то слово, товар или женщина, возможен потому, что ценности приписывается определенное значение. Необходимость стабилизировать и оформить этот об-

¹ *Леви-Строс К.* Понятие структуры в этнологии // *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 2001. С. 309.

мен приводит к появлению специальных коммуникативных систем: таких, как грамматика, которая определяет законы сочетания слов, или мифология, которая описывает и объясняет на доступном для дикарей уровне существующие у них системы родства.

Постулат Леви-Строса состоит в том, что ради обнаружения вот этих самых потаенных *структур* отдельные элементы языка, социального устройства, мифов или чего-нибудь еще надлежит рассматривать как части единой *системы*. Иными словами, надо обращать внимание на те качества составляющих систему элементов, изменение значения которых повлечет за собой изменение всей системы. Например, если описывается обмен женщинами в первобытной деревне, то будет весьма существенно, из какой половины селения обмениваемая происходит; в то же время неважно, высокая она или не очень. Таким образом, призыв рассматривать предмет исследования как организованный системно позволяет пренебрегать теми качествами объекта, которые системной нагрузки не несут; позволительно пренебрегать и некоторой исторической, географической и т.д. спецификой. Это важно, поскольку раньше подобная специфика нередко вынуждала гуманитариев к *фактографизму*, описательству или *историцизму* – но в любом случае к отказу от интерпретаций.

Если обратить внимание на технические рекомендации структурализма, то выявятся его изрядное сходство с традиционным французским позитивизмом и высокая мера его пригодности для функционирования «нормальной» (в терминологии Т. Куна) науки. Например, Леви-Строс говорит о том, что описание должно стремиться к количественным параметрам и подражать механическим и термодинамическим моделям. Как раз тем и хороша лингвистика, что учит гуманитариев обращаться с такими единицами информации – словами, значениями, при точном исчислении которых будет достигнута естественнонаучная адекватность исследования. В отличие от позитивистов, Леви-Строс признает принципиальную неполноту индукции. В качестве наиболее продуктивного исследовательского средства он предлагает сравнение различных систем и поиск расхождений; именно на их объяснение должны быть направлены теоретические гипотезы. Историческое исследование является просто сравнением двух

разных состояний мифа или общества во времени; никаким специальным качеством, изменяющим смысл исследуемых явлений, история не обладает. Даже если подобное сравнение нацелено на поиск различий, структуралистский метод является только некоторой модификацией позитивистской логики: пафосу накопления информации и детально точной работы это не противоречит.

Вместе с тем, структуралистская программа не является целиком и полностью позитивистской, просто переставляющей некоторые акценты; стоит отметить ряд серьезных отличий. Прежде всего, позитивистов, как уже говорилось, упрекали за увлечение фактами: закономерность выявляется только после того, как все факты уже обнаружены, а это и недостижимо, и скучновато. Структуралистское исследование значительно интереснее; оно позволяет обобщения и осознанно концентрируется уже на уровне правил как основного предмета исследования.

Другое отличие от позитивизма состоит в том, что Леви-Строс уделяет понятию *структуры* чрезвычайно большую роль. *Структура* – это принцип, по которому организованы то ли лишь язык и смысл, то ли вообще все бытие, но в любом случае все, что мы можем понять, может быть понято исключительно структурно. Это, конечно, уже не позитивизм: структуралисты заранее, еще до начала исследований, готовы исходить из того, что 1) все части системы зависят друг от друга; 2) все смысловые связи могут быть сведены к бинарным оппозициям наличия и отсутствия и их сочетаниям. Для позитивистов провозглашение таких аксиом еще до работы с эмпирикой является «метафизикой».

И еще одно отличие от позитивизма: пытаясь все-таки поточнее определить, как *структуры* влияют на субъекта, Леви-Строс разбудил сразу двух демонов. Во-первых, уже он начал говорить о том, что наиболее действенные *структуры* коренятся в *бессознательном* и передаются через него. Это позволяло сохранить представление о том, что структуры действуют неизвестным для субъекта и независимым от него (= «объективным») образом. В то же время эта локализация *структур* в бессознательном способствовала обретению структуралистской онтологией флера определенной мистики. Позднее структурализм очень живо шел навстречу психоанализу: возник даже спе-

цифический структуралистский вариант психоанализа Ж. Лакана, призывавшего исследовать «бессознательное как язык».

Еще один ставящий перспективы познания под сомнение и в конечном счете ведущий к релятивизму вопрос звучал таким образом: если *структуры* определяют поведение любого человеческого персонажа, то и исследователя тоже? Здесь открылся такой простор для саморазоблачения исследовательских заблуждений, какого мысль XX века еще не знала. Красивее всего эти проблемы разрабатывал великий французский исследователь М. Фуко, который тщательно изучал, что именно влияет на исследовательскую мысль. Именно Фуко продемонстрировал, насколько она склонна наивно доверять собственному желанию познавать, принимая искренность этого желания за критерий истины.

Лекция 16

МИШЕЛЬ ФУКО (1926 – 1984) И ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

На прошлой лекции мы говорили о структурализме, и сейчас я в нескольких словах подведу основные итоги. Вначале от имени всего структурализма, а затем от имени лично Леви-Строса мы пытались сформулировать основные структуралистские постулаты.

Во-первых, выяснилось, что наукой, которая наиболее удовлетворительно оперирует материалом из социальной жизни, является лингвистика. За этим обнаруживаются три тезиса низшего порядка: 1) язык, с точки зрения структуралистов, и есть та среда, в которой отражаются любые смыслы; 2) чтобы это отражение можно было осознать, значения должны рассматриваться только в соотношении друг с другом, как элементы системы с достаточно жесткими связями; 3) лингвистика представляет образец такого рассмотрения языка.

Таким образом, любое явление, которое может быть исследованным вообще, должно анализироваться как язык: как сообщение, части которого обладают значением, и, чтобы понять это значение, нужно рассматривать отдельные элементы непременно в их взаимосвязи. Например, государство, с такой точки зрения, должно быть описано как система соотношений: допустим, между политикой и экономикой, между политическим курсом и личностью лидера, между парламентскими институтами и общественным мнением. При этом нужно стремиться к тому, чтобы рассматривать эти соотношения не изолированно, но в контексте их связей с другими важными парами, желательно ограничиваясь при описании самым компактным перечнем значимых соотношений. Это уподобление любого анализируемого предмета языку, пожалуй, можно считать основной чертой структурализма с точки зрения методологии. С точки же зрения онтологии, представления о том, как устроен мир, для структурализма довольно характерен следующий ход мысли: якобы свободным человеческим поведением, способностью ставить цели и их добиваться управляют некоторые неочевидные закономерности. Подобные закономерности не имеют никакой трансцен-

дентальной цели, а просто являются определенным постоянным отношением элементов и называются структурами.

Это представление о структуре имеет свои методологические последствия. Во-первых, человеческое поведение на самом деле не самостоятельно, и объяснять его надо по-новому, без понятий «захотелось» или «в целях прогресса». Во-вторых, мы признаем, что отношение – нечто более значимое, чем элементы, а среди отношений внутри системы именно наиболее жесткие заслуживают самого пристального внимания. Тем самым мы разрешаем себе не вязнуть в изобилии фактического и всегда индивидуального материала, но решаться на обобщения. В-третьих, если признать, что индивидуальное поведение на самом деле обусловлено структурами, станет понятно, что от этого не защищены и сами исследователи: они точно так же находятся в плену своих способов восприятия.

Два последних положения на прошлой лекции мы рассматривали как существенные отличия между структурализмом и позитивизмом. Структурализм является законным наследником позитивистской логики, поскольку он склонен настаивать на независимости предмета от исследовательских представлений; кроме того, и с технической точки зрения структурализм стремится подражать точным наукам. Структуралистская программа не противоречит пафосу накопления информации и детально точной работы. Предложенный структуралистами принцип видеть какие-то явления как системы связей, изолированные от избыточной информации, очень эффективен для исследования. Однако проблема в том, что внимания заслуживает не только то, каким образом предмет изучения (смысл текста или человеческий поступок, например) *не* зависит от субъективности исследователя. Додумывание импликаций структуралистского подхода заставило принять, что подобного рода неосознаваемые или плохо осознаваемые структуры стоят за смыслополаганием не только тех, кого исследуют. Эта тема активно разрабатывается в т.н. постструктуралистском направлении методологии гуманитарного знания.

Специфика Фуко в истории «гуманитарного подозрения»

Очередная лекция посвящена М. Фуко (1926 – 1984), который первоначально занимался историей психиатрии и науки, а позднее создал пусть не свою науку, но – без преувеличения – свой способ мыслить. Мишель Фуко – чрезвычайно колоритная личность. Этот профессор стремился проверять на прочность и обоснованность любые правила: начиная с того, что он брился налысо и был гомосексуалистом – почему-то это запоминают лучше всего – и продолжая тем, что он серьезно заигрывал с коммунистами и даже принял участие в студенческих беспорядках 1968 года. Однако лысых, гомосексуалистов и хулиганов, в общем-то, много; Фуко же пытался спроецировать свой протест на интеллектуальные конструкции, причем делал это, с моей точки зрения, очень честно: не удовлетворяясь какой-либо своей красивой и убедительной мыслью, а пытаясь и ее развинтить на части и проникнуть еще дальше – в пространство заблуждений, сомнений и желаний, которые ее породили. Поэтому сам он называл свои ранние произведения «археологиями» – «Археология гуманитарных наук» (она же – «Слова и вещи»), «Археология знания» и т.п. В принципе, этот подход должен напоминать нам ту «эру подозрения», о наступлении которой уже говорилось выше. Однако, на мой взгляд, Фуко очень серьезно отличается от Маркса или Фрейда. В каком-то смысле эти двое были великими интеллектуальными шулерами: они заранее знали, что именно искать и находить за логичными и красивыми построениями – законы классовых структур или бессознательного. Напротив, Фуко не позволяет себе поблажек: в своих археологиях он снимает слой за слоем и не останавливается на каком-либо из уровней, будь то уровни языка, желания или власти. Здесь уместно сделать пояснение: в психоаналитических или в марксистских концепциях предполагается, что на всем протяжении истории за культурой всегда стоит одно и то же – соответственно, вечные психологические структуры или экономические законы. Фуко не собирается надеяться на то, что все замки будут открываться одним ключом: для него за каждым периодом может таиться свой скелет в шкафу, свой организующий принцип, который совершенно не обязан плавно и с необходимостью переходить в следующую эпоху. Конечно, из-за этой критической перепроверки и

многократного «разоблачения» своих собственных теоретических построений, Фуко не создал никакой объяснительной концепции, сопоставимой по универсальности с марксизмом или психоанализом. Однако, по-моему, сознательно поставив себя в более сложные условия, Фуко проявил гораздо больше исследовательского остроумия и читать его и очень трудно, и очень интересно.

*Исследование эпистем и дискурсивных позиций;
конструкция непроницаемости дискурсов*

Итак, Фуко разрабатывал такую интерпретацию истории знания и возможностей исследования, которая бы полнее учитывала влияние различных неосознаваемых структур интеллекта, языка и отношений власти на результаты творчества. Во многом Фуко остается еще структуралистом. Пытаясь выявить наиболее важные характеристики, в соответствии с которыми организовано знание, в одной из своих ранних работ («Слова и вещи»), Фуко разрабатывает понятие *эпистемы* – единого, характерного для каждой крупной исторической эпохи способа обозначать предметы и связывать значения между собой¹. Фуко близок

¹ Словарь «Современная западная философия», характеризуя различие между тремя основными описанными в «Словах и вещах» эпистемами (возрожденческой, классической, современной), делает это следующим образом: «Отношения означивания между видимым и высказываемым ... в возрожденческой эпистеме «слова» и «вещи» сходны или даже тождественны, в классической – опосредованы мыслительными представлениями, в современности – связаны такими онтологическими факторами, как «жизнь», «труд», «язык»» – Эпистема // Современная западная философия. Словарь. С. 520. Грубо говоря, это означает, что в представлении человека эпохи Возрождения растение «волчий корень» помогало от глазных болезней потому, что внешне походило на человеческий глаз. Для авторов идеальных классификаций XVIII в. (хорошим примером может быть один из отцов биологии К. Линней) реальность и возможность ее осмысления должны были быть полностью тождественны друг другу: если мы описываем и выводим (или выводим и описываем) породы гончих собак, то существование породы с короткими кривыми лапами и длинными висячими ушами почти с необходимостью означает нашу обязанность распознать в других гончих «породу с короткими прямыми лапами», «породу с длинными кривыми

структуралистам и на уровне методических предпочтений: его интересуют прежде всего правила, затем качества и только потом – вещи.

Некоторые установки структуралистского мышления Фуко заметно трансформировал. В частности, ему принадлежит важная роль в разработке т.н. «дискурсивного анализа». Сам по себе термин «дискурс» существовал еще задолго до Фуко. Однако в классическом структурализме этот термин функционировал только в рамках различия между языком и речью и фиксировал определенный участок речевого потока: например, участок, на протяжении которого полностью развивается какая-либо мысль¹. Фуко несколько переопределяет этот термин, перенося акцент с языка на смысл, выражаемый при помощи языка. У Фуко *дискурсом* будет совокупность высказываний, например, такая, в рамках которой мысль разворачивается в своей полноте. Можно привести примеры: дискурс власти, дискурс человека, искусствоведческий дискурс. В последнем случае, например, речь идет о том, насколько определенный способ мыслить и выражать свои мысли является общим для всех искусствоведов, независимо от того, что и как конкретно изучает каждый искусствовед. Взаимосвязь «мыслить и выражать свои мысли» имеет принципиальное значение: дискурсивный анализ задает вопрос не только «что говорится?», но и: «посредством каких слов говорится?», «в рамках каких социальных практик, узаконенных и непи-

лапами», «породу с длинными прямыми лапами» и даже «породу с короткими прямыми лапами и не очень длинными висячими ушами» – все ячейки таблицы, которую можно себе представить, должны быть заполнены. Наконец, люди XIX – XX вв. строят свое знание при помощи мыслей о самостоятельном содержательном потенциале таких неизбежных слов, как «язык», «человек» или «история», при посредстве которых мы говорим и о болезнях, и о собаках. При том, что приведенный пример является очень утрированным, да и саму концепцию эпистем Фуко упрекали в прямолинейности (фактически после «Слов и вещей» он сам к ней больше не возвращался), именно с «эпистем» удобно начать отсчет внимания Фуко к исторической относительности и труднопроницаемости систем мышления.

¹ См., например, подборку из нескольких наиболее характерных определений понятия «дискурс»: *Серво П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 26 – 27, а также С. 138.

санных?». И, получив некоторое представление о возможных ответах на эти вопросы, возвращается к вопросу «что?».

Однако свой троянский конь есть и в этом понятии дискурса – мысли, развитой во всей полноте того, как она отражена в тексте или какой-то совокупности текстов. Для исследования конкретного дискурса важно предполагать его самодостаточным, отделенным от других. Дискурс сам разрабатывает свою систему координат, сам подыскивает для себя оправдания, сам определяет условия и границы своей действительности. Грубо говоря, для атеиста существует не только 1) констатация факта, что во второй половине XX века «космонавты летали, но Бога не видели». Есть еще и целый комплекс условий, делающих этот аргумент значимым: 2) уважения заслуживает только научное знание – т.е. основанное на чувственном наблюдении, техническом контроле и методических принципах; 3) человек, в меру своей ловкости, является полным хозяином собственных действий и мира в целом. Стоит обратить внимание на очередной важный нюанс – за этой гносеологией и за этими представлениями о человеке стоит еще и соответствующая организация общества. В этом обществе предполагаются, в частности, разделение труда, профессиональная наука, право победить и проиграть в борьбе за власть и вообще эффективность как главный критерий социальности.

Если мы сопоставим со всем вышесказанным утверждение о том, что Бог есть, то тут будут не просто другие аргументы, но даже другие координаты. Бог есть, потому что есть благодать, потому что идея справедливости возможна и, для верующего, даже торжествует в мире. В общем-то, для религиозного человека наличие Бога удостоверяется чудесностью не чуда, но нормы и – как самоочевидное – требует доказательств не больше, чем тезис о непересечении параллельных прямых. Я это все говорил не к тому, чтобы подтвердить какую-то из двух позиций или даже показать, что истина относительна; скорее, хотелось обратить внимание на то, что каждая истина, каждая позиция, каждый дискурс определяет себя сам¹. Фуко активно разрабатывал именно ло-

¹ «Внутри своих границ каждая дисциплина признает истинные и ложные высказывания; но, кроме того, за свои пределы она выталкивает еще целую тера-

гику непроницаемости дискурсов друг для друга, того, как последовательно проведенная мысль сама придумывает для себя условия, оказывается в состоянии сама себя оправдать, подавить критику со стороны других дискурсов.

Исследуя эту тему, он рекомендовал применять т.н. *критический методологический ансамбль*: рассматривать дискурс не с точки зрения естественности и законности его существования и его функций, но наоборот. Следует обращать внимание на постоянное подавление тех возможностей, которые были или могут быть альтернативными возникновению и существованию любого явления; это и будет наиболее глубоким его исследованием, проникновением за пленку очевидного. В дискурсе нужно обнаруживать не то, что он хочет нам рассказать, но то, где он нам сам проговаривается о своих условиях и границах.

С этим связана еще одна методологическая рекомендация: по мнению Фуко, дискурсы морочат нас, ускользают от разоблачения, подсовывая в конце каждой интерпретации какой-то другой дискурс как условие своего существования. Если вернуться к нашему примеру, то за атеизмом стоит антропология «человек человеку волк», а эта антропология подразумевает общество эффективности и так далее. Дискурс, смысл, вроде бы раскрываясь, будет все время ускользать. В эту ловушку постоянно попадает такой способ гуманитарного исследования, как история идей, методом которой является интерпретация – благородное, но ошибочное желание увидеть за внешним дискурсом истинную подоплеку.

Фуко предлагает другой способ видения проблемы: нужно описывать дискурс не через то, чем он является (или, точнее говоря, хочет казаться) «на самом деле», а через то, чем он не является, но мог бы стать. Следует не искать за одним дискурсом другой, а показывать, почему исследуемый нами дискурс стал именно собой, каким образом он подавил альтернативные возможности, в том числе и наиболее ему родственные. При этих подходах дискурс, нами исследуемый, становится доступнее для анализа; зато сами мы оказываемся безвластной жертвой

тологию (науку о чудовищах, невозможных монстрах – А.П.) знания» (Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 66).

дискурсов, царящих в нашем мышлении, каждый из которых неуязвим для критики со стороны других способов мысли. Следовательно, наше бедное мышление они делят между собой совершенно произвольным и непостижимым для нас образом.

Конечно, мы можем сделать некоторые наблюдения за взаимоотношениями дискурсов в каком-нибудь тексте, в исторической эпохе или в нашем сознании, мы можем их как-то сопоставлять. Например, посмотрим, что я делал при подготовке лекции: я просто компилировал чьи-то чужие учебники (это был позитивистский дискурс); объединял различные тезисы при помощи какой-то логической, умозрительной связи (допустим, это спекулятивный); пытался воспроизвести какие-то релятивистские способы мыслить; время от времени я должен был строить тот гибрид, который здесь называю структуралистским. Я могу сказать: вот история, вот лингвистика, вот науковедение и т.д. Однако перечисление в такой манере будет позитивистским, а если, например, я снова начну говорить о том, как трудно заниматься дискурсивным анализом, это будет уже не столько позитивистский, сколько релятивистский способ описания. Иными словами: каждый дискурс устанавливает в сознании или в тексте¹ свою систему координат, и все эти системы, как и их соотношения, всегда останутся для нас неопределенными. Причина и в том, что описание дискурса изнутри его самого всегда будет нам навязано его заботой о самоутверждении, и в том, что описание дискурса извне будет опосредовано искажениями описывающего дискурса – и так до бесконечности.

Надежда на освобождение от принудительности смысла

С этим ходом мысли следует самая характерная черта стратегии Фуко: фундаментальное недоверие любому смыслу, любому объяснению, которое подсказывает материал. Это проявляется на самых разных уровнях: исследуя что-либо, Фуко предпочитает обращать внимание не на историю преемственности, причинные или логиче-

¹ Кстати, возможность не задаваться все время вопросом, «в сознании» или «в тексте» это имеет место, – еще одно преимущество понятия «дискурс».

ские связи, а на разрывы в объяснении. Фуко предполагает, что именно здесь есть шанс разоблачить очередной упрощающий дискурс и попасть в плен следующего, более сложного. Непосредственно на уровне текста Фуко производит постоянную негативизацию: свои определения он предпочитает строить по принципу «это не...». В его работах постоянно разоблачаются те промежуточные результаты, к которым ему доводится приходиться.

Эту негативизацию можно обнаружить даже на уровне всего творчества Фуко: в своих ранних, иногда называемых структуралистскими, работах, он усматривал за способом отношения людей к языку или за их восприятием безумия некоторые универсальные схемы смыслополагания – упоминавшиеся выше эпистемы. На следующем этапе своего творчества Фуко занимался как раз проблемами игры дискурсов: он пытался понять, как работают такие фантомы исследовательского воображения, как «порядок», «автор», структура» – иначе говоря, при помощи каких слов и с какими целями мы убеждаем себя, что мы понимаем что-то там, где мы совершенно ничего не понимаем. Обнаружив проблему непроницаемости дискурсов, Фуко смирился с невозможностью чисто рационального анализа и предложил видеть за любой логикой стремление к подавлению и к власти: немотивированную и страшноватую склонность дискурса навязывать себя самого, подавляя возможные альтернативы. В последнее десятилетие своей жизни Фуко начал сомневаться в возможности уловить эту зловещую власть. Он доказывал, что она появляется не там, где некто злой, но определимый хочет кому-то что-то навязать, но фактически везде – там, где любой человек допускает наличие «взгляда», перед которым он живет, – и подчиняется. По мнению Фуко, власть делает из нас *субъектов*, выделяет из человеческой массы ответственных, поощряемых и наказываемых индивидов, – хотя Фуко совершенно и не собирается быть власти за это благодарным.

Всю свою жизнь, всю свою работу Фуко стремился сопротивляться этой власти: думать не так, как его принуждали к этому внешние условия науки и интеллекта, или, если уж думать «не так, как принуждали», невозможно, хотя бы чаще разоблачать это принуждение. Фуко, мне кажется, не верит, что в этой борьбе может быть одержана победа. Однако в очень большой степени секрет привлекательности Фуко состоит не только в рациональной силе его аргументов, но и в экзистенциаль-

ном пафосе его творчества. Он стремится опрокинуть любую принудительность мысли, в том числе не только в результате, но, видимо, и в построении своего исследования. Заведомая бесплодность борьбы делает его позицию особенно трогательной: здесь и рудименты традиционного европейского освободительного пафоса, и дикий бунт, и фатальная обреченность. Можно сказать, что этическая сторона гносеологии Фуко совпадает по своему пафосу с когнитивной, и это только усиливает впечатление от его произведений.

Лекция 17
ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ

Тема очередной лекции – *постструктурализм*, и я уже несколько раз говорил о том, что границы этого явления определить весьма трудно. Относительно наиболее выдающихся авторов конвенция еще возможна: мало кто будет спорить с тем, что постструктуралистами считаются Ж. Деррида и поздний Р. Барт. Однако что касается многих других мыслителей, зачастую трудно установить, с достаточным ли количеством постструктуралистских тезисов исследователь соглашается и в нужной ли мере он их исповедует. Постструктурализм, таким образом – это не школа, которую составляют такие-то и такие-то имена и их ученики. Постструктурализм – это некоторая интеллектуальная ситуация и ряд ценностей, зачастую даже способных вступать друг с другом в конфликт. Однако в «ситуации постструктурализма» сравнительно похожим образом разрешаются общие проблемы и одинаково осознаются трудности исследования.

Уже из названия направления ясно, что эти новые позиции существуют после структурализма и по отношению к нему. Как мы помним, структурализм так же не был единой школой и только две черты оказались в нем до некоторой степени универсальными. Во-первых, отмена субъекта как единого действующего лица – за которым, с точки зрения структуралистов, стоят *структуры*. Во-вторых, правило анализировать свой предмет через призму текстов и, по возможности, как текст – как систему, элементы которой обладают друг для друга значением в силу того, что они, будучи наделены ценностью в перспективе выполнения каких-либо системных функций, приобретают способность быть единицами обмена. Несмотря на вышеупомянутую нечеткость границ, хотелось бы все же начать разговор с тенденций, общих для «постструктуралистского состояния» гуманитарного знания.

Наиболее существенные характеристики постструктурализма можно попытаться сгруппировать по трем пунктам.

Для обозначения первого пункта уместно процитировать роман В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота», где рассказывается псевдобуддистская притча следующего содержания. Некий Просветленный, когда его спрашивали о чем-либо, ничего не говорил, а только указывал пальцем на предмет, о котором его спрашивали. Таким образом Просветленный выявлял истинную сущность предмета, неизменно это выглядело как бесследное исчезновение предмета в пространстве. Позднее Чапаев приделал к этому пальцу глиняный приклад и использовал как пулемет. Образ «глиняного пулемета» из романа Пелевина весьма удобен для характеристики релятивистского стремления постструктуралистов выявлять относительность какого бы то ни было значения исследуемого предмета. Прежде всего, проблематизируется (и, кстати, структурными методами) сама структурность предмета, принцип его устройства.

Вторая важная характеристика – заметная *левизна* в политическом смысле. Это характеристика историческая: постструктурализм возник на пересечении структуралистского и экзистенциалистского опыта. Как и в структурализме, субъект в роли объясняющей модель и суверенного дарителя смысла поступкам и текстам объявляется иллюзией. Вытекающая отсюда принципиальная беззащитность человека перед властью признается постструктуралистами, но свободу они все равно пытаются отстаивать, хотя бы как право и возможность человека понимать, чему именно он подчиняется.

Наконец, и третья группа характеристик демонстрирует преемственность и родство со структурализмом. Постструктуралисты также предпочитают осуществлять исследование на уровне *означающего* (не непосредственно данного, но контекстно зависимого), на плане, который можно было бы обозначить как «промежуточный». Он располагается уже за непосредственной данностью источников, но не претендует на то, чтобы объяснять глубинные законы и истины. О каждой из этих трех групп характеристик ниже хотелось бы поговорить более подробно.

«Структура – это поломка».
«Размыкание структуры в контекст»

Итак, «глиняный пулемет». Н.С. Автономова обозначает эту тенденцию в постструктурализме как переключение интереса со структурной стороны устройства и изучения вещей на внимание к тому, что от этого структурного изучения уклоняется¹. Это всяческие апории и парадоксы, всевозможные нарушения внутренней структурной логики предмета, вызванные влиянием извне, случаем или какими-либо не поддающимися контролю внутренними импульсами. Ж. Делез и Ф. Гваттари в начале 1970-х годов даже сформулировали тезис о том, что поломка – это и есть истинное состояние структуры². Для постструктуралистов характерно внимание к тому, что разрушает структуру, – к децентрации деятеля, к прерывности объекта исследования, к опосредованности и искаженности всяческих исследовательских оптик, будь то язык, логика, философия, психоанализ или марксизм.

Одним из самых частых обозначений этого «черного ящика», который нарушает возможности структурного описания, стало «Желание»: последняя главная сила, нередуцируемая реальность, к которой восходит в структуре все неструктурное. Больше того, неструктурное в конечном счете создает и саму структуру: допустим, для Ж. Лакана средой взаимодействия и игры Желаний (причем не столько сексуальных, сколько энергетического характера, желаний к жизни и социализации вообще) становятся и язык, и бессознательное; для Делеза и Гваттари машиной согласования Желаний (хотя и не всегда справедливого) оказывается капитализм.

Однако в своей исследовательской практике постструктуралисты часто предпочитают другой способ мышления как более честный или последовательный. Они иначе разоблачают недостаточность структурного, т.е. *логоцентрического*, объяснения – не только тем, что указывают на действенность некоторых неконтролируемых факто-

¹ Автономова Н.С. Постструктурализм // Современная западная философия. Словарь. М., 1998. С. 331 – 333.

² Цит. по: Автономова Н.С. Постструктурализм // Современная западная философия. Словарь. М., 1998. С. 332.

ров вроде *Желания*, случая или *прерывности*. Постструктуралисты чаще предпочитают выявлять неспособность предмета обладать самодостаточным структурным смыслом, потому что смысл этого предмета входит в постоянно поворачивающийся разными сторонами и беспрестанно расширяющийся контекст.

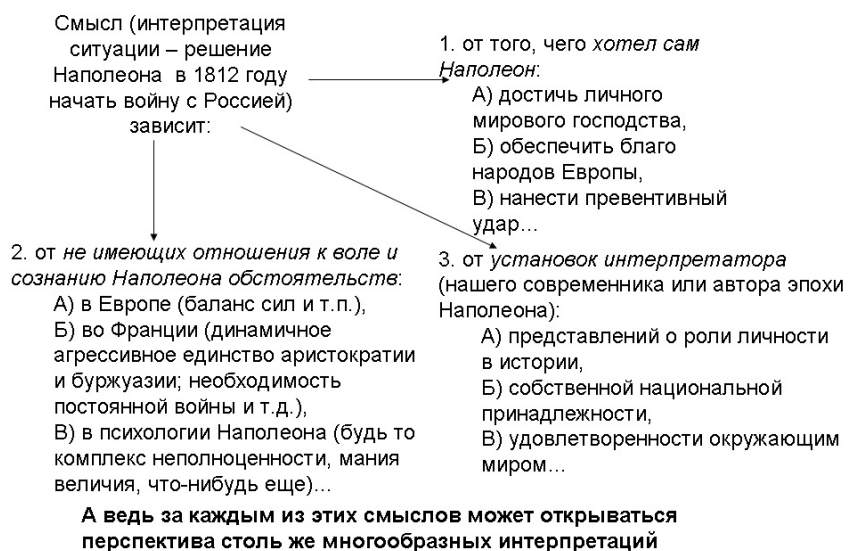
Попробуем пояснить этот принцип на конкретном примере. Допустим, вот смысл: в 1812 году Наполеон начал войну с Россией. Однако этот смысл существует в совершенно различных контекстах.

Во-первых, решение Наполеона напасть на Россию приобретает различные значения в зависимости от того, чего он хотел: достичь личного мирового господства, обеспечить благо народов Европы или нанести превентивный удар.

Во-вторых, у этого решения могли быть очень разные причины, независимо от того, что сам Наполеон думал и осознавал. Его политика могла определяться логикой складывания во Франции нового господствующего единства аристократии и буржуазии; у Наполеона могли быть комплекс неполноценности и мания величия; и/или в Европе в политическом отношении сложилась такая расстановка сил, которая могла разрешиться только войной.

Наконец, значение того же самого смысла (решение Наполеона пойти на Россию) зависит еще от того, как видит все это дело некий читатель: будь то оставивший нам свои записки современник Наполеона или нынешний историк. Здесь значение этого высказывания о Наполеоне будет меняться в зависимости от того, стоит ли такой свидетель на позициях исторической закономерности или роли героической личности, верит ли в действенность нематериальных факторов, склонен ли считать хорошей или плохой ситуацию, внутри которой он находится, оценивая деятельность Наполеона. А ведь это еще далеко не все контексты такого, казалось бы, очень простого смысла – Наполеон принял решение воевать с Россией. Еще важнее, что эти контексты имеют обыкновение пересекаться с себе подобными и что каждый из них тоже может углубляться практически до бесконечности.

Размыкание структуры в контекст

То, чем занимаются постструктуралисты, называется именно так: размыкание структуры (т.е. смысла) в контекст. Принято говорить о том, что в постструктурализме существуют две приоритетные стратегии этого размыкания: текстовая (знаменитое высказывание Деррида – «нет ничего вне текста») и политическая (Делез, заявивший: «в конечном счете, все это политика»; Барт, рассматривавший литературу как буржуазный институт, особенно опасный тем, что выдает себя за институт нейтральный, якобы не имеющий опасной специфической позиции). На этот счет существует еще одно афористичное высказывание: постструктуралисты пытаются обнаруживать за всем «язык власти и власть языка»¹. В целом, это умение показать, что 1) все, что есть, представлено нам лишь как текст, понимание которого зависит от читателя и даже создается им; 2) как для текста, так и для читате-

¹ Сам по себе этот каламбур, как кажется, уже потерял автора. Возможно, им был Сергей Ушакин: *Ушакин С.А.* После модернизма: язык власти или власть языка // *Общественные науки и современность.* № 5. 1996. С. 130.

ля и для понимания существенны конфигурации властных отношений в обществе (или, если угодно, в культуре), в котором происходят процессы коммуникации / переинтерпретации. Навык такого сомнения следует признать важной заслугой постструктурализма.

Можно заметить, что содержанию постструктуралистского релятивизма удачно соответствует форма произведений постструктуралистских авторов. Например, Ж. Лакан называл свой стиль «сюрреалистическим», Барт просто писал весьма эмоционально, а, допустим, «Археология знания» Фуко выглядит как непрерывное самопровержение. Еще более показателен проект деконструкции Деррида, который очень заботился о том, чтобы его текст не оказался ни системой, ни методом, ни критикой в смысле традиционной философии. Все эти формальные характеристики вполне отвечают постструктуралистским нападкам на европейскую капиталистическую рациональность и научность.

Постструктурализм и традиция критики власти

Экзистенциалистское наследие в постструктурализме весьма сильно коррелирует с левыми политическими взглядами. Это понятно и объясняется причинами, сохранявшими свою действенность на протяжении всего периода модерна, но особенно значимыми в контексте именно второй половины XX века. Можно даже выйти за пределы исторического модерна и вспомнить о том, что в христианской традиции существует идея социальной справедливости, а западноевропейская постпротестантская этика складывалась параллельно триумфу социально эмансипировавшейся буржуазии, т.е. идея «освобождения» фундаментальна для европейской интеллектуальной традиции.

Несколько огрубляя, можно сказать, что в этой истории мощно представлены только две альтернативы: или клерикально ориентированный консерватизм, или критика существующей власти. Во многих европейских странах (особенно в католических) значительная часть интеллектуалов получала образование в подведомственных церкви учреждениях, была относительно лояльна церкви и «плавно» перенимала ее социальные функции. Для таких интеллектуалов революционные или

почти революционные взгляды, конечно же, не были обязательными или характерными, а мыслители, наиболее близкие романтическим установкам или клерикальным партиям, всегда отчетливо тяготели к консерватизму (хотя бы и совершенно выдуманному, как национал-социалистический или фашистский). Однако секуляризованный европейский интеллигент-гуманитарий практически был (и остается?) обречен на левые¹ политические взгляды. С одной стороны, критика (политической) власти и придумывание ей альтернатив является едва ли не самой востребованной общественной задачей гуманитариев как значимых для общества фигур². С другой стороны, приходится отдавать себе отчет в том, что именно страта ученых не обладает ни деньгами, ни властью, будучи к ней максимально приближена. Это положение «низшего из господствующих» очень располагает к революционным настроениям.

Говоря уже более конкретно о середине XX века, следует прежде всего отметить влияние марксизма на все пространство европейской мысли (особенно после того как Великая депрессия 1929 – 1933 годов и победа номинально социалистического государства во Второй мировой войне заставили политиков Европы и США очень серьезно поднять уровень жизни и правомочности трудящихся классов / широких масс). Кроме этого, левизна постструктурализма частично объясняется его генетическими отношениями со своим непосредственным предшественником (структурализм), и с философским течением, предшествовавшим уже структурализму (экзистенциализм). Во Франции это направление возглавлялось чрезвычайно влиятельным и успешным философом Ж.-П. Сартром, близким марксизму и делавшим немалый акцент на идее и риторике индивидуального освобождения личности. Структурализм во многих аспектах строился как отказ от экзистенциализма, как позитивистская – по своему замыслу – попытка построить философию без этики. Постструктурализм, как уже

¹ Возможно, правильнее сказать «критические». Однако для Франции 1960 – 1980-х годов это не очень существенно, действенная критика власти раздавалась только слева.

² Подробнее на эти темы есть смысл посмотреть книги: *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003, и *Уолцер М.* Компания критиков. М., 1999.

говорилось, принял структуралистскую критику субъекта как фиктивной категории: под видом *субъекта* нам предстает обманчивое единство культурного опыта, интересов власти и средств текстуального выражения. Старые экзистенциалистские представления о персональном противостоянии индивида всему миру были благополучно развенчаны структурализмом: выяснилось, что экзистенциалистское понимание субъекта – не универсальная, а вполне европейская и европоцентристская идея, к тому же работающая, в конечном счете, на интересы власти.

Однако наподобие того, как структурализм нередко утверждал себя в споре с предшествовавшими экзистенциалистскими позициями и ради этого обращался к духу еще более ранней позитивистской философии, постструктурализм и явно, и скрыто апеллировал к экзистенциалистскому мироощущению индивида, который пребывает в отчаянной борьбе с властью и миром в целом. В отличие от структуралистских авторов, постструктуралисты ставят себя в решительную оппозицию к власти, хотя и понимают трудность (Барт) или даже невозможность (Фуко) ее свержения. Постструктурализм рассчитан уже на субъектов, которые осознают сконструированность своей индивидуальности и человеческой суверенности. Однако освободительный пафос у него сильнейший. Сохраняется вполне марксистская (с поправками на маоизм и антисталинизм) ориентация на борьбу с капитализмом. При этом вполне по-экзистенциалистски мышление остается пронизано целью добиваться свободы. Пусть даже это будет довольно ограниченная свобода интеллектуала, понимающего все новые и новые уловки власти, которая заставляет его работать на свое утверждение даже в его святая святых – в интеллектуальной и творческой деятельности.

*«Насыщенное описание»: зависимость значения
от контекста и отказ от монистических¹ объяснений*

Перейдем еще к одной важной методологической характеристике постструктуралистских стратегий, которая в начале была обозначена мной как «промежуточный план». Как говорилось, он не тождественен непосредственной данности источников. В этом случае нам нечего было бы от них допытываться, а исследование становилось бы просто пересказом. В то же время критическая искушенность постструктуралистов не разрешает им искать объяснения на глубинных уровнях: таких, как устройство бессознательного или восстанавливаемый в герменевтике истинный смысл произведения (пусть даже не тождественный смыслу, который вкладывал в свой текст или поступок автор-субъект). Я хотел бы указать на три примера, иллюстрирующих эту специфическую установку исследования: дискурсивный анализ, в социологии – идея двойной структуриации (на языке Э. Гидденса) или диспозиций (на языке П. Бурдьё), парадигма «насыщенного описания» К. Гирца.

Об анализе дискурсов выше уже говорилось. Я лишь еще раз с удовольствием подчеркну, что конструкция «дискурса» не позволяет нам остановить интерпретацию (текста) там, где нам это удобно: например, на уровне, где смысл «классовая позиция» не требует дальнейших объяснений, или на том, где в качестве такого же рода последней «объяснительной» реальности используется, допустим, «свобода воли». Анализ дискурсов обращен не на текст как вещь и не на систему социальных позиций как вещь, поэтому он не похож ни на третий, ни на первый позитивизм. Требование дискурсивного анализа состоит, как мы помним, в том, чтобы искать за системой высказываний не ее внутреннюю и самодостаточную последовательность и не замысел автора, а ту *дискурсивную*, логическую *позицию*, с которой могло бы быть сделано данное множество высказываний.

Из этого же стремления не отрицать зависимость исследования ни от предмета, ни от интерпретатора, происходят конструкции Бурдьё

¹ Слово «монизм» обозначает здесь объяснение какой-либо проблемы одним фактором или системой факторов одного порядка (например, только социально-экономических).

и Гидденса. Эти авторы пытаются совместить субъективные и объективные составляющие человеческого действия (и, соответственно, его объяснения) в теориях *габитуса* (П. Бурдьё) и *двойной структуризации* (Э. Гидденс). В обеих концепциях разрабатываются модели структур, которые определяют действия и выборы индивида, складываясь как из того, что он сознает (сознательная часть опыта, знания, решения), так и из того, в чем он не отдает себя отчета, – бессознательное (напоминающее психоанализ, но не обязательно сексуализированное) плюс интериоризированный опыт. И то, и другое отчасти является результатом воли индивида, которую он сам понимает как свободную, а отчасти – определяется действиями других и вообще всей человеческой историей, спрессовавшейся в условия действия и восприятия ситуации индивидом. В определенном смысле, «габитус» Бурдьё – конструкция, придуманная для обозначения черного ящика, в котором социальный опыт субъекта осознанно и неосознанно трансформируется в поступки, а результаты и восприятие этих поступков аккумулируются в индивидуальный и коллективный социальный опыт¹.

¹ Подробнее об этих авторах см., например: Современная социальная теория. Новосибирск, 1995.

Наконец, еще одним ходом мысли, при помощи которого постструктурализм разрушает представление о фиксированном соотношении означаемого и означающего, является интерпретативная антропология К. Гирца¹. Введенное им в научный оборот понятие «насыщенного» или «плотного» описания вполне успешно иллюстрирует специфику (в сравнении с более ранними значениями) постструктуралистского понимания «текста».

В качестве такового, разумеется, может в целях исследования трактоваться и культура в целом, и любой ее феномен в частности. Вообще, вторая половина XX века нередко считается прошедшей под знаком «лингвистического поворота» в гуманитарном исследовании, когда универсальным ключом к рассмотрению картины или предмета одежды, а также действия, человека или общества становится призыв рассматривать это нечто как «текст».

Следует понимать, что за этим призывом и за самим понятием «текста» стоят очень разные составляющие.

Наиболее сильно просвечивает структуралистская или семиотическая компонента, восходящая в конечном счете к позитивизму. В этом случае текст означает, что нечто представляющееся нам первоначально своего рода хаосом (например, хаос звуков авангардистского музыкального произведения или какое-нибудь реальное государственное устройство с принятыми в нем теневыми правилами игры, неконтро-

¹ «Но суть моих рассуждений сводится к тому, что между тем, что Райл назвал бы «ненасыщенным описанием» действий репетирующего, передразнивающего, подмигивающего, моргающего и т.д. («быстрым движением смыкают верхнее и нижнее веко правого глаза»), и «насыщенным описанием» того, что они на самом деле делают («репетирует перед зеркалом, как он будет передразнивать приятеля, когда тот будет кому-то тайно подмигивать»), лежит предмет исследования этнографии: стратифицированная иерархия наполненных смыслом структур, в контексте которых возможно моргать, подмигивать, делать вид, что подмигиваешь, передразнивать, репетировать, а также воспринимать и интерпретировать эти действия, и без которых все эти действия (включая и нулевое морганье, которое как *категория культуры* в такой же степени не подмигивание, в какой подмигивание является не морганьем) не будут существовать, независимо от того, что кто-то будет делать с верхним и нижним веком своего правого глаза» (Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. СПб., 1997. С. 175).

лируемостью действий чиновников, столкновением интересов и вообще полной неразберихой) на самом деле является вовсе не беспорядком, но вполне организованной структурой. Просто у этой структуры есть свои закономерности, и более важные из них не эксплицированы, но лишь подлежат установлению в исследовании. Именно структуралистов и постструктуралистов нередко упрекают в том, что они радикализировали слово «текст» и научили гуманитариев что бы то ни было видеть (или притворяться, что они видят) как *текст*. В этом смысле постструктуралисты (по крайней мере, Деррида и Барт) вполне сохраняют структуралистский пафос и остаются *лингвоцентристами*. Н.С. Автономова полагает, что именно в 1970-е годы, в эпоху постструктурализма, акцент на текстуальности даже усиливается: то, что для Лакана существовало как бессознательное, а для раннего анализа дискурсов как *идеология*, социальное, постструктуралисты начинают рассматривать на текстуальном и дискурсивном уровне. Иными словами, постструктуралисты указывают на текстуальный и дискурсивный характер даже тех областей, в которых надеялись найти объяснительную первооснову ранние структуралисты.

Помимо структуралистской, в слове «текст» есть сильная герменевтическая, восходящая к литературоведению, составляющая. За определенным «текстом», за вышеописанным структурированным порядком, хочется подразумевать чей-то замысел, адресованное читателю послание.

Постструктуралистские обертона слова «текст», во-первых, самые неявные, а во-вторых, уже восходят к структуралистской базе и к ее спору с герменевтической или экзистенциалистской интенциями. Кажется, что структурную устроенность «текста» постструктуралисты понимают вовсе не как отражение существующего порядка вещей или чьего-то спланированного коммуникативного намерения. Постструктуралистский текст означает пересечение нескольких, опознаваемых лишь в ходе исследования способов видения, например: 1) авторского представления о смысле написанного текста, 2) смыслов, отразившихся в тексте независимо от авторского намерения (благодаря, например, ресурсам языка или использованию и влиянию неосознававшихся автором культурных кодов), и 3) дополнительных смыслов, привносимых при прочтении интерпретатором текста.

Контексты постструктуралистского понимания «текста»

Структуралистский: система правил (в частности, позволяющих слову «текст» обозначать содержание «текста»).

Герменевтический: история термина «текст» и намерение установить его первопонимание, допустим, начиная со средневековой философии: «Природа – это книга...».

В этом смысле постструктуралистский метод одновременно может быть назван и релятивистским, и строгим. Релятивизм состоит в том, что ученый будет работать только на уровне означающего, не дерзая давать объяснения тому, что, собственно, «обозначается». Однако на этом уровне он будет именно работать, а не просто констатировать недостижимость истины. Само по себе знание о том, что мир устроен, например, бессмысленно, жестоко или непознаваемо, не представляет особой ценности. Нужны конкретные и убедительные – да еще и красивые! – разоблачения нелогичного и принудительного как в исследуемом предмете, так и в самом исследователе. Вновь воспользуемся примером К. Гирца. Исследователь должен объяснить, каким образом он (из рамок своей культуры, в которой возможны и сговор, и репетиция перед зеркалом) интерпретирует чье-то моргание, невинное или наоборот, ставящее своей целью симулировать отсутствующий заговор, именно как «подмигивание». В этой своей тяге к конкретным описаниям и детальным осмыслениям пост-

структурализм продолжает традиции французского позитивизма и структурализма и вполне способен работать в качестве эффективной и эффективной исследовательской методологии.

Антирепрезентационизм Жака Деррида

Ж. Деррида является удобной фигурой, для того чтобы попытаться представить себе, как может выглядеть постструктуралистская философия; неудивительно, что при этом его методологические призывы могут стать руководством к действию только на самом общем уровне. Деррида, автор такого культового слова, как «деконструкция», создал проект очень специфического отношения к традиционной философии. Этот проект потому и называется «деконструкцией», что предполагает не «деструкцию», не полное разрушение, но очень глубокое критическое преобразование, сознающее происхождение от своего материала. В традиционной философии Деррида не устраивает надежда мыслителей на то, что истина и сущности все-таки где-то как-то существуют, на то, что можно если не добиться, то хотя бы представить себе в качестве регулятивного горизонта чистое созерцание, не искаженное ни ошибками логики или понятийного аппарата, ни спецификой исследовательской позиции, ни осознанной или неосознанной личной заинтересованностью.

Деррида предполагает, что эта позиция европейской философии обусловлена ее склонностью верить в некоторый особый статус того, что она исследует, – статус *наличия* (*presence*, иногда еще переводится как *присутствие*). С точки зрения Деррида, вещи вовсе не присутствуют в какой-то самотождественной изначальности, которая может быть найдена. Их самотождественность всегда затронута *различием* (грубо говоря, с другими вещами) и *отсрочкой* (например, «причина» становится «причиной» только спустя некоторое время, когда происходит следствие). Кстати, отсрочка и различие – это два смысла другого термина Деррида, знаменитого «*différance*». Однако традиционная европейская мысль не хочет видеть того, что в чистом виде, без *différance*, *присутствие* невозможно. Поэтому в основу европейской философии положена модель представления (репрезентации), воссозда-

ния некоторой стоящей за изображением реальности. Потребность увидеть суть вещей влечет европейскую мысль к тому, что она все время хочет обнаружить некие первосущности, центры (для краткости Деррида упрекает европейскую философию в онто-тео-телео-фалло-фоно-лого-центризме)¹.

Деррида пытается деконструировать всю философию наотмашь (что ни в коем случае неравнозначно тому, чтобы вновь начинать с чистого листа, с самого начала все то же самое). Поэтому, аргументированно критикуя понятия «системы», «метода» и даже самой «критики», он не хочет, чтобы его «деконструкция» воспринималась как система или метод; текст Деррида представляет собой нечто среднее между многоэтажным и ироничным комментированием себя (или источника) и каламбуром². Кстати, каламбур – вещь тоже отнюдь не случайная. Возведение игры слов в технику философствования основывается на том недоверии, которое Деррида испытывает к понятию как философскому инструменту, ложно претендующему на то, чтобы схватывать реальность недвусмысленно.

В плане методологии эти призывы к «новой философии» обретают сколько-нибудь уловимые очертания только у раннего Деррида, когда он, с относительной правдоподобностью, говорит о том, что классическая философия была направлена на поиск тождеств (или соответствующих им противоречий), но не различий, и обозначает черты своего *грамматологического* проекта. Новая, предложенная им наука, «грамматология», – это, по его определению, «особая дисциплина по исследованию письма»³. Однако «письмо» здесь становится термином, существенно отличающимся от того, что мы привыкли понимать под словами «письмо» или даже «текст». «Письмо» у Деррида – не вы-

¹ Цит. по: Автономова Н.С. Деррида // Современная западная философия. Словарь. М., 1998. С. 125.

² Таковым является уже упомянутое выше слово «*différance*», образованное Деррида от слова «*différence*» («различие»), которому придан процессуальный характер («различание»), указывающий на еще одно значение исходного глагола «*différer*» – отсрочивать, откладывать во времени.

³ См. (показательный также и для стиля Ж. Деррида) пассаж: Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 117; также статья: Автономова Н.С. Грамматология // Современная западная философия: Словарь. М., 1998. С. 109.

ражение той мысли, которую автор хотел донести до читателя, не знак некоторого подлежащего установлению, пониманию и объяснению содержания, а нечто прямо противоположное. *Письмо* – это доступное для исследования дополнение к такому неуловимому «протосодержанию», его «след», и кроме «следа» нам о существовании этого «протосодержания» ничего не известно и не будет. Для того чтобы выйти на этот уровень, на котором снимается противопоставление речи и письма (т.е. сущности и явления), Деррида рекомендует нарушать дисциплинарные перегородки и политические запреты.

Сам по себе призыв рассматривать культурные тексты не как представляющие / выражающие некоторое изначальное значение, но как замещающие его видится очень интересным для гуманитария. Эта тенденция находится в том же русле, что и намерение Лакана исследовать именно символическое пространство бессознательного, да и вообще соответствует вышеотмеченному стремлению постструктурализма довольствоваться в работе именно уровнем означающего, отказываясь от того, чтобы делать заключения по поводу сущностей. Есть и другое возможное применение деконструкции по отношению к конкретной гуманитарной работе – видеть в тексте не столько адресованное читателю послание, сколько заимствованные из других культурных источников опорные понятия и слои метафор. Это происхождение элементов текста из чужих контекстов, грубо говоря, свидетельствует о том, что текст не является сам сувереном собственного содержания, которое поэтому вообще менее важно, чем форма текстов как определенных media, культурных, исторических и социологических продуктов, являющихся в то же время средствами человеческой коммуникации.

История литературы Ролана Барта

Еще одним наиболее часто упоминаемым постструктуралистом является Р. Барт (1915 – 1979), и он же, вероятно, – самый популярный и легкий для чтения из представителей этого направления. И.П. Ильин в своих книгах, по сути, отказывает Барту в самостоятельности, говоря, что тот фактически был лишь великим «посредником» пост-

структуралистских идей¹. Именно Барт популяризовал такие конструкции как «смерть автора» или «письмо», придумал «эффект реальности» и в своих поздних сочинениях («Удовольствие от текста», «Ролан Барт о Ролане Барте», «Фрагменты речи влюбленного», «*Camera Lucida*») задал наиболее влиятельные образцы гуманитарной постструктуралистской стилистики. Одной из ее составляющих является агрессивность в отношении современной буржуазии как производителя искажающего осмысляющего кода, пытающегося выглядеть универсальным. Другая составляющая – релятивистское убеждение в том, что собственные дешифрующие построения каким-то образом тоже оказываются наперед заданными в своей специфической ошибочности репрезентациями. Следовательно, эти попытки разоблачить власть тоже подчинены какой-то логике принуждения, зловредной и смеющейся над нашими освободительными потугами.

В своем анализе литературы Барт стремится разоблачить буржуазию, которая выдает собственную классовую стратегию литературной критики за всеобщую, лишенную политических интересов. Барт демаскирует роль главных институтов литературы и литературоведения – функций *автора* (как обманчивого единства составителя литературного послания) и *мимезиса* (как стремления литературы восстановить некоторую фактическую или моральную реальность). В «Анализе одной новеллы Эдгара По» Барт ставит задачу исследовать не «кто говорит», а «что говорится» в произведении; найти, если угодно, «тайный смысл» взаимодействия функционирующих в тексте лексических, синтаксических и смысловых структур. Это повлекло за собой понимание и истолкование текста как структуры, существующей в своей идеологической и культурно-исторической обусловленности достаточно независимо от автора и *референции*². Именно Барту принадлежит, кстати, знамени-

¹ Ильин И.П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М., 1996. С. 157.

² Это, впрочем, еще вполне структуралистский способ рассуждения. Традиционному способу прочтения, который предполагает, что смысл текста создается или тем, о чем в этом тексте говорится (*референция*), или хотя бы субъективным намерением и мастерством автора, противопоставляется новый, провозглашающий, что смысл текста, скорее, содержится в языке и ситуации (это уже более по-постструктуралистски) чтения.

тый термин «чтение-письмо», который означает, что каждый читатель фактически самостоятельно пишет читаемый текст, наделяя его своими значениями и интерпретациями. В связи с этим Барт начинает истолкование текста не как данности, а как процесса, процесса – *идеологического*, или, по Барту, *мифологического* – означивания, осуществляемого совместно текстом и читателем.

Это исследование, по сути своей, распадается на несколько частей. С одной стороны, оно довольно хорошо соответствует общему для постструктуралистов настроению «обреченной революции», когда свою неспособность говорить не на языке власти они признают, но, вместо того чтобы полностью капитулировать перед ней, ставят своей задачей разоблачение механизмов власти и принуждения в тексте. В рамках этого проекта Барт чрезвычайно красив и убедителен, особенно когда он объявляет себя «историком наиболее коварных знаков»¹, которые поставляют власть и литература – знаков и иллюзий очевидности. Именно то, что нам кажется правдоподобным и бесспорным, и надлежит разоблачать в первую очередь. В качестве примера можно привести известный бартовский анализ *эффекта реальности* – того, что заставляет нас испытывать доверие к определенным литературным текстам и называть их реалистическими. Барт обнаруживает, что читателя гораздо больше убеждают незначительные для идеологии повествования детали (какой-нибудь «барометр над пирамидой из коробок и картонок»)², которые снабжают текст дополнительным кредитом доверия и позволяют провести идеологию, например, идеологию стабильного буржуазного семейного быта.

Другая составляющая постструктуралистского развенчания структур, стоящих за производством и восприятием текста и имеющих реляционный характер, выглядит менее заостренной на полемику и более конструктивной. Каждое открытие подобного рода (например, то, что мы благодаря «коробкам и картонкам» начинаем верить в существование «барометра» и даже семьи, всем этим владев-

¹ Цит. по: Рыклин М.К. Барт Р. // Современная западная философия: Словарь. М., 1998. С. 33.

² Цит. по: Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 392.

шей) является не просто пессимистической гносеологической констатацией. На конкретном материале даются подробные разъяснения факта культурно-исторической относительности – и читаемого текста, и нас как его читателей. Констатировать и выявлять причины, по которым мы видим смысл и законы того или иного послания именно так (а не в их вечной, аутентичной автору, позитивистской или структуралистской правильности), – вот то небольшое и даже, по сути, единственное, что нам остается. Однако это тоже знание и, если оно осуществляется в расчете на некоторую убедительность и правила, тоже наука. В этом смысле постструктурализм просматривается за многими перспективными современными формами гуманитаристики (например, за «cultural studies») и в то же время, дополняя идею культурно-исторической относительности традиционные соображения о психоаналитической и социальной обусловленности, продолжает «эру подозрения».

Лекция 18
ПОСТМОДЕРНИЗМ

Последняя лекция посвящена постмодернизму. Мы остановимся на четырех пунктах: во-первых, на трудностях анализа постмодернизма и на том, что это понятие употребляют как бы концентрически, для обозначения явлений совершенно разного объема; во-вторых, на исходных кластерах, средоточиях постмодернистской идеологии; в-третьих, на так называемой постмодернистской эстетике; в-четвертых, на тенденциях, которые соответствуют постмодернизму в развитии общества и в состоянии гуманитарных наук.

Многие рассказы о постмодернизме содержат причитания о том, как трудно про него рассказывать. В самом начале важно отметить, что постмодернизм принадлежит к числу самокритических стратегий, для него больше, чем для какой бы то ни было другой программы характерны негативные определения. В постмодерном обществе важно, что оно НЕ-индустриальное, в постмодерной науке – что она НЕ-академическая и т.д. Кроме того, на тему «неуловимости» определения постмодернизма часто звучат еще несколько аргументов.

Во-первых, иногда звучит утверждение, что постмодернизм – это не просто современность, а то, что после современности, и для того чтобы о нем говорить, нам будто бы желательна некоторая временная дистанция, нужно, чтобы этот период давно закончился и мы могли посмотреть на него со стороны. У этого аргумента есть еще один весьма интересный разворот: является ли все-таки постсовременность завершающей фазой современности, или это что-то абсолютно новое – но об этом мы ниже поговорим подробнее.

Во-вторых, замечают, что слишком много разных смыслов обозначаются как постмодернистские и слишком много разных людей объявлены или объявляют себя постмодернистами (либо отрекшаются от ярлыка «постмодернистский», специфическое значение которого

при этом актуально только для них). Поэтому очень трудно найти границы интересующего нас явления и уловить единство его составляющих.

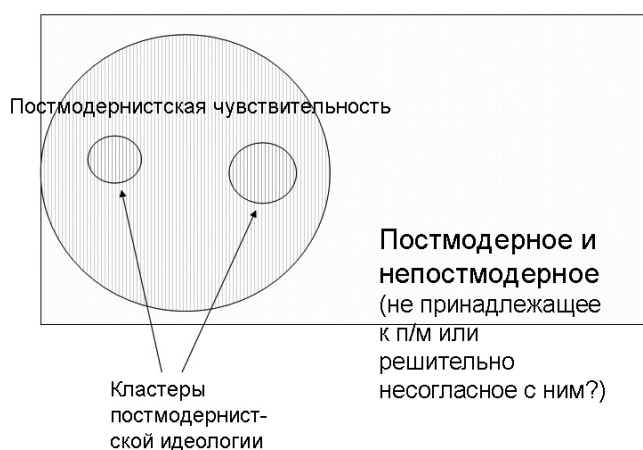
В-третьих, нередко признается, что в содержательном плане идентичность постмодернизма создается утверждениями об отсутствии идеологии, об абсолютной терпимости и включении в себя даже своих противоположностей и о прочем радикальном плюрализме. Эти качества иногда изображаются свойственными только постмодернизму и, таким образом, факультативными – их можно исповедовать или не исповедовать, а часть их свойственна всему современному обществу. В последнем случае заниматься поисками какого-либо определения или единства постмодернистских настроений является блажью, корректной только потому, что постмодернизм, в силу своей абсолютной терпимости, обязан допускать и ее.

Мне кажется, что три эти вышеприведенные трудности определения постмодернизма действительно имеют место, но служат скорее отговорками. До некоторой степени, они уже являются следствиями определенного понимания постмодернизма и логических противоречий, которые можно если не преодолеть, то хотя бы осознать.

«Концентрическая» характеристика постмодернизма

Ситуацию можно попытаться представить себе следующим образом. Существует, если угодно, «концентрическое» определение постмодернизма, и некоторые недоразумения происходят потому, что мы путаемся между разными радиусами. Есть определенные центры, можно сказать, кластеры постмодернистских идей; есть более широкое пространство постмодернистских ценностей, иногда обозначаемое как «постмодернистская чувствительность»; есть словоупотребление («мы живем в эпоху постмодернистской политической риторики»), когда в качестве постмодернистского квалифицируется многое, в чем есть хоть какие-то черты постмодерна.

Разные радиусы постмодернизма

*Кластеры постмодернистской идеологии:
деконструктивизм и интертекстуальность*

Удобно начать разговор о постмодернизме с тех центров, которые сами называют себя постмодернистскими и не встречают в этом самоопределении особых возражений со стороны. В этой роли выступают, в частности, американское деконструктивистское литературоведение (созданное в конце 1970-х годов Полем де Маном и Джозефом Миллером) и группа французских философов (прежде всего, Жан-Франсуа Лиотар, Жан Бодрийяр; очень часто, как уже говорилось, их объединяют с Ж. Делезом, Ж. Деррида, Ф. Гваттари и другими).

Американские литературоведы сумели популяризовать и применить к задачам практической литературной критики довольно сложный философский постструктурализм Ж. Деррида. Одна из их основных идей состоит в том, что при анализе текстов бессмысленно пробиваться к какой-либо «правильной» интерпретации. Мы не можем надеяться,

что текст окажется разгадываемым шифром определенных социальных, психологических или эстетических обстоятельств. Иными словами, когда мы читаем гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки», соображения о том, что Гоголь возмущался несправедливостями угасающего крепостнического общества, сублимировал свою сексуальную неопытность или находился под влиянием немецких романтиков, имеют только очень ограниченный, относительный смысл. На самом деле, это мы придумываем определенные интерпретации Гоголя, только потому, что мы «перемножаем» его тексты на уже знакомые нам сочинения Маркса, Фрейда или на какую-нибудь многотомную историю литературы. Гоголь, впрочем, также создавал свои идеи и интерпретации на пересечении текстов народных украинских сказок, Библии и, допустим, Гофмана.

Таким образом, не существует текстов, которые бы обладали собственной идеей, автором или влиянием, а есть единое пространство текстов и интерпретаций, еще точнее было бы сказать – «восприятий», неразрывно переплетенных между собой. Эта концепция называется концепцией «интертекстуальности», ее создали французские постструктуралисты, а в массовом порядке применили к литературной критике вышеупомянутые американские исследователи.

На роль другого «самого» центра постмодернистской мысли, вероятно, могут претендовать несколько упомянутых чуть выше французских философов. Все они размышляли, в частности, о том, какие функции выполняют философия и знание в современном обществе, и иногда высказывали содержательно близкие тезисы. Звучат они примерно так: до XX века с его мировыми войнами, достигнутым материальным благосостоянием, экологической угрозой и дифференциацией научных школ и эстетических вкусов сперва религия, а потом науки в целом и философия сама по себе худо-бедно справлялись с задачей уложить всю известную информацию в какое-либо осмысленное повествование. В терминологии Лиотара такое повествование называется «метанарративом». Он приводит примеры, когда, допустим, вся история Нового Времени вместе с духовной культурой от Просвещения до Маркса и с социальными и национальными революциями рассматривается как единый проект «освобождения человечества». Дру-

гой пример – «герменевтика смысла», когда вся история знания считается трудным, но имеющим конечную цель путем приближения к единственной истине.

Однако XX век оказался слишком разнообразным. «После Освенцима», как констатировала Х. Арндт, нельзя пить кофе и нельзя не пить кофе. Метанарративов у нас больше не будет, и единого смысла всего и вся нам тоже больше не видать. В этих условиях, во-первых, знание теряет возможность быть легитимацией, оправданием, осмыслением жизни. Во-вторых, функция знания становится по преимуществу критической: уже не постройка больших концепций, но их критика, создание маленьких теорий, «микронарративов» на свой вкус и без особых амбиций, а также выработка процедуры их корректного сопоставления.

Постмодернистская чувствительность

Таковы две концепции, в наибольшей степени претендующие на то, чтобы идентифицировать себя с идеологией постмодернистского анализа. Заметно, что их тезисы не то чтобы противоречат друг другу, но и не особенно друг в друге нуждаются. Если бы проблема состояла в том, чтобы объединить де Мана с Лиотаром, постмодернизм обрел бы уже свою идентичность. Однако следует признать, что к сравнительно близким, релятивистским и игровым моделям отношения к знанию и социальным нормам, как выяснилось, могут приводить учения довольно разного философского происхождения: структуралистского и постструктуралистского, феноменологического (прежде всего, опосредованные Хайдеггером) и прагматистского. Например, очень сильным мыслителем, сумевшим привить к американскому прагматизму многие черты немецкой и французской философии языка и власти, является Р. Рорти. Как вышеупомянутые, так и некоторые другие идеологические кластеры производят впечатление близких, но нетождественных друг другу интеллектуальных конструкций, и определять приходится все это пространство, весьма нестройное.

Для обозначения второй концентрической окружности иногда применяется термин «постмодернистская чувствительность» («sensibilité postmoderne») или «постмодернистская эстетика». Этот термин

несколько расплывчат, но тем не менее можно выделить определенные специфические черты постмодернистской эстетики. Легко предположить, что, прежде всего, она проявляется в художественном, литературном или изобразительном творчестве и значительно меньше в науке и философии. Однако разговор об этой эстетике необходим не только потому, что это тема очень интересная, но и еще по двум причинам.

Во-первых, для постмодернистской литературы и литературоведения характерны установка на разоблачение очевидных смыслов, уверенность во множественности интерпретаций и, таким образом, предпочтение стилистики содержанию. Эти стандарты произвели на науку, особенно гуманитарную, довольно сильное впечатление. Условно говоря, чего ради выбиваться из сил, если истины все равно нет, а изощренность можно проявлять и работая над формой текста? Во-вторых, тот же Лиотар пишет, что в новых, постмодерных, условиях, когда произведение искусства уже не может просто работать на какую-то большую идеологию, оно обязано не подчиняться каким-либо существующим правилам, но каждый раз становится проектом выяснения правил своих собственных. Искусство, таким образом, превращается в рефлексию, философию самого себя. Следовательно, *постмодернистская чувствительность* и философия тесно связаны друг с другом.

В принципе, в вопросе характеристик постмодернистской чувствительности господствует полный хаос: если не с номенклатурой, то с иерархией. Следует еще раз повториться, что и нижеследующий их каталог достаточно условен.

Мне кажется, самым важным, отправным качеством все-таки является 1) *ирония*: недоверие любому предлагаемому смыслу, желание показать его оборотную сторону – не потому, что эта оборотная сторона более истинна, но просто потому, что неистинна лицевая. Аргументированность, культурная изощренность и агрессивность постмодернистской иронии могут быть очень разными в зависимости от исполнителей. Однако постмодернист, пожалуй, не может быть проповедником – точнее, проповедник не может быть постмодернистом: последнему не рекомендуется верить, что он знает что-то достаточно истинное и ценное, и уж ни в коем случае ему не стоит навязывать свое мнение другим.

2) Далее: протестуя против самой идеи тотальной интерпретации, целостного и уверенного повествования, постмодернизм, разумеется, не имеет права создать что-нибудь полноценно свое. В целом, постмодернистская чувствительность предполагает использование преимущественно уже созданного ранее материала: культурного опыта чужих, до-постмодернистских эпох. Иногда эту ситуацию называют «правилом мертвой руки» – по аналогии с казусом феодального права, когда какой-либо владетель мог распоряжаться имуществом сам, но не имел права продать его или передать по наследству. Так и постмодернистам, которые прозревают смысл и лживость любого действия, до того как его осуществят, дозволено распоряжаться культурным богатством прошлого, но не дано прибавить к нему хоть что-нибудь свое. В этой ситуации могут подчеркиваться разные аспекты. Например, можно говорить о 2.1) всеядности или же, наоборот, о терпимости и *плюрализме*, с которыми постмодернисты непредвзято подходят к чужому культурному наследию. Можно акцентировать внимание на том, что 2.2) *цитатность* является самым опознаваемым стилистическим качеством постмодернистской культуры. Есть еще один удачный термин – «пастиш»: это французское слово обозначает пародию, но пародию, не предполагающую понятия нормы, переворачивание которой создавало бы терапевтический или комический эффект. *Пастиш* – это не способ осмеять те или иные отживающие смыслы и формы. Скорее, пастиш – это конструирование своего высказывания с использованием создававшихся для других целей строительных элементов. Как мне кажется, этот смысл очень неплохо подходит как раз для обозначения некоторых уникальных свойств постмодернистской чувствительности.

С цитатностью очень тесно связано еще одно качество, в равной мере характеризующее как стиль, так и функционирование постмодернистских произведений: так называемое 3) «двойное кодирование». Можно взять два идущих друг другу навстречу примера: роман «Имя Розы» У. Эко (1980) и историческую монографию «Возвращение Мартина Герра» Н.З. Дэвис (1983). Обе книги про средневековье, обе написаны учеными, при этом одна из них – художественный роман, а другая – научное исследование. «Имя Розы» можно читать наивно, как детективное романтическое историческое повествование, показав-

тельно, что фильм по этой книге также оказался очень популярен. В то же время «Имя Розы» – сознательная пародия на традиции детективной литературы, а заодно на стоящие за всей европейской культурой ценности просвещения, рационализма (и одновременно их антитез – духовности и мистики). Попутно Эко включает в свою книгу все – от фальсифицированных средневековых документов до М. Пруста: таким образом, удовольствие от романа получит как неискушенный, так и вполне изощренный читатель, ощущающий себя триумфатором интеллектуальной викторины. Здесь может быть еще одно отступление: почему эта пародия постмодернистская? В данном случае потому, что пародия на детектив строится не как «плохой» детектив, в котором гипертрофируются клише и слабости. «Имя Розы» – хороший детектив – но не всерьез, и не детектив, и не для того, чтобы высмеять эту форму литературы, а для того, чтобы прочесть, повертеть в руках, подумать и без негодования или прозрения отложить в сторону.

«Возвращение Мартина Герра» – пример того, как те же интуиции проникают в академическую науку. Книга одновременно является и научной монографией, и сагой для любителей душещипательных историй (особенно в исторических, в данном случае – XVI века, декорациях). Это еще и провокация для знатоков исторического ремесла: есть ли у нас право писать историю так, чтобы она выглядела одновременно художественным, психологическим и методологическим романом? Налицо то же самое *множественное кодирование*: произведение сознательно создается так, чтобы один прочел одно, другой другое и чтобы каждый, в зависимости от своего уровня, предрасположений, ценностей, мог бы найти что-то свое.

И вот мы подошли к последней характеристике, которую стоит обозначить как важную для постмодернистской чувствительности. Постмодернисты – не первое поколение в XX веке, провозгласившее кризис смысла, относительность морали и недостижимость прекрасного. Однако важно, что предыдущие поколения объявляли этот кризис, для того чтобы построить на руинах что-нибудь новое (весь художественный авангард) или как можно быстрее и увереннее провозгласить конец света или хотя бы последний и решительный бой. Постмодернистская чувствительность примечательна тем, что все вышеупомянутые характеристики воспринимаются не как кризис, с которым надо сра-

жаться и победить или проиграть, а как положительные, имеющие право на существование черты новой культуры. Не то чтобы постмодернизм был 4) оптимистичен, но, по крайней мере, отрицая логику старой культуры, он далек от того, чтобы оплакивать потери, имеющие смысл только с точки зрения этой логики.

Постмодерн: ситуация в обществе и науке

Таким образом, постмодернистская чувствительность – явление значительно менее простое, чем ее центры, но пока еще обозримое. Теперь пришло время поговорить о главной логической коллизии, которая мешает удобно пользоваться понятием «постмодернизм». В нашей схеме этому соответствует самое широкое пространство концентрического определения. Кстати, имеет смысл дать еще одно очень условное разграничение и сказать, что если постмодернистскую идеологию чаще называют словом «постмодернизм», то постмодернистскую не-идеологию (общество, культура, ситуация и т.п.) – словом «постмодерн». Таким образом, сейчас мы начинаем говорить, скорее, о постмодерне.

В «постмодерн» входит «все, что имеет отношение к постмодернизму», и эта всеядность позволяет существовать двум логическим неясностям, сильно компрометирующим и определение, и само понятие постмодернизма.

Во-первых, решительно непонятно, как соотносится «постмодерн» и «современность». Используется ли это слово для того, чтобы обозначать: а) законченный период последних 20 – 30 лет XX века, понимаемый как специфическое, но все-таки развитие предыдущих тенденций – для выражения этого смысла Ю. Хабермас или В. Вельш используют довольно удачный термин «радикальный модерн»; б) тот же законченный период последних 20 – 30 лет XX века, знаменующий собой, однако, решительный разрыв с «модерном», т.е. со всем Новым Временем (начало этого периода могут датировать, как известно, и серединой XVII, и началом XIX, и даже концом XV в.); в) совершенно непонятный по длительности и характеристикам период, который решительно отличается от всего, что было в истории и только начинается в конце XX века.

Мне хотелось бы четче обозначить свои собственные намерения: в них вовсе не входит научить «правильно» пользоваться понятием «постмодерн», и едва ли можно утверждать, что какое-то понимание корректно, а какое-то нет. Скорее, я попробую показать, что в разговоре о постмодерне очень легко исходить из принимаемых по умолчанию различных коннотаций этого слова. При этом могут быть выявлены и достаточно типичные случаи выхода из такой ситуации, корректного соотнесения разных смыслов «постмодерна» между собой.

Проблема соотношения постмодерна и современности

а) продолжение модерна («радикальный модерн»); б) разрыв с модерном; в) начало новой эры

Еще одна логическая неточность, пожалуй, даже более важная, состоит в том, что когда понятие постмодерн употребляют в расширительном смысле и распространяют практически на все современное общество, одни имеют в виду действительно все общество, а другие – ровно его постмодерную часть. Таким образом, очень часто происходит приписывание какого-то узкого значения слова «постмодернизм» более широкому кругу явлений, чем тот, который подразумевается собеседником или критиком. Можно привести простой пример: допустим, в начале 2000-х годов в московской радиоротаии была популярна песня

«Такого, как Путин» группы «Поющие вместе». Ответ на вопрос, следует ли считать эту песню постмодернистской, не может быть однозначным. С одной стороны, в музыкальном отношении песня вполне традиционна, да и с точки зрения политики, постмодернисты, пожалуй, такого, как Путин, хотеть не должны. С другой стороны, очевидно, что подобная песня может функционировать как не имеющая (оппозиционного) политического звучания только в ситуации уже постмодернистской массовой культуры, когда предполагается, что все «серьезные» смыслы без всяких проблем доступны для использования в любом высказывании. По схожему образцу можно признавать или не признавать постмодернистскими авторами Б. Акунина, В. Пелевина и даже А. Проханова и И. Глазунова; употребление этого обозначения будет зависеть от того, насколько широко понимается постмодернизм.

В разговорах о постмодернизме, помимо неудачных, возможны и некорректные аргументы: например, если кто-то хочет обругать своих оппонентов и при этом не любит постмодернистов, нет ничего проще, чем противника к ним причислить. Например, с точки зрения представителя рационализма, выступая за неединственность истины и за плюрализм методологических парадигм (принцип «anything goes» П. Фейерабенда), постмодернистом оказывается не только любой скептик, но и традиционный интуитивист, стоящий на том, что знание должно иметь практическую пользу как постоянно воспроизводящийся диалог, речевая деятельность. Наоборот, для этого интуитивиста постмодернистом будет сам рационалист, считающий, что развитие человечества шло путем увеличения рационального контроля над информацией, который и привел нас в нынешнюю постиндустриальную эпоху с ее законами. Таким образом, недоразумений, софизмов и обманов в понимании «постмодерна» действительно хватает, и хорошо, если будет шанс пользоваться этим понятием чуть более корректно.

Я попытаюсь назвать некоторые основные прилагательные, которые употребляются как синонимы понятию «постмодерный». Итак, общество: главное слово – *постиндустриальное*¹. Постиндустриальное

¹ Подробнее об этих сюжетах см. книгу: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.

означает, во-первых, информационное, а во-вторых, что гораздо важнее, – бесклассовое (по крайней мере, между классами нет серьезных антагонистических противоречий). На уровне постиндустриального общества противоречия вообще практически сглажены: с одной стороны, все вместе принадлежат единой и довольно-таки массовой культуре, в колесе которой надо гибко и быстро крутиться; с другой стороны, общественное самообеспечение уже не требует совместного труда и проживания, и каждый может проводить время сам, не вступая в конфликты по поводу ценностных предпочтений и – не особенно стремясь вырабатывать собственную идентичность. Конечно, постмодерное общество мультикультурно, и в нем бродит масса более и менее мелких идентичностей – любители собак, лысые, евреи, курильщики опиума, патриоты и прочие. Достигшее мультикультурности общество становится терпимым. В идеале постмодерному социуму уже не нужно выстраивать иерархию, выбирать между лысыми и любителями собак, быть евреем это все равно, что быть толстым или быть брюнетом: хочешь – покрасься, не хочешь – ходи так. Я бы сказал, что это, пожалуй, и является главной чертой постмодерного общества. Оно не вынуждает индивида к пересказыванию себе самому каких-то основополагающих мифов и к той стратегии конструирования личности, которая состоит в отождествлении себя с какой-либо группой (непременно имеющей санкцию на существование, например, криминальную или государственную). В итоге одни говорят, что это абсолютная свобода и величайшее достижение, а другие – что то же самое есть кризис личности и полная катастрофа.

Как часть постмодерного общества наука также претерпевает соответствующие изменения. Постмодерная наука балансирует между двумя тенденциями. «Слабая» форма представлений о постмодерной науке подразумевает, что сейчас пришла эпоха критического очищения: мы осознаем свою зависимость от системы власти, средств языка и культурного наследия и понимаем, что даже самые честные поиски истины нашими предшественниками осуществлялись в рамках языка, власти и культуры. Поэтому типичное постмодернистское исследование – показать, что И. Ньютон был мистиком и искал законы механики ради того, чтобы воспроизвести гармонию Соломонова храма.

Вполне показательный конкретный пример: Х. Уайт (White) и его книга «Метаистория» (1972, русский перевод – 2002). Уайт берет вполне уважаемых позитивистских классических историков – Ранке, Токвиль, Гизо – и демонстрирует, что их текст на самом деле построен на специфической риторике и по сути ничем не отличается от художественной литературы. Можно смело сказать, что половина постмодернистских исследований – разоблачительные. Они разоблачают старый господствующий дискурс: капиталистический, западноевропейский, мужской, буржуазный, допустим, еще христианский и социальный. Поскольку приходится разоблачать именно этот дискурс, в постмодернистских исследованиях очень ценится маргинальность: поэтому такое количество женской науки, негритянской науки, колониальной науки, пролетарской науки, анархистской науки и т.д. Между прочим, это говорится без иронии. Раньше такой науки не было, а теперь она есть, и это хорошо – по крайней мере, на постмодернистский взгляд.

Постмодернистское исследование чуть более высокого порядка – это самоанализ: показать, что я вижу Ньютона, историков или мужской протестантский дискурс именно таким образом, потому что Я – постмодернист и придерживаюсь идеи о том, что все альтернативы непременно равны между собой. Однако все это, как сказано выше, «деликатный» вариант постмодерной науки, для которой главным является критическое недоверие предшественникам и демонстрация того, что языковая и культурная форма их работ не нейтральна по отношению к содержанию, но является важным (если не главным) ресурсом убеждения. В принципе, этот мягкий постмодернизм вызывает защитную критику только у его жертв или у тех, кто боится ими стать.

Иногда постмодернизм используется и более агрессивно – когда из факта относительности и неправильности любых критериев научности (что, по-моему, правильно) делается сомнительный вывод о том, что можно обходиться вообще без критериев: писать надо свободно, любое налагаемое логикой или сообществом ограничение есть принуждение и т.д. В итоге появляется огромное количество работ, в которых плохо не то, что они безответственные, а то, что они из-за этого низкого качества. Приходится находиться в состоянии постоянного внимания: нет ничего проще, чем сказать, что постмодер-

низм ужасен и что это такая критическая волна, которая еще немного побуянит-побуянит и схлынет. Однако до некоторой степени цель моего высказывания состоит в том, чтобы показать, что постмодернизм не случаен – действительно, произошли очень серьезные изменения, причем одновременно в социологии знания и в его внутренней логике. В плане социологии: слишком велика стала свобода индивида – в том числе и думающего, и нет ничего удивительного, что эта свобода находит для себя выход. В плане когнитивном: накопилось слишком большое количество сомнений, опровержений и разоблачений – и нет ничего удивительного, что не осталось логики, которой хотелось бы подчинить вышеупомянутую индивидуальную свободу. Постмодернизм – и в науке, и в обществе – может быть рассмотрен как своего рода вызов, предоставляющий очень интересные шансы и альтернативы для нашего дальнейшего развития, а как мы ими воспользуемся и окажется ли это правильным – зависит от того, как мы ими воспользуемся.

ПРИЛОЖЕНИЯ к тексту лекций курса
«История науки: Введение в методологию гуманитарного знания»

Ниже приведена подборка из пяти приложений, выполняющих различные дидактические функции. Мне кажется полезным коротко остановиться на каждом из этих приложений, пояснив, каким образом они могут быть использованы в учебном процессе.

Первое приложение – *планы лекционных занятий*. Практика предоставления их студентам непосредственно на занятиях в качестве раздаточного материала показала себя вполне эффективной: это способствует пониманию логики лекции, точному фиксированию такой информации, как термины, имена и даты¹. При подготовке к экзамену планы лекционных занятий работают как «краткое содержание» курса – студентам имеет смысл зафиксировать, что именно (как фактическое наполнение, так и логика) является необходимым минимумом, который подлежит контролю на экзамене.

Как правило, планы лекционных занятий довольно точно соответствуют развернутому тексту конкретной лекции: тем не менее, поскольку «карта не равна местности», иногда встречаются расхождения. Из-за изменения масштаба изложения, отказа от второстепенных деталей и т.п. частично смещаются акценты и некоторые логические связи. Впрочем, очевидно, что любой преподаватель, который воспользуется предлагаемым материалом, для того чтобы читать этот курс, в зависимости от аудитории и учебных потребностей своего ВУЗа будет (и это совершенно правильно!) создавать свою версию истории гуманитарной гносеологии, отличающуюся от предложенной в лекциях намного больше, чем этот конспект.

Стоит отдельно заметить, что политика шрифтовых выделений и верстки абзацев в «планах лекционных занятий» иная, чем в основной

¹ Аналогичные функции выполняют и Power-point презентации – см. ниже, с. 292.

части учебного пособия. Чтобы текст был не слишком пестрым, единственным альтернативным начертанием шрифта является полужирное (и для терминов, и для имен, и для содержательных или логических акцентов). Наоборот, разбиение текста на абзацы должно говорить студенту больше, чем в основном тексте, позволяя выделять отдельные тезисы и обращать особое внимание на логику перехода от одного из них к другому.

Второе приложение – *планы семинарских занятий*. Излишне указывать на то, что это «конструктор»: при построении программы курса вовсе не обязательно, чтобы восемнадцати лекционным занятиям соответствовали именно шестнадцать семинаров, причем совершенно неравномерно распределенных по всему учебному материалу. Скорее, в зависимости от конкретного учебного плана преподаватель выбирает, на каких текстах ему сделать акцент и насколько подробно заняться их анализом. Разумеется, возможен выбор совершенно других текстов и других классических или современных авторов. Иными могут быть подходы к анализу и расстановке акцентов. Я привожу примерные планы семинарских занятий (собранные из программ разных лет преподавания в ИЕК и РГГУ), для того чтобы облегчить преподавателю ориентацию в этом массиве текстов (если он в этом нуждается), подсказать и ему, и студенту типы тех вопросов, которые можно задавать себе и источникам по истории гуманитарной гносеологии.

Стандартный план семинара включает в себя формулировку темы занятия, указание той учебной цели, которую он преследует (внимательный и компетентный читатель нередко может извлечь из этого блока стержневую терминологию и доминирующие логические акценты), указание основного текста к семинару (всегда – по доступному изданию¹), *небольшую* подборку ссылок на дополнительные источники, основную и дополнительную исследовательскую литературу.

К каждому семинару дается подборка основных вопросов. Как правило, некоторые из них просто контролируют усвоение основных идей, логики и терминологии прочитанного материала. Однако

¹ Естественно, цель указывать последние издания источников (как правило, хорошо всем известных) не преследовалась.

предполагается и то, что подход, изучаемый на основании того или иного источника, лучше понимается, если попробовать самостоятельно спроецировать его на какой-то «внешний» и даже, на первый взгляд, неожиданный материал. Вполне уместным может быть аналитическое применение этого подхода к самому тексту источника, к сюжетам самостоятельных гуманитарных исследований участников семинаров или к материалу, хорошо знакомому, но находящемуся по умолчанию за пределами рефлексии: например, к каким-то фактам массовой культуры или самой ситуации обучения в ВУЗе.

Третье приложение – *список литературы и электронных ресурсов*. Как мне кажется, аналогичный раздел является самым уязвимым для критики местом практически любого учебного пособия. Это объясняется тем, что в нем могут преследоваться три несколько противоречащие друг другу цели. Во-первых, автор пытается представить *нормативный канон* той дисциплины, учебное пособие по которой он подготовил, дать недвусмысленный список самых авторитетных источников, учебников и исследовательских монографий. Во-вторых, он стремится обосновать свой *индивидуальный канон*, пояснить тот корпус источников и литературы, знакомство с которыми помогло ему подготовить именно тот авторский курс, который и предлагается читательскому вниманию. В-третьих, желательно, чтобы автор пояснял, хотя бы частично, ту перспективу, которая открывается *за пределами* его *канонов*; предоставлял бы читателю возможность перепроверить его источники и сопоставить предлагаемые в тексте рассуждения с иными возможными позициями.

Ценой этого желания одновременно угнаться за всеми зайцами является неминуемая открытость для упреков: в субъективизме при подборе изданий и воспоследовавших из него лакунах, в неравновесности, нерепрезентативности, невнимании к обновлениям etc. Добавим еще одну специфическую трудность: промежуточное, с моей точки зрения, положение такой дисциплины, как методология гуманитарного знания, – между корпусом философских дисциплин (прежде всего, историей философии) и еще более необозримым пространством конкретных отраслей гуманитаристики. Мне очень легко представить себе, что лингвист, историк, философ составили бы соот-

ветствующий список, исходя из совершенно различных оснований и с совершенно различным результатом.

Я привожу этот список, полагая, что в данном случае его отсутствие было бы еще большим недостатком. Любую конструктивную критику (как содержательную, так и дидактическую) я намерен с благодарностью принимать и учитывать при поддержании в рабочем состоянии соответствующего раздела на моем сайте по адресу: www.aperlov.narod.ru/literatura/. Хотелось бы надеяться, что, благодаря помощи читателей, список дополнительной литературы будет обновляться более оперативно и станет значительно полнее.

Приводимый в Приложении 3 список содержит следующие разделы (см. также чуть более дробное микрооглавление в начале соответствующего Приложения):

1) учебные пособия и словари по философии и МГЗ (методологии гуманитарного знания); 2) «классические» тексты по МГЗ и истории философии; 3) работы, дающие представление о состоянии теории в различных областях гуманитарного знания; 4) дополнительная литература по МГЗ и истории философии; 5) Интернет-ссылки и список размещенных по адресу моего персонального сайта (www.aperlov.narod.ru) ресурсов: текстов первоисточников и Power-point презентаций.

В качестве технического комментария стоит отметить, что, разумеется, очень многие упомянутые в Приложении 3 тексты выходили в разных изданиях. Я указывал те издания, которыми пользовался сам. В большинстве случаев это предпочтение не имеет дополнительных значений, хотя иногда (например, применительно к публикациям переводных работ в советское время) это может быть существенным. В некоторых случаях вслед за библиографическими данными издания указывается, какие статьи или главы из него имеют наиболее непосредственную связь с материалами курса. Кроме этого, после названия текста и выходных данных иногда в скобках указано число (от 1 до 18), обозначающее порядковые номера тех лекций, при работе с которыми этот текст может быть особенно полезен, иногда такое число приводится сразу после подзаголовка раздела.

Четвертое приложение озаглавлено: «*Указатель терминов, имен и объяснительных конструкций*». По своим функциям это прило-

жение аналогично самому первому – планам лекционных занятий. С одной стороны, словник позволяет быстро вспомнить содержание курса. С другой стороны, он является эффективным подспорьем при проведении экзамена. Преподаватель получает возможность легитимно и достаточно легко переходить от сюжета к сюжету. Еще важнее то, что он может самостоятельно выбирать, когда требовать от студента твердого знания понятий и имен и связанной с ними информации, а когда – переходить к свободному разговору, обсуждая, например, перспективы использования конкретной методологической конструкции в собственной исследовательской деятельности студента. Оказалось эффективным включение в состав этого указателя не только набора имен и понятий (определения которых могут быть найдены в учебниках и словарях¹), но и развернутых фраз. Необходимость быть готовым пояснить понимание такой конструкции подталкивает студента к более внимательному прочтению всего указателя. При этом, разумеется, преподаватель сам решает, использовать ли словник на экзамене и если да – то в каком объеме. В предлагаемом варианте Приложения 4 мой примерный экзаменационный вариант словника состоит из понятий и имен, набранных курсивом, и не включает в себя развернутых объяснительных конструкций.

Словник устроен следующим образом. Его основную часть составляют «Имена и понятия, важные для знакомства с содержанием отдельных блоков курса». Этот материал поделен на три части, соответствующие логикам «доказательности», «критики» и «герменевтики» в гуманитарном знании. Перед основным блоком помещена «Часть 1. Понятия и конструкции, значение которых полезно знать, для того что-

¹ Принципиально важно, чтобы преподаватель брал на себя ответственность за ту подборку словарей, учебников и энциклопедий, которыми разрешается пользоваться при подготовке к экзамену. Увы, слишком часты случаи, когда студент получает плохую оценку, потому что доверился учебному или справочному пособию, недостаточно качественному или написанному с существенно иных, чем у преподавателя позиций. Список пособий, рекомендованных в курсе, см. в Приложении 3. Я позволю себе повторить то очевидное требование, что преподаватель *обязан* знать пособия, рекомендованные им студентам для подготовки к экзаменам. Или допускать, что в них может быть сказано то, что он слышит от студентов на экзаменах.

бы начать читать курс лекций по МГЗ», включающая в себя «Словарные термины» и «Термины и объяснительные конструкции, значение которых полезно знать именно в словоупотреблении курса по МГЗ». Заключительный раздел словника составляют понятия и конструкции, резюмирующие отдельные позиции и идеологию концепции курса. Этот блок включает в себя подразделы: «Специфика гуманитарного знания», «Аппарат описания гуманитарной гносеологии», «Объяснительные конструкции» («Эксплицитное и имплицитное в гуманитарной методологии», «Топография гуманитарной гносеологии»).

Такое деление, с моей точки зрения, обусловлено дидактическими соображениями и является вполне функциональным. В то же время необходимо отметить, что с определенным разделом курса или с конкретной лекцией соотносится, разумеется, и терминология, встречающаяся в других блоках словника.

Наконец, пятое и последнее приложение является наименее объемным и практически не нуждается в комментариях. Это просто попытка еще раз в двух видах (таблицы и схемы) самым компактным образом представить логику истории гуманитарной гносеологии так, как она изложена в курсе лекций.

Приложение 1
ПЛАНЫ ЛЕКЦИОННЫХ ЗАНЯТИЙ

*Лекция 1. Начало XVII века:
создание идеологии организованного знания (науки)*

- Изменение в отношении к знанию в XVII веке. Образ знания как переинтерпретации традиции дополняется и вытесняется проектом создания нового знания; к содержательным критериям знания (соответствие религиозным догматам) добавляются формальные (убедительность, достигаемая очевидностью наблюдений и доказательств). В корпусе истины рядом с религией выделяется пространство организованного знания.

- Ф. Бэкон (1561 – 1626). Понятие «scientia» («знание») приобретает значение «наука» («организованное знание»). Критерии организованности: стандартизация получения нового знания, в частности путем выполнения определенной последовательности процедур и благодаря систематическому очищению от типичных заблуждений. Метод как то, что отделяет научное знание от ненаучного.

- Р. Декарт (1596 – 1650). Ужесточение правил организованности знания. «Cogito» – логика движения от несомненного, дедуктивно доказанного ядра (которым оказывается психологическая очевидность возможности сомневаться).

- Декартовские (картезианские) требования к построению знания: 1) постоянное сомнение по отношению к новому знанию; 2) ясность и очевидность; 3) доказательство как способ производства знания.

- Влияние Декарта на европейскую эстетику (гуманитарного) знания: 1) психологическая очевидность «когито» и акцентирование сознания как области, в которой интеллектуальная деятельность происходит в первую очередь; 2) рекомендация пред-допускать наличие «порядка» и организации в исследуемом предмете; 3) стремление минимизировать объяснение и считать математическое знание моделью знания вообще.

Реконструкция предпосылок, стоящих за декартовским образом качественного знания. Некоторые ключевые понятия классической гносеологии (теории познания)

- Следствия из теории методического сомнения: запрет некритически доверять впечатлениям, аксиомам, коллегам и авторитетам. Обязанность сомневаться в первом впечатлении и в понимании источников. **Методологическая дистанция** между: 1) данными и догадками и 2) объяснением. «Длина» и история преодоления методологической дистанции – критерий профессиональности ученого.

- Почему исследователи могут приходить к различным выводам? – в силу разнообразия подходов. Метод – средство сократить разнообразие. Древнегреческое (Парменид) противопоставление частных **мнений и истины (единственно правильного знания, независимого от позиций исследователя)**.

- Ключевые категории классической (XVII – XIX веков, разделяющей вышеприведенное понимание истины) европейской гносеологии: 1) подлежащий познанию, независимый от разных точек зрения на него, **Объект**; 2) осуществляющий исследование **Субъект**; 3) стремление найти единственно истинное объяснение, несмотря на недостатки и специфику исследовательской позиции – **Объективность**. Классические требования к теории познания: 1) близость (эффективных) исследовательских позиций друг к другу; 2) максимальная точность определения правил исследования с целью возможности повторения.

- Усложнение классической (в вышеописанном варианте – «предметной») стратегии исследования – интерес к тому, **по какому праву** исследователь приписывает себе возможность воссоздавать характеристики объекта. Признание того, что исследователя и объект связывает общая среда, общий контекст (например, божественный замысел или культура), заставляет отказываться от полной независимости предмета от наблюдателя; предметному интересу противостоит философский (рефлексивный). **Гуманитарное знание** пытается сбалансировать предметный и философский подходы; сравнительно равномерно занято воспроизведением объективной структуры исследуемого материала и прояснением его значимости для исследователя.

До начала XX века гуманитарная европейская мысль остается именно в этом пространстве решения проблем между предполагаемой объективностью объекта, желаемой объективностью знания и трудно преодолимой необъективностью исследователя.

Лекция 2. Теория знания в XVII веке

- **Когнитивный и социологический подходы** к изучению истории интеллектуальных конструкций.
- Образ жизни европейских интеллектуалов в начале Нового Времени (XVI – XVII вв.)
 - Сходство с предшествующим периодом: 1) социальное положение; 2) университетская система образования; 3) потребность в покровительстве; 4) христианское мировосприятие.
 - Изменения по сравнению с предшествующим периодом:
 - 1) раскол христианства и возрастание свободы принятия решений;
 - 2) появление альтернативности в политической жизни;
 - 3) изменения в образовательном процессе: а) использование бумаги, книгопечатание и их влияние на возросшую самостоятельность усвоения информации; б) иезуитские колледжи; в) появление параллельно с университетами системы академических кружков и интеллектуальной переписки.
- Характерные черты новоевропейских идеологий познания: стремление к объективности, методичности, коллективности и рациональности исследования.

Социальная физика –

программа математизации гуманитарного знания

- Примеры в области высокой философии: 1) геометрический аппарат дедуктивной этики Спинозы; 2) механистические модели человека (Гейлинкс), государства и языка (Гоббс).
- Примеры в области конкретного гуманитарного исследования:
 - 1) критическое источниковедение Мабийона; недоверие источникам;
 - 2) рационалистическая критика истории.
- Влияние социальной физики на рост количества гуманитарных исследований и их престижа.

Концепция Джамбаттиста Вико – попытка обосновать независимость гуманитарного знания от идеала дедуктивной доказательности точных наук

- Лейтмотив критики Декарта – недостаточность дедуктивного знания.
- Негативная критика: неспособность познания того, что не создано человеком. Психологичность декартовского критерия очевидности.
- Перевод негативной критики в плоскость поиска позитивных альтернатив: исследование при помощи аналогии (в пространстве реконструкции человеческих соображений и намерений).
- Следствия из предположений Вико о допустимости не только доказательного, но и **вероятного** знания; применимость этого способа познания по отношению к области человеческой деятельности:

Универсальность человеческой природы и проницаемость познавательных и описательных средств: языка, мыслей, рассказов о событиях.

Здравый смысл – способность непосредственно понимать значение высказываний и событий.

- Полезность идеи здравого смысла в гуманитарных науках: 1) возможность пренебречь недоступностью точного исследования, эксперимента и измерения; 2) возможность оправдать личную заинтересованность исследователя, значимость для него предмета. Вико как рупор идеи о важности для гуманитарных наук единой среды значений, связывающей субъекта и предмет исследования.

Непосредственные следствия гипотезы о здоровом смысле:

- Специальная наука о **свободном** поведении людей («**филология**» у Вико); основной ее метод – исследование текстов.
- Трудности интерпретации человеческого поведения; признание изменения человеческой природы во времени (историчность).
- Рекомендации Вико к форме гуманитарного познания: 1) аналогия и приведение примеров вместо дедукции; 2) интерес к истории и литературе – областям, в которых проявляется свободная человеческая воля, не подчиняющаяся жестким закономерностям; 3) активное использование метафор и риторики.

- Сопоставление векторов концепций Вико и Декарта. Несмотря на очевидное отторжение от социальной физики, Вико располагает свою теорию в пространстве представления об организованном, научном знании.

*Лекция 3. Эпоха Просвещения – начало сосуществования
эмпирико-скептической,
рационалистической и романтической традиций*

- Характерные черты гносеологии Просвещения: секуляризация профессионального знания; культ Разума в конкретных и в философских исследованиях, в практической жизни. Понимание Просвещения как критического прояснения знания и связанное с этим нарастание исследовательского недоверия материалу и понимание неодинаковости человеческого сознания.

Наиболее существенные для гуманитарного знания черты концепций **И. Гердера** (1744 – 1803) и **В. фон Гумбольдта** (1767 – 1835).

- Осознание Гердером неуниверсальности человеческой природы; попытка представить расовую характеристику как решающую для специфики тех или иных человеческих общностей или исторических периодов; значимость этой концепции для представлений эпохи романтизма о непознаваемом, но чрезвычайно влиятельном «**духе народа**».
- Осознание Гумбольдтом того, что устройство **языка** влияет на выражаемые мысли и предвеляет их содержание; невозможность абсолютно точного перевода и понимания.
- Концепции Гердера и Гумбольдта как свидетельство большей зрелости гуманитарного познания: готовность встретиться с фундаментальными трудностями при исследовании «чужого» сознания. Однако, осознавая эти проблемы, Гердер и Гумбольдт еще не сомневаются в возможности рационального гуманитарного исследования; классические проблемы гуманитарной гносеологии еще не сложились.

Воздействие кантовской революции в гносеологии на гуманитарное знание. Проблема возможности мышления и противопоставление морали и феноменального

Проблема **синтетических суждений**; неудовлетворительность к середине XVIII в. рационалистического и эмпирического вариантов решения этой проблемы. Элегантность и эффективность кантовской гипотезы об **априорных** (пространство, время, универсальные содержательные категории) **формах восприятия**. Отказ от истинности, но не от общезначимости.

Самые важные методологические следствия:

1) корректность познания; возможность познания **феноменов**; смещение акцента в область анализа теоретической формы объекта, а не его самого, начало восприятия методологии только как **регулятивной схемы**.

2) реабилитация **антиномий** (врожденных противоречий разума).

3) признание того, что ограниченность возможности познания может быть конструктивной.

4) следствия различения пространств феноменальной природы и ноуменальной морали. Возможность различных выводов из этой теории:

1) Кантовский проект изучения истории как наблюдаемого извне процесса, которому можно только приписывать план раскрытия во времени человеческой рациональности и использования индивидуальных человеческих страстей для реализации предполагаемого плана.

2) Соблазн исследовать сознание как «вещь в себе», как наиболее достоверную область познания.

Лекции 4 – 6. Понятие «классических стратегий» гуманитарного знания

Предыстория развития к началу XIX века

• Оформление в XVII веке идеала **организованного, общезначимого, проверяемого** знания, предполагающего **методическое** исследование и логически исходные категории **истины, субъекта и объекта**.

- Две степени критики идеала доказательного знания в гуманитарных сюжетах: 1) признание его невозможности и 2) попытка оправдать право на существование недоказательного знания.

- Гипотеза Вико: значение действий других людей может быть познано не потому, что оно может быть единственно таким. Оно может быть **приблизительно похожим** на то, что готов вчитать в него абстрактный исследователь.

Варианты отношения к подобным гипотезам:

1) Вернуться к **математическому идеалу** знания. Позитивистская программа с намерением устранять индивидуальность исследования, опираться только на «неопровержимо» установленные факты и на предельную детализацию исследовательской процедуры.

2) Гуманитарные программы: изначальная общность, **консубстанциальность предмета и исследователя** как гарантия возможности корректного познания.

а) **Умозрительная стратегия** (на примере Гегеля и Маркса), основанная на гипотезе о том, что и предмет, и исследователь суть ступени разворачивания законов.

б) Романтически-интуитивистская стратегия, намеревающаяся опровергнуть гипертрофию разума и реабилитировать интуицию как средство исследования.

3) Критико-релятивистская позиция по отношению к возможности убедительного гуманитарного знания, ее непопулярность в XIX веке.

Лекция 4. Умозрительная стратегия гуманитарного исследования

- Гегелевский вариант решения сформулированной Кантом «проблемы синтетических суждений» при помощи гипотезы о том, что **субъект и предикат любого суждения суть разные стадии разворачивания единой субстанции**.

- Реконструкция Б. Расселом («История Западной Философии», Новосибирск, 1994, т. 2, С. 219 – 225) гегелевского хода рассуждений при принятии предпосылки о том, что **знание возможно и оно должно быть логическим**. Установление взаимосвязи всего с **Единым** и уста-

новление признаков Единого (**интеллигибельность, необходимость развития, свобода**). Тогда Единое становится содержательно более определенным и его можно далее именовать **Абсолютным Духом**.

- Гегелевское понятие **диалектического противоречия** как продолжение кантовского намерения выйти за пределы формальной логики. Готовность Гегеля ради реабилитации познания принять, что диалектика распространяется не только на сознание, а противоречия имеют строго определенную логическую форму.

- Характерная для умозрительной стратегии преувеличенная уверенность в истине собственной точки зрения и **готовность ради логической последовательности и неопровержимости отказаться от использования внешних источников и данных, найденных коллегами**. Подозрительная схожесть посылок и выводов в умозрительных (спекулятивных, тавтологических, дискурсивно-философских) исследованиях и необходимость принимать метафизику, которая оправдывала бы умозрение как метод.

- Удобства философии Гегеля для гуманитарной методологии:

- 1) **Легитимация познания** благодаря презумпции **консубстанциальности** предмета и исследователя. Малоуязвимость для альтернативных данных и концепций, особенно при наличии таких амортизаторов, как **диалектические противоречия и исторически конкретная относительная рациональность** проявлений **Абсолютного Духа**.

- 2) **Историзм**: а) Возможность отказаться от «вещи в себе» и обосновать формирование априорных структур мышления историей саморазвития Абсолютного Духа. б) Как гарант и поле действия логических и диалектических законов история становится основным пространством их поиска и исследования. в) Этическое оправдание хода событий в меру необходимости соглашаться с тем, что «все действительное разумно, а все разумное – действительно».

Лекция 5. Позитивизм

- Открытость для внешнего материала и построений коллег. Стремление достичь общезначимости благодаря максимальной детализации исследовательской процедуры, предпочтение описанию и индукции.

- Социальные новации первой половины XIX века. Осознание возможности изменения политической системы, бытовой техникой прогресс, рост социальной мобильности и приход среднего класса (буржуазии) в науку, утверждение нерелигиозного – эмпирического и беспредпосылочного – мышления.

- Исследование «ножниц и клея». Представление Э. Дюркгейма (1858 – 1917) о правильном исследовании.

1) Организация материала: отбор **фактов** – единиц, значение которых **приблизительно** дано; 2) преодоление приблизительности – обнаружение за явлениями закономерностей, разоблачение ошибок и обманов источников, деконструкция обыденности и пристрастности субъективного исследователя; 3) реконструкция законоподобных формул.

- Недостатки позитивистской стратегии. 1) Некорректность доверия исследовательской способности регистрировать факты. 2) Отказ от исследования специфически гуманитарных проблем объяснения душевной деятельности и мотивов поведения. 3) Невозможность полностью устранить аксиомы и риторику, сохранение уверенности в рациональной организации вещей. 4) Позитивистское исследование оправдывается только в рамках представления о службе знания обществу. Таким образом, оно возможно лишь пока не приходится задумываться о его возможности.

- Привлекательность позитивистской научной этики. Окончательное профессиональное оформление гуманитарного знания: становление системы разделения труда и создания профессиональной идентичности путем практики исследовательских проектов, кодификации классической литературы и периодических изданий, объединения специалистов в ассоциации, гуманитарного образования.

Лекция 6. Интуитивистски-иррационалистическая стратегия

Иррационалистическая метафизика А. Шопенгауэра (1788 – 1860)

- Отказ от требования полной рациональной непротиворечивости в гегелевском варианте ответа на кантовскую проблему возможности мышления. Предположение о единстве иррациональной субстанции – Воли, Жизни.

- Реабилитация интуиции и интроспекции как средств гуманитарного исследования.

Методология В. Дильтея (1833 – 1911)

- Принятие оправдывающих стратегию метафизических аксиом: 1) заинтересованность Жизни в самопознании; 2) **Временность (темпоральность)** как главная характеристика Жизни и достаточность структуры времени для выяснения механизмов смыслонаделения.

- Первая фаза исследования – угадывание смысла творчества и поведения исследуемого лица при посредстве **вчувствования (эмпатии, сопереживания)**.

- Вторая фаза – контроль и сообщение коллегам своей интуиции. Способность к коммуникации и накоплению общезначимого знания.

- «Техника личной гениальности». Упражнения в ней возможны, поскольку и исследователь, и предмет существуют в единой среде Жизни, исторического опыта, пространства языка, в котором и возникают усваиваемые исследователем в личном опыте значения.

- Функционирование механизма герменевтической переинтерпретации: сиюминутные интересы оставляют полученное знание ограниченным, но позволяют лучше понять горизонты, с которых производилось познание, и приступить к новому циклу с более разработанных позиций.

Лекция 7. Неокантианство. Разработка понятия культуры как пространства взаимосвязанных ценностей

- Развитие кантовской позиции о **предопределенности структурой исследовательского сознания самой возможности и хода познания**. В отличие от классических стратегий неокантианцы осознают сложность исследования мира, «как он есть», и предполагают, что порядок привносится только исследующим субъектом.

- Возможности редуцировать субъективность: однозначность понятийного выражения (контекст обоснования) гипотезы и попытка разработать оптимальную (трансцендентально-субъективную, неподвластную условиям конкретной ситуации) методологию познания.

- Две школы неокантианства: **марбургская** (логическая) и **баденская** (психологическая). Представители баденской школы: **В. Виндельбанд** (1848 – 1915) и **Г. Риккерт** (1863 – 1936).

Центральное неокантианское понятие «ценностей» – исходных стандартов смыслополагания.

- **Культура** как совокупность явлений, приведенных исследователем в ценностное соотношение друг с другом. Культура как специфическое пространство гуманитарной деятельности.

- Первоначальное жесткое разделение культуры и природы (как привнесенного порядка и хаоса) заменяется осознанием наук о природе как частного варианта наук вообще – а именно, основанного на ценностях повторяемости и единообразия. Закон как специфический вид ценности.

- Неокантианская типология научных методов: **номотетический** («устанавливающий законы», генерализирующий, обобщающий) и **идиографический** («описывающий особое», индивидуализирующий).

- Разделение оценки (положительного или отрицательного отношения к явлению) и отнесения к ценности. Цель этого сопоставления – сократить произвольность исследования и достичь общезначимости. Неокантианская типология наук.

Лекция 8. Методология Макса Вебера (1864 – 1920)

Идеальный тип – ключевая категория методологии М. Вебера

- Понятность вместо эмпирической точности, **логическое усиление** одного аспекта в ущерб остальным. Идеальный тип – не методологический совет или норма исследования, а неизбежная (пусть даже не осознаваемая исследователем) модель, помогающая концептуализировать явление. Идеальный тип не воспроизводит эмпирические данные, но служит для сопоставления с ними и выявления собственной неточности и односторонности. Идеальный тип не является ни статистическим усреднением, ни теоретической попыткой установления структуры, смысла, сущности или ценности явления – скорее, он позволяет расставить акценты в собственном представлении о предмете и, предполагая свое дальнейшее опровержение и уточнение, соответствует картине знания, развивающегося путем критики и исправления собственных ошибок.

- Изучение индивидуальных поступков и их мотивации. **Понимающая социология** – соотнесение собственных представлений о цели

и средствах действия с представлениями деятелей. Понятие **социального** (ориентированного на других) **действия**.

- Типология социального действия: **целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное, аффективное**.

- Анализ именно социального действия – возможность отличить поддающееся сопоставлению (и способное быть предметом науки) поведение от непонимаемого. Обязанность фиксировать исследовательскую позицию.

Лекция 9. Прагматизм

Общая характеристика

- Нехарактерное для Европы сочетание элементов герменевтической (понимание познания как деятельности, причем зависящей от таких неинтеллектуальных параметров, как практика и исследовательская позиция; включенность наблюдателя) и позитивистской (сциентизм) стратегий.

- Определение содержания понятия из перспективы последствий практического применения его значения. Готовность вечно переопределять результаты, понимание философии как процесса. Истина как результат познавательных усилий.

Позитивистский прагматизм Ч. Пирса

- Интерес к закономерностям интеллектуального конструирования, создание семиотики как науки о соотношении фигурирующих в познании элементов. Предпочтение индукции, сохранение строгих требований рациональности и соответствия опыту, позитивистская стилистика.

- Отличие от позитивизма: осознание независимости истины от убедительности и полноты опыта. Возможное содержание знания – информация о будущих последствиях. Таким образом, Пирс размыкает исследовательское пространство, представляя гипотезу не как истинный или ложный результат исследования, но как промежуточную стадию, а успех эксперимента – не как доказательство истины гипотезы, но как ее способность и дальше определять мирозидение.

У. Джеймс. Представление прагматизма об области познания

- Вещи не даны, «как они есть», и не выдуманы целиком. Новая гипотеза о том, что есть специфическая форма знания о мире, – **данность в опыте**. Понятие «чистого опыта»: для Пирса – промежуточное пространство между бытием и смыслом; для Джеймса – **универсальная среда познавательного процесса** («непосредственный жизненный поток, представляющий материал для нашего последующего отражения»). Одинаковое качество знания о сознании и о внешних вещах; субъект-объектное отношение как познавательное отношение двух однородных порций чистого опыта – новое решение проблемы конгенитальности.

- Расширение пространства познания:

- 1) включение элементов, не поддающихся рациональным преобразованиям – желаний, ощущений, верований. Кантианская проблема познания того, что находится за пределами субъекта, становится проблемой придания рационально непротиворечивой формы той части собственного опыта, которая открыта для рационализации.

- 2) Развитие линии представления о познании как о методе; добавление характеристик самокорректировки и формулировка Дьюи о том, что истина как процесс постоянной верификации тождественна сомнению.

Прагматизм в середине XX века. Д. Дьюи

- Исследование – взаимное приспособление друг к другу организма и среды (в определении Рассела – та часть преобразований, которая целенаправленно проводится с миром представлений исследующего человеческого организма). В порядке перехода от проблематичной ситуации к неproblemатичной (а не «истинной», как уточняет Пирс) исследование – это деятельность по организации мира (Дьюи).

- Следствия из подобного понимания познания:

- 1) Сохранение объективности; истинность и ложность являются «субъективными» (на до-прагматистском языке) состояниями, но они оправданы как теоретические категории, поскольку обусловлены извне и характеризуют степень приспособления организма к среде.

2) Дальнейшее расширение понятия чистого опыта, включающего в себя заведомо не только сознание. Структура чистого опыта задается исследовательским намерением, определяющим порции – факты, предшествующие оформлению «идей» – планов вторжений в ситуацию; взаимосвязь факта и идеи как разных форм опыта обеспечивает их относительную согласованность. Распространение «опыта» на факторы, затрудняющие познание: негативные определения, парадоксы, инерцию.

- Если разум ценен не как созерцание вечной истины, не сам по себе, а для решения проблем (операциональность), то исследователь должен сопоставлять варианты, связанные с большим вмешательством в процесс наблюдения, с проектами, предполагающими минимальное вмешательство. Часто целесообразный подход состоит не в том, чтобы элиминировать себя из наблюдаемой ситуации, дабы понять ее в ее аутентичности, но в том, чтобы воздействовать на естественные условия, создавая возможности наиболее эффективного наблюдения.

Прагматистская этика и ее близость к идеалам минимального подавления альтернатив, плюрализма, ненасилия и политкорректности.

Лекция 10. Неопозитивизм

- Сложность изучения теории знания в XX веке: замутнение чистоты школ и зависимость нашего категориального аппарата от восходящей к началу XX века системы понятий. Целесообразность выделения полюса «аналитической» (неопозитивистской) программы.

- Преемственность по отношению к позитивизму: предпочтение достоверного (но уже не эмпирического или синтетического, а аналитического) знания; намерение искоренить предрассудки и логические ошибки ради достоверности.

- Ключевые имена логического позитивизма: Венский кружок, Львовско-варшавская школа, Берлинский кружок. Р. Карнап, М. Шлик, Г. Райхенбах, К. Гедель, А. Тарский, К. Айдукевич, К.Г. Гемпель. Два великих философа, симпатизировавших неопозитивизму и ставших авторами программных для неопозитивизма работ: Л. Витгенштейн (времен «Логико-философского трактата») и Б. Рассел.

- Неопозитивизм как реализация стремления к маленькому, но достоверному знанию:

- 1) Ограничение материала возможного знания корпусом уже обладающих значением **высказываний науки**, доступных для логического анализа.

- 2) **Верификация**: процесс разложения сложных высказываний науки на проверяемые суждения, в пределе – на однозначно истинные **протокольные предложения**. **Демаркация** (проведение границ между научным (верифицируемым) знанием и ненаучным).

- 3) Надежда выявить правила (синтаксис) идеального языка – научного и обыденного.

- Оптимизм раннего неопозитивизма: если ученые согласны в наблюдениях, они должны согласиться и в интерпретации.

Основные (логические, найденные самими неопозитивистами) **возражения** против неопозитивистской программы:

- 1) Тавтологическая теория не нужна.

- 2) Аксиомы не описываются непротиворечивым образом внутри системы (теорема Геделя).

- 3) Верифицируется всегда не отдельное суждение, но целая картина мира.

- 4) Значение понятия определяется его употреблением («Философские исследования» Витгенштейна).

- 5) **Нагруженность** любого высказывания **контекстом**: соседних научных высказываний, контекстом обыденного языка, метафизическим контекстом.

- Сомнения в пригодности неопозитивистской программы и попытки ее смягчения. Пример распространения неопозитивизма из области философии науки в конкретное гуманитарное знание (по статье: Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М., 1977. С. 37 – 71).

Лекция 11. Теория фальсификации Карла Поппера

- Усиление требований дедуктивной рациональности, однако при согласии с антипозитивистской критикой и с тезисом о том,

что предложения без метафизических убеждений невозможны, заставляет Поппера смягчить критерий ценности теории: отныне это количество не доказанных, а непровергнутых гипотез.

- Сохранение неопозитивистских положений: о различении контекстов открытия и обоснования, о проверке сопоставлением дедуктивных выводов из объясняющей гипотезы с эмпирическими наблюдениями (только уже не для верификации, а для фальсификации гипотезы). Теория демаркации: в принципе не поддающееся фальсификации знание считается ненаучным.

- Следствия из теории фальсификации:

- 1) исследователь должен стремиться не к поиску подтверждений своей гипотезы, а к выявлению условий, при которых он будет обязан от нее отказаться.

- 2) в силу отсутствия критериев истины (из-за чего мы никогда не можем быть уверены в том, что достигли ее), методология должна заниматься правилами не организации гипотез, а норм сравнения и предпочтения теорий друг другу; история науки (выдвинутых и отвергнутых гипотез) важнее ее содержания (корпуса гипотез, не отвергнутых на настоящий момент).

- Возражения против теории фальсификации: неокончателность опровержений; нефальсифицируемость самой теории фальсификации (сам Поппер отвечал на это, что нет такой необходимости, поскольку теория фальсификации является не моделью действительности, но методологическим регулятивом).

- Теория фальсификации сохраняет характерный для XX века критический пафос: знание развивается как опровержение и уточнение своего предыдущего состояния.

Лекция 12. Социология знания

- Подход, в котором предполагается изучение истории и состояния знания, исходя не из внутренней логики его развития, а из характеристик его приверженцев и социального контекста их жизни. Факторы социального, психологического и экзистенциального порядка.

- Элементарная форма социологии знания – конвенционализм (П. Дьюэ, А. Пуанкаре). Знание как плод свободного от почти всякой содержательной предопределенности договора компетентных профес-

сионалов. Разделение между «жестким ядром» и «периферией» (на «периферии» происходят научные споры, обеспечивающие сохранение «жесткого ядра»).

Две основных логики социологии знания: наблюдение за привычками и поведением профессиональных ученых и исследование влияния социальных и экзистенциальных факторов на возможность прибавления знания

Ричард Мертон и концепция «этоса науки» – нормативно-ценностной системы общественно компетентной интеллектуальной деятельности. Четыре главных характеристики: **универсализм, всеобщность, беспристрастность и заинтересованный скептицизм.**

Карл Манхейм и «внетеретические факторы знания». Различение искажений знания на уровне **обмана** (или заблуждений) и **идеологии (ноологии)**.

- Гносеологическая проблема учета исторической обусловленности знания.

- Понятие «стиля знания». Большое значение придается не столько особенностям содержания концепции, сколько ее **понятийному аппарату** (структуре, наличию и отсутствию понятий, их значению и пр.), лежащим в ее основе **моделям мышления, уровню абстракций, предпосланной онтологии** и т.п.

- Гносеологическая роль социологии знания – выяснение границ привлекательности концепций и возможность выхода на метаяровень, на котором происходил бы синтез противоположных точек зрения.

Томас Кун. «Структура научных революций»

- Концепция скачкообразной смены моделей знания. Некорректность нового (революционного) решения с точки зрения правил старого знания. Ученый меняет свою позицию, исходя не из теоретических аргументов (поскольку новое и старое решения исключают друг друга), а из внешних факторов (например, ценностного предпочтения простоте или оригинальности).

- Соотношение **научных революций** и периодов **рутинного решения головоломок**. **Парадигма**: образец решения научных задач; круг идей, исповедуемых научным сообществом. Гуманитарное знание находится на допарадигмальном этапе развития.

Послекуновская социология знания: исследование того, как ученый сменяет парадигму. Вслед за допущением, что усвоение теоретического предпочтения диктуется факторами, не имеющими прямого отношения к области профессиональной ответственности, и принятием факта обратной пропорции между конкретностью парадигмы и числом ее приверженцев могут быть сделаны два противоположных вывода:

1) о постоянном существовании более широких, чем парадигмы, научно-исследовательских программ (И. Лакатос) и, следовательно, о сохранении кумулятивного знания;

2) об относительности и, следовательно, иллюзорности исследовательского консенсуса (методология «anything goes» П. Фейерабенда).

Лекция 13. Интуитивистская (герменевтическая) стратегия гуманитарного исследования

Предварительные замечания:

1) интуитивизм (и базирующаяся на нем герменевтика) как наиболее разработанная альтернатива натуралистической программе знания.

2) необходимость разделять интуитивистские методологии и соответствующие им метафизики.

Понятие «герменевтики», грамматической и филологической (по Ф. Шлейермахеру). Оппозиция «понимания» и «объяснения». Цель герменевтики: реконструкция системы ценностей, в которой поступок исследуемого персонажа имеет смысл.

3) герменевтические методологии постоянно сопровождаются подходящими метафизическими системами, обосновывающими не строго рационалистические методы. Идеи о конгениальности исследователя и предмета, о значимости в познании факторов не логического, но экзистенциального плана.

См. также с. 236 – 237, «Интуитивистская стратегия в XIX веке».

Значение феноменологии Э. Гуссерля и экзистенциализма М. Хайдеггера для герменевтики XX века

- Концепция «жизненного мира» («Lebenswelt») – существующей системы представлений о языке и смыслах поведения. Право на обыденное знание (неизбежное ограничение, но и условие возможности исследования) и рекомендации по его разработке: рационалистическое прояснение и «эпохэ».

- Экзистенциализм о первичности «человеческих» контекстов любого знания; «исследование для исследователя» и связь этого тезиса с герменевтикой.

- «Язык – дом бытия» (М. Хайдеггер); оправдание герменевтики как искусства переводить одни языковые акты в другие.

Герменевтика Х.-Г. Гадамера

- Существуют не тексты и действия, но единая история, единая длящаяся традиция текстов.

- Отказ от иллюзий В. Дильтея о возможности преодоления индивидуальности познания. Заданность горизонта исследования временем и историей.

- «Герменевтический круг» – циклическая поэтапная интерпретация целого и частей.

- Предрассудки и традицию знания можно критиковать только из исторической перспективы. Нецелесообразность задачи воссоздать авторское понимание произведения – как в силу различия исторических горизонтов, так и в силу возможности более конструктивной интерпретации, чем та, на которую был способен сам автор.

- Два типа европейской рациональности: инструментально-позитивистский (аристотелевский) и риторико-антропологический (ориентированный не на доказательство, а на убеждение и на поддержание исторической и социальной идентичности личности и общества).

- Обусловленность гадамеровских соображений неспособностью создать программу достоверного исследования.

*Лекция 14. «Эра подозрения»***Основные этапы истории критической установки в методологии гуманитарного знания до начала XX века**

- Критика и сомнение как лейтмотив отношения исследователя к своему материалу: от критического источниковедения Ж. Мабийона к представлению Просвещения о лучшем понимании истории, чем у современников, и к кристаллизации у позитивистов методической процедуры «внешней» и «внутренней» критики.

- Философская критика возможности (гуманитарного) познания в XVIII в.: от скептицизма Юма к представлению Канта об априорных формах восприятия, феноменах и антиномиях. В. фон Гумбольдт – концепция языка, который не просто передает мысль или содержание, но и предопределяет их.

- Осознание роли субъективной составляющей исследования: от Вико до Дильтея, неокантианцев и Вебера.

Радикальная новизна «эры подозрения»: сомнение должно вызывать не то, что кажется в данных особенно противоречивым и необъяснимым, но, наоборот – то, что никаких трудностей объяснения не вызывает. За ухищрениями высокой культуры вообще и исследовательской логики в частности что-то прячется – скорее всего, что-то очень влиятельное, мало привлекательное и трудно доступное для исследования. «Эра подозрения» – термин Н. Саррот, характеризующий теории К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда.

Марксизм

- «Немецкая идеология», 1846. Искажение не обязательно является злонамеренным (и даже осознанным как искажение); порочным является не отдельное высказывание или рассуждение, но сразу весь корпус знания, направление выбора вопросов и тем более – выбора ответов.

- Если любое знание является идеологически ангажированным, предпочтение следует отдать тому, которое исторически восторжествовало (чему и стоит посвятить собственные усилия; «практика – критерий истины»). После того, как марксистская практика (сталинского неравенства и советской бедности) себя скомпрометировала, – попытка мо-

дернизации марксизма теоретиками Франкфуртской школы, гипотеза об инструментальном разуме и рассуждения о возможностях деидеологизации интеллекта.

Проект переоценки морали Ф. Ницше

- Историчность морали, критериев и определений «плохого» и «хорошего»: 1) оспаривание непосредственно христианской системы ценностей как последовательного способа смотреть на историю и культуру с позиции «большинства», «слабых», «заурядных»; 2) освоение навыка проблематизации и исторической критики положительных критериев собственной культуры.

- «Воля к власти» как еще одна универсальная основа действий и высказываний людей.

- Связь понятий «морали» (христианской) и «истины». Подчеркивая условность доказательств и их зависимость от принимаемых на веру якобы самоочевидных истин, Ницше охотно использует другие ресурсы убедительности (например, стилистику, экспрессию).

Психоанализ – стратегия, построенная спекулятивным способом и сочетающая черты позитивистской технологии с осознанием трудности гуманитарного исследования.

Конструкция Эдипова комплекса в работе З. Фрейда «Анализ фобии пятилетнего мальчика» (Фрейд З. Психология бессознательного: сборник произведений. М., 1989. С. 39 – 123).

- Представление о бессознательном как об арсенале образцов смыслонаделения. Взросление как переход от «принципа удовольствия» к «принципу реальности».

- Культура как область механизмов, компенсирующих разрыв между принципами удовольствия и реальности: стандарты, репрессии, идеализация и возможность сублимации. Идея декодирования культуры. Логика оправдания культуры как средства подавить негативное влечение к Танатосу.

- «Влечение» (Trieb) как категория, располагающаяся между сознанием и физиологическим инстинктом.

- Терапевтический критерий истинности психоанализа – успех излечения при осознании пациентом очевидности механики своего бессознательного.

Постфрейдистский психоанализ

- Неофрейдизм – цель социальной адаптации пациента без излишней философии.
- Теоретический психоанализ. К.Г. Юнг. Концепция коллективного бессознательного. Изучение мифов и понятие архетипа.
- Социально-критический психоанализ (фрейдомарксизм) – Э. Фромм, Г. Маркузе. Механизм обратной связи: социальные условия и интересы воспроизводят определенные типы психологических проблем и решений, способных в свою очередь переопределять социальные условия.

Основные достижения психоанализа, помимо возможности интерпретировать творчество и поведение через особенности психологического и сексуального опыта

- Включение концептов Желания и Смерти в проблематику объяснения смыслообразования. «Телесная укорененность разума».
- Использование бессознательного как «черного ящика», в котором переплавляются в поведение телесные требования и общекультурные значения. Понимание того, что нечто может скрываться даже за логичными и очевидными объяснениями, и готовность анализировать это нечто.
- Новый образ знания – терапия, избавление от болезни, мучающей на настоящий момент.

Лекция 15. Основные постулаты структуралистской программы. Клод Леви-Строс

- Лингвистика как образец науки: язык как среда отражения смысла, познание как реконструкция жесткой связи значений в системе. Все должно исследоваться как язык: сообщение, части которого обладают значением и должны рассматриваться во взаимосвязи.

- Онтологическая презумпция структурализма о том, что за свободой социального поведения скрываются безличные структуры. Методологические следствия: индальгенция на обобщения и осознание предопределенности в том числе и исследовательской деятельности.
- Структурализм как наследник позитивизма: стремление освободиться от метафизического предзнания, методика изолирования отдельных элементов предмета рассмотрения, готовность подражать точным наукам, установка на накопление данных и детальную точность описаний.
- Проблемы структурализма: необходимость разработки зависимости исследователя от определяющих его мышление структур, осознание некорректности «замыкания структуры внутри контекста». Перспективы постструктуралистской критики.

Лекция 16. Мишель Фуко (1926 – 1984)

- Структуралистские черты творчества М. Фуко. «Слова и вещи» («археология гуманитарного знания»). Каждая эпоха имеет свой, исторический, набор правил, в соответствии с которыми одни высказывания считаются научными и «в принципе возможными», а другие – нет. Понятие **эпистемы** – организующего принципа такого набора правил.
- Дискурсивный анализ. Структуралистское понятие дискурса – участок речи (например, тот, на протяжении которого развивается мысль). Фуко начинает понимать дискурс как смысл, развернутый в своей полноте и способный сам свидетельствовать о своих границах и противоречиях.
- Дискурс существует в создаваемой им самим системе координат, оправданий, условий и ограничений. Непроницаемость дискурсов друг для друга (пример с атеизмом и религиозностью).
- Критический методологический ансамбль: внимания заслуживает не то, как дискурс подтверждает свою законность, но то, где он проговаривается о своих ограничениях и о том, как подавлялись альтернативы утвердившегося смысла. Интерпретация – открытие за дискурсом другого, потаенного (например, за произведением – автора или за культурой – базиса) – способ оставаться в плену дискурсов.

- Плоскости сопоставления дискурсов и невозможность окончательного результата анализа и самоанализа.
- Недоверие к смыслу. Внимание к разрывности, а не к преемственности. Негативное построение текста и разоблачение собственных исследовательских результатов.
- Эволюция творчества М. Фуко: поиск универсальных схем смыслополагания – эпистем; разоблачение дискурсов как фантомов «воли к знанию» – конструкций (порядок, личность, структура...), позволяющих выдавать честность нашего желания познавать за критерий успешности познания; трактовка дискурса (смысла) как принудительности; исследование власти и понимание ее повсеместной природы. Экзистенциальный пафос творчества М. Фуко – «неудающееся освобождение».

Лекция 17. Постструктурализм

Неясность понятия и границ постструктурализма. Многие исследователи принадлежат к этой программе, лишь отчасти разделяя ее тезисы и ценности, совпадая с постструктурализмом в оценке интеллектуальной ситуации или же просто перенимая его риторику. Объединяющая до некоторой степени характеристика: самоосмысление по отношению к структурализму.

Релятивистская составляющая постструктурализма

- Исследовательское внимание перемещается с момента структурной организации предмета на то, что уклоняется от структурного описания (парадоксы, нарушения внутренней логики, внешние влияния, случайность и т.п.) Нормальное состояние структуры – поломанное (Делез – Гваттари).
- Внимание постструктурализма к факторам, сбивающим структуру: децентрация деятеля, прерывность объекта, опосредованность и преломленность исследовательских оптик (языка, логики, философии, психоанализа и т.п.).

- Концепция Желания у Ж. Лакана. Желание как последняя нередуцируемая сила, которая, собственно, и стоит за структурно данными объектами (вроде языка и бессознательного).
- Более частая постструктуралистская стратегия – говорить не о привлечении факторов, которые действуют неподконтрольно (Желание, случайность, прерывность), но о том, что предмет не может обладать самодостаточным, структурным, смыслом в силу того, что смысл входит в постоянно поворачивающиеся разными гранями и расширяющиеся контексты. «Размыкание структуры в контекст».
- Две приоритетные стратегии: текстовая (Ж. Деррида – «нет ничего вне текста») и политическая (Ж. Делез – «в сущности, все – это политика»; Р. Барт – историк литературы как буржуазного института, опасного своей псевдонейтральностью). «Язык власти и власть языка».
- Постструктурализм склонен представлять предмет как текст, значение которого производится читателем. И для текста, и для понимания, и для читателя существенны конфигурации властных отношений.
- Соответствие релятивистского содержания и неакадемического стиля постструктуралистских работ.

Экзистенциалистское наследие постструктурализма.

Левачество

- Предрасположенность секуляризованных интеллектуалов-гуманитариев к революционным настроениям (примыкая в целом к господствующим слоям, эта социальная группа в то же время является наиболее удаленной от материальных благ; исторически в европейских странах она формировалась в оппозиции к государственной власти). Факторы, способствовавшие революционной ориентации постструктурализма: характер французского экзистенциализма (и особенно Сартра), популярность в послевоенной Европе марксизма (вплоть до маоистских версий).
- Согласие постструктурализма со структурализмом в том, что субъект является лишь специфически европейской формой обманчивого единства культурного опыта, интересов власти и средств текстуального выражения. Несмотря на это, постструктурализм охотно борется с властью, даже понимая нереальность ее свержения и сводя свою борьбу

и свободу к попыткам сконструированного властью индивида осознавать, как именно его сконструировали и каким силам он подчиняется.

Эффективность постструктуралистской методологии

- Стремление найти некоторый промежуточный план исследования – между непосредственной данностью источников и «глубинными» объяснениями (бессознательное, классовое устройство, подлинный смысл в герменевтике, структурная система и т.п.).

Примеры:

- Анализ дискурсов – нежелание выявлять смысл текста сведением к классовой позиции или самоидентификации свободной личности. Работа на уровне означающего, а не означаемого; возможность исследовать форму и значение текста не по отдельности. Призыв выявлять за системой высказываний не их самодостаточную последовательность, но дискурсивную, логическую позицию, с которой были сделаны высказывания.

- Теории Бурдьё и Гидденса – попытка совместить субъективные и объективные составляющие человеческого действия (и его объяснения) на уровне габитуса или двойной структуризации: ради того чтобы найти промежуточный уровень, не тождественный ни свободным поступкам, ни детерминизму внешних структур. Индивидуальное целеполагание в пространстве диспозиций – институционально сложившихся конфигураций возможностей поведения (в меру их осознания и неосознания). Механизмы взаимовлияния неосознаваемых условий и непредсказуемых последствий действий.

- Интерпретативная антропология К. Гирца: исследователь должен объяснить, каким образом он, из рамок своей культуры, в которой возможны и сговор, и репетиция перед зеркалом, интерпретирует чье-то невинное или, наоборот, ставящее целью симулировать отсутствующий заговор помаргивание именно как «подмигивание» (*Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. СПб., 1997. С. 175).*

Коннотации постструктуралистского слова «текст»: 1) структуралистская или семиотическая, восходящая к позитивизму (текст как скрывающийся за хаосом порядок). По мнению Н.С. Автономовой, именно постструктуралисты в 1970-е годы осуществили радикализацию тексту-

ального подхода, начав рассматривать на дискурсивном уровне то, что для структуралистов еще существовало как первопричина (бессознательное у Лакана или социальное в раннем дискурсивном анализе); 2) герменевтическая (исследование как выявление замысла и послания автора текста); 3) постструктуралистская (текст как пересечение нескольких опознаваемых в ходе исследования способов видения).

- Постструктуралистский метод требует от ученого работать на уровне означающего, но не означаемого, при этом не просто констатировать недостижимость истины, а именно работать, предоставляя конкретные, убедительные и красивые разоблачения нелогичного и принудительного в предмете и исследователе. Недоверие к всеобъясняющим макроконцепциям сочетается в постструктурализме с позитивистским наследием детальной и эмпирической работы.

Антирепрезентационистская философия Ж. Деррида (1930 – 2004) и история литературы Р. Барта (1915 – 1979)

- Деконструкция Ж. Деррида – намерение радикального критического преобразования (а не разрушения) традиционной философии.
- Указание на то, что любому (традиционному) исследованию свойственна презумпция существования предмета исследования на самом деле, вне исследовательского отношения к нему. Фантом чистого созерцания.
- Отрицание самоидентичности вещей – она изначально затронута «différance» – различием (с другими вещами) и отсрочкой.
- Желание увидеть вещи, «как они есть», – понимание исследования как представления и склонность к поиску центров и первосубстанций. Онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризм.
- Грамматологический проект. «Письмо» – не знак подлежащего пониманию содержания, а дополнение, «след» «протосодержания» (которое не тождественно содержанию, т.к. недоступно). Культурные тексты не представляют или выражают значение, но замещают его.
- Форма деконструкции – не (метафизическая) система или метод. Скорее, это поиск нового жанра – комментирования, не опирающегося на четкие понятийные определения, и игры слов. Понимание несuverенности (собственного) текста, его несводимости к плану выра-

жения и представления – облегчение поиска в своих работах и в своем размышлении неосознававшихся раньше культурных потенций, катализатор внимания к форме, а не только к «посланию» текста.

- (Поздний) Р. Барт – важнейший популяризатор постструктурализма. Создание образцов постструктуралистской гуманитарной стилистики и кодификация и трансляция важнейших настроений: власть (буржуазии) утверждается путем того, что за нейтральный и нормальный выдается тот способ смыслоорганизации, который выгоден именно буржуазии; к собственным интерпретационным и разоблачительным построениям надо испытывать не менее острое недоверие, чем к чужим.

- Критика главных институтов литературы и литературоведения – функций автора (как обманчивого единства составителя литературного послания) и мимезиса (как стремления литературы восстановить некоторую фактическую или моральную реальность).

- Идеология «Анализа одной новеллы Эдгара По» – исследовать, не «кто говорит», а «что говорится». Идеологическая и культурно-историческая обусловленность текста существует достаточно независимо от автора и референции (предмета). Имеет место не созерцательное нейтральное чтение, но «чтение-письмо», каждый читатель наделяет читаемый текст своими значениями и интерпретациями. (Литературный) текст не данность, а процесс (мифологического) переозначивания.

- Установка на подозрение к тому, в чем тексту удалось нас убедить. «Эффект реальности».

- Максимум постструктуралистской познавательной программы: констатировать и выявлять причины, по которым мы видим смысл и законы того или иного послания именно так. Вновь: «Почему я ошибаюсь именно этим образом?».

Лекция 18. Постмодернизм

- **Введение.** Затруднения в определении постмодернизма:

1. Мнение о необходимости временной дистанции, для того чтобы можно было говорить о явлении. Неясное отношение «постмодерна» к «современности».
2. Разнородность составных частей.
3. Привычка постмодернизма к негативным определениям.
4. Отсутствие идеологии, терпимость и радикальный плюрализм делают поиск определения ненужным.

Данные оговорки – уже следствие определенного понимания постмодернизма.

Конструкция разных «радиусов» концепта «постмодернизм»

• Кластеры постмодернистской идеологии

1. **Американское деконструктивистское литературоведение** (П. де Ман, Дж. Миллер). Интерпретация текста – плод перемножения восприятий, возникающих в едином интертекстуальном пространстве (текст рассказывает «историю аллегорий своего непонимания»¹).

2. **Французская постмодернистская философия** (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Делез, Ф. Гваттари). Кризисы и дифференциация XX века привели к разрушению «метанарративов» (универсальных и всеоправдывающих способов описания действительности и поведения). Знание все чаще становится критическим (сопоставлением маленьких концепций). Репрезентация чаще дается в негативной форме (отрицанием, намеком...).

• Постмодернистская «чувствительность»

Несводимость постмодернизма к кластерам постмодернистской идеологии. Пространство постмодернистской чувствительности (эстетики). Взаимовлияние науки и стилистики при постмодернизме: отчаявшаяся в поиске истинного смысла наука имеет право быть свободной и красивой, а переставшее оправдывать высшие смыслы искусство должно не воспроизводиться по принятым правилам, а в каждом произведении устанавливать и осознавать для себя новые.

¹ *De Man P.* Blindness and insight: Essays in the rhetoric of contemporary criticism. – N.Y., 1971. p. 136. Цит. по: *Ильин И.П.* Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М., 1996. С. 186.

**Примерный каталог характеристик
постмодернистской чувствительности:**

1. Ирония – недоверие предлагаемым смыслам (в том числе и тем, в которые соглашаешься верить сам).
2. Бесплодность. «Правило мертвой руки». Отношение к чужому наследию: всеядность, терпимость, плюрализм.
Цитатность, пастиш, множественное кодирование (пример: «Имя Розы» У. Эко и «Возвращение Мартина Герра» Н.З. Дэвис).
3. Положительное и трезвое отношение к кризису старой культуры.

Постмодернизм (идеология) и постмодерн (ситуация)

I. Логические трудности

1. Соотношение современности и постмодерна: а) продолжение модерна («радикальный модерн»); б) разрыв с модерном; в) начало новой эры.
2. Когда понятие «постмодерн» употребляют в расширительном смысле, одни имеют в виду действительно все общество, а другие – только его постмодерную часть. Примеры неправильного употребления понятия «постмодернизм», взаимные обвинения интуитивизма и сциентизма.

II. Постмодерные...

1. **общество.** Постиндустриальное – информационное и бесклассовое. Бесконфликтное – всеобщая принадлежность к массовой культуре и высокая степень свободы индивида. При мультикультурности и множестве мелких идентичностей нет потребности в их иерархии и в воспроизводстве основополагающих, серьезных мифов о себе.

2. **наука.**

«Слабая форма» – пора критического очищения. Показать, как содержание предыдущих (или даже современных) научных концепций находится в зависимости от формы их выражения, от условий языка, власти и культуры. Разоблачительный пафос постмодерной науки: оттеснить господствующий дискурс (мужской, западноевропейский, буржуазный...) при помощи маргинальных дискурсов.

«Сильная форма» – безответственная наука: из относительности критериев научности делается вывод об их ненужности.

Заключение. Неслучайность постмодернизма: в плане социологии знания возросла индивидуальная свобода; в плане внутренней логики развития знания накопилась критическая масса разоблачений. Возможное переопределение представлений о науке и обществе.

Приложение 2
ПЛАНЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

1. Представления о методологии гуманитарного исследования в первой половине XIX века: В. фон Гумбольдт

Цель занятия: на материале статьи В. фон Гумбольдта «О задаче историка» наметить язык разговора о методологической рефлексии, присутствующей в различных гуманитарных концепциях. Предполагается поставить под вопрос наполнение понятия «гуманитарное знание», проследить соотношение между этим смыслом и способами его выражения в тексте начала XIX в. и в современном разговоре об этом тексте. В частности, следует уделить особенное внимание представлениям Гумбольдта о степени желаемой и достижимой «точности» и «истинности» гуманитарного знания, с учетом того, что суждения на эту тему делаются из перспективы вполне (или не вполне) определенных выборов и предпочтений современного читателя.

Основной текст к семинару:

Гумбольдт В. фон. О задаче историка // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 292 – 306.

Литература к семинару:

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 58 – 69, 109 – 122, 164 – 168.

Вопросы к семинару:

- Гумбольдт о возможности сопоставлять работу историка и художника. Основные сходства и отличия.
- Понимание Гумбольдтом «истины» и следствия из этого понимания для работы историка.

- Какие еще категории (помимо «истины») входят в словарь статьи Гумбольдта?
- Чего ожидает Гумбольдт от своих читателей, каким их симпатиям или предпочтениям хочет угодить?
- Насколько целесообразно или нецелесообразно начинать отсчет истории европейского гуманитарного знания именно с Гумбольдта?

2. Позитивизм. Конкретизация индуктивной научной процедуры в ущерб метафизическим постановкам вопросов

Цель занятия: показать функционирование позитивистского идеала научного знания. Процедуру получения знания пытаются максимально детализировать, для того чтобы результаты, доступные пошаговой перепроверке, гарантированно признавались бы научным сообществом. Следует задуматься о границах применения позитивистского подхода, о том классе проблем, который сопротивляется позитивистскому изучению, и о других возможных возражениях против позитивистской программы.

Основной текст к семинару:

Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 82 – 87, 112 – 120, 214 – 217, 278 – 282.

Дополнительный текст к семинару:

Дюркгейм Э. Метод социологии. Гл. II (в издании М., 1991; С. 421 – 447).

Литература:

Коллингвуд Р. Дж. Позитивизм // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 121 – 128.

Вопросы к семинару:

- Что является предметом деятельности историка? Понятия «факта» и «документа». Соответствующие им аналоги в других гуманитарных науках кроме истории.

- Понятия внешней и внутренней критики у Ланглуа и Сеньобоса. Проблема опосредованности истинной информации о факте. Преодоление опосредованности.
- На какого рода вопросы может ответить историческое знание, если понимать его, как Ланглуа и Сеньобос? Какие постановки вопросов будут некорректными? Как выглядят цели исторической науки?
- Соответствует ли текст «Введения в изучение истории» тем требованиям, которые позитивисты предъявляют к научным текстам?
- Особенности изложения информации в позитивистском гуманитарном исследовании. Стилистика «Введения в изучение истории».

*3. Гегелевское решение вопроса о возможности познания
отождествлением исследователя и предмета
как исторических проявлений Абсолютного Духа-Разума*

Цель занятия: показать, каким образом может строиться теоретическая концепция, основанная на принятии единственной внеэмпирической аксиомы. Принципиальным является то, что подобная концепция, если она построена с соблюдением определенных приемов (например, при помощи диалектической риторики), может быть совершенно самодостаточной, успешно отклоняющей критику со стороны эмпирических данных или альтернативных теорий; кроме того, логически монополизируя истину, спекулятивный текст удовлетворяет распространенным экзистенциальным требованиям практикующих гуманитариев. Необходимо отметить, что в той или иной мере спекулятивная составляющая входит в любую концепцию антропологического содержания.

Основной текст к семинару:

Гегель Г.В.Ф. Введение // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 57 – 125.

Литература к семинару:

Коллингвуд Р. Дж. Гегель. Гегель и Маркс // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 109 – 122.

Рассел Б. Гегель // Рассел Б. История западной философии. Т. 2. Новосибирск, 1994. С. 219 – 232.

Дополнительная литература к семинару:

Ильенков Э.В. Логика и диалектика. Диалектика как логика // Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984. С. 55 – 79, 109 – 139.
Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993.

Вопросы к семинару:

- Представления Гегеля о соотношении логического и эмпирического, умозрительно-априорного и конкретного (в мире событий и в его мыслительной реконструкции).
- Место разума в организации мира. Следствия идеи о стремлении духа к самоосвобождению для событийной истории человечества, для осознания учеными руководящих ими этических требований и для решения вопроса о познаваемости истории человечества.
- Диалектика как метод исследования (в частности – исторического). Констатация противоречий как утверждение предположения о необходимости их сосуществования внутри универсальной схемы.
- Представления Гегеля об историческом изменении. Моральные рекомендации, следующие из гегелевской теории. Определение Гегелем идеи развития – направленность, имманентность и осмысленность, внутренняя противоречивость. Историческое развитие как форма существования явлений.
- Место субъективной воли индивидуумов в историческом процессе.
- Государство как предмет исторического изучения. Попытка свести в единый конструкт все сферы сознания и все формы человеческой деятельности. Государство как цель и наивысшая форма существования морали и индивидуума.

4. Интуитивистский подход в гуманитарном исследовании

Концепция Дильтея должна представить еще одну (наряду со спекулятивной дедукцией и методическим эмпиризмом позитивистских теорий) составляющую гуманитарного знания – доверие собственной интуиции. Дабы легитимировать оное, разрабатывается соответ-

ствующая онтология механизма познания и мира в целом. Полезно обратить внимание на развитие некоторых характерных общих мест гуманитарного знания (язык, «понимание», темпоральность и т.д.), а также на то, что романтическая составляющая знания необходимо дополняется другими стратегиями.

Основной текст к семинару:

Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135 – 152.

Литература к семинару:

Калиниченко В.В., Огурцов А.П. Методология гуманитарных наук в трудах Вильгельма Дильтея // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 128 – 134.

Коллингвуд Р. Дж. Дильтей // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 164 – 168.

Рассел Б. Шопенгауэр // Рассел Б. История западной философии. Т. 2. Новосибирск, 1994. С. 239 – 244.

Вопросы к семинару:

- Возникновение виталистического подхода в методологии гуманитарного знания.
 - а) Сохранение гегелевской идеи о единстве познаваемого (и познающего), но отказ от аксиомы непротиворечивости. «Воля» Шопенгауэра как новая самодостаточная субстанция любых, в том числе и познавательных процессов.
 - б) Общие черты техники интроспекции.
 - в) Этика знания в волюнтаризме. Пессимизм Шопенгауэра и оптимизм Ницше. Свобода индивида от предметности объекта и от научного общества на фоне романтического престижа индивидуализма.
 - Дильтеевская философия понимания.
 - а) Позитивистская составляющая дильтеевской мысли: обоснование общезначимости понимания и гипотеза о непосредственной данности переживаний.
 - б) Процедура понимания у Дильтея.
 - в) Понятия переживания, выражения и ценности.
 - г) Границы понимания в философии Дильтея.

5. Неокантианство. Разработка пространства взаимосвязанных культурных ценностей как корректной сферы деятельности гуманитария

Цель занятия: проследить, как влияет на методологию гуманитарного знания осознание того, что субъективная составляющая играет большую роль в исследовании. Следует обратить внимание на то, как неокантианская теория ценностей может быть проиллюстрирована примерами работы других методологических стратегий, в частности – позитивистской. Особое значение приобретает неокантианская концепция «культуры» как пространства взаимосвязи смыслов, частично снимающего угрозу полной произвольности индивидуального смыслополагания. Разработки неокантианцев в области типологии наук и специфики исследовательских методов стали одной из отправных точек для науковедения XX века.

Основной текст к семинару:

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. М., 1995. С. 69 – 103.

Литература к семинару:

Коллингвуд Р. Дж. Научная история. Германия // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 158 – 175.

Вопросы к семинару:

- Ключевые категории текста Риккерта.
- Неокантианское решение проблемы о возможности гуманитарного знания: «ценность» и «система ценностей» как необходимая предпосылка отбора и организации материала и как гарантия intersubjectивного понимания:
 - 1) принципы индивидуализирующего описания феноменов;
 - 2) разделение «оценки» и «отнесения к ценности».
- Неокантианское понимание «культуры».
- Каковы были предпосылки Вашего собственного исследования (например, дипломной работы в рамках Вашего первого гуманитарного образования) при разграничении важного и неважного, в аспекте представлений об истине и достоверности и т.п.?

- Риккертское неокантианство на фоне других стратегий гуманитарного знания – умозрительного идеализма, позитивизма, герменевтики, теоретического релятивизма.

6. Макс Вебер. Пример синтеза различных исследовательских стратегий и соответствующего теоретического осмысления

Цель занятия: рассмотреть на примере произведений М. Вебера сочетание различных стратегий гуманитарного знания. Особое внимание уделяется пониманию того, что требования, предъявляемые к исследовательскому процессу – заведомо недостижимые методологические императивы; подобный подход сопровождается этикой героического научного фатализма. Следует обратить внимание на важную черту веберовской стратегии познания: готовность принимать культурно-историческую ограниченность исследователя в качестве конструктивной составляющей его творчества. Особого анализа заслуживает техника веберовского исследования; в частности – процедура образования идеальных типов, которую можно проследить на примере формулировки шкалы социальных действий.

Основные тексты к семинару:

Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 345 – 414 (= другой перевод) Вебер М. Объективность познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век. М., 1995. С. 557 – 603).

Вебер М. О некоторых категориях в понимающей социологии (§§ 1 – 2) // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 495 – 506.

Дополнительные тексты к семинару:

Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 602 – 643.

Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 707 – 735.

Литература к семинару:

Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. М., 1991. С. 28 – 79, 108 – 116.

Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология. М., 1998. С. 70 – 82.

Ионин Л.Г. Вебер // Современная западная философия. Словарь. М., 1998. С. 66 – 70.

Перлов А.М. Идеальный тип // Современная западная философия. Словарь. М., 1998. С. 159 – 160.

Вопросы к семинару:

- Предмет познания для М. Вебера. Принцип методического номинализма.
- Ограничение-заострение-усиление как методическое средство веберовского познания (см. образование идеальных типов). Историческое и логическое в идеальном типе. Техника последовательного сопоставления материала с корректируемым идеальным типом. Применение метода идеальных типов на материале социального действия.
- Пожалуйста, сформулируйте в письменном виде идеальные типы двух или более явлений или конструкций, существенных для Вашего исследования.
- Трансформация в творчестве Вебера неокантианского понятия ценности как составляющей научного исследования. Этические взгляды М. Вебера.

*7. Логика релятивистского (прагматистского) сомнения
в корреспондентной теории истины*

Цель занятия: на материале текста Р. Рорти проследить, каким образом понимание истины определяет эстетику и методологию интеллектуальной деятельности, расстановку приоритетов и узловых пунктов в истории философии и т.д. Следует обратить внимание на трансформацию, которую претерпевает традиционная западная дихотомия «обнаруженного» и «сконструированного», если она оказывается поставленной в перспективу прагматистской гносеологии.

Основной текст к семинару:

Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. М., 1997. С. 11 – 44.

Вопросы к семинару:

- На каких примерах Рорти исследует границу между категориями «найденного» и «сделанного»?
- В какой мере, по мнению Рорти, моральные принципы являются продуктами исторической условности и могут быть изменены готовностью общества заключить по их поводу новое соглашение?
- Что думает Рорти об «истинности» своей собственной позиции?
- Насколько, с точки зрения Рорти, уместно придерживаться дихотомии «найденное»/«сделанное» в рамках прагматистского подхода? Почему?
- Имеет ли затронутая Рорти проблематика какое-либо отношение к предмету Ваших исследований? Почему?

*8. Гуманитарная гносеология середины XX века
между аналитическим (неопозитивизм)
и герменевтическим полюсами*

Цель занятия: продемонстрировать, в какой степени авторы различных программ гуманитарного исследования считают необходимым подчиняться требованиям дедуктивной доказательности и общезначимости знания. Полезно обратить внимание на то, что сомнение в возможности и убедительности аналитических методов ведет как к различным вариантам ослабления критериев научного знания, так и к формулировке предложений из репертуара интуитивистской методологии. Еще одним выходом становятся попытки сбалансировать критические и герменевтические подходы в различных теориях, предполагающих коммуникативное, социальное конструирование значения и диалогическую модель гносеологии. Одним из важных сюжетов семинара является характеристика стандартных гуманитарных клише, обнаруживаемых в текстах к занятию.

Основной текст к семинару:

Шюц А. Понятие и формирование теории в социальных науках // Современная зарубежная социология (70 – 90-е годы). М., 1993. С. 84 – 103 (= Шюц А. Понятие и формирование теории в социальных науках // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 481 – 496 = Шюц А. Понятие и формирование теории в социальных науках // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 51 – 68).

Дополнительные тексты к семинару:

Дискуссия Поппера и Адорно о логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 65 – 86.

Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М., 1977. С. 37 – 71.

Рикер П. Герменевтика и структурализм // Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. С. 37 – 94.

Вопросы к семинару:

- Логика статьи Шюца.
- Как выглядят аргументы сторонников доказательного знания в гуманитарных (общественных) науках? (Теория охватывающих законов Гемпеля и варианты ее ослабления, структуралисты у Рикера).
- Критика объективистских взглядов со стороны приверженцев самодостаточного гуманитарного знания (Дрей, Шюц, Рикер).
- Целесообразность, возможности и границы достижения объективности (контролируемой индивидуальности) в концепциях Дрея, Шюца и Рикера. Обыденное знание и научное мышление в теории Шюца. «Теория рационального объяснения» Дрея и ее связь с понимающей социологией.
- Центральное место понятия «социального действия» в исследовательском аппарате наук о человеке и обществе.

9. Социология знания: идея зависимости содержания знания от некогнитивных факторов и некумулятивность развития науки

Цель занятия: познакомиться с логикой социологии знания, с желанием объяснить, как содержание знания может быть обусловлено внешними причинами некогнитивного порядка – психологическими, экзистенциальными, социальными. При этом ограниченность горизонта исследователя предстает как конструктивный фактор, определяющий отправной пункт его рассуждений и обуславливающий оригинальность его позиции. На примере текстов Т. Куна и К. Манхейма можно проследить как эмпирико-описательную, так и теоретико-гносеологическую ориентацию в социологии знания. Отдельного внимания заслуживает вопрос о схожести социологических параметров гуманитарного и естественнонаучного знания.

Тексты к семинару (один на выбор):

Кун Т. Дополнение 1969 года // Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 227 – 273.

Манхейм К. Социология знания // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 219 – 261.

Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 572 – 616.

Вопросы к семинару:

- Возникновение и смысл социологического объяснения эволюции знания. Критические и объяснительные потенции гипотезы о том, что содержание знания меняется под воздействием некогнитивных причин.
- Типология некогнитивных факторов: варианты психологического, экзистенциального и социологического объяснения.
- Понятие «стиля» в социологии знания Манхейма. Термины, при помощи которых стиль знания и мышления может быть описан.
- Представления Манхейма об объективной истине и о перспективах развития науки.
- Куновская теория некумулятивного развития науки. Связь понятий парадигмы и научного сообщества.

- Причины смены парадигмы (из перспективы научного сообщества и с точки зрения индивида) в концепции Куна.
- Как Вы охарактеризовали бы научное сообщество, к которому Вы принадлежите, или то, где Вы учились или учитесь?

*10. Развитие философии науки и социологии науки в XX веке:
понимание невозможности поступательно накапливать
доказательное знание*

Цель занятия: рассмотреть, как (нео)позитивистский идеал научности, не выдержав возражений о контекстной и метафизической нагруженности любых процедур аналитической трансформации, отступает перед логикой критического приращения знания. Согласно варианту К. Поппера, пытающегося оставаться в рамках когнитивной аргументации, достоверным может быть не подтверждение, но лишь опровержение теоретических конструкций. Таким образом, знание может развиваться исключительно путем разоблачения собственной неизбежной ошибочности. Альтернативную логику представляет Т. Адорно, в русле социологии знания настаивающий на том, что предмет гуманитарного познания – общество – предопределяет и искажает логику собственного изучения и что поэтому попперовское представление о «независимости» научного метода утопично. Для лучшего уяснения позиций Поппера и Адорно полезно вспомнить и о неопозитивистской программе (так, как она фигурировала, например, у критикуемого А. Шюцем Э. Нагеля), поскольку и Поппер, и Адорно критикуют неопозитивистов, и о логике социологии знания (хотя позиция Адорно существенно радикальнее, чем, например, Манхейма или Куна).

Основной текст к семинару:

Дискуссия Поппера и Адорно о логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 65 – 86.

Литература к семинару:

Современная западная философия. Словарь. М., 1998. (Статьи «Аналитическая философия» (С. 18 – 23), «Неопозитивизм» (С. 283 – 284),

«Поппер» (С. 322 – 323), «Постпозитивизм» (С. 327 – 330), «Социология знания» (С. 391 – 392), «Философия науки» (С. 439 – 441)).

Вопросы к семинару:

- Неопозитивистский идеал маленького, но доказательно достоверного знания. Успехи и поражения неопозитивизма.
- Представления Поппера об истине.
- Теория фаллибилизма. Процедура фальсификации, критерии предпочтения одной теории другой.
- Критическая стратегия Поппера как идея приращивать знание путем разоблачения его оснований. Гипотезы о когнитивных и некогнитивных факторах изменения содержания знания.
- Логика основных возражений Адорно против тезисов Поппера. Специфика взглядов Адорно по сравнению с «нейтральной» социологией знания Куна или Манхейма.

11. Структурализм: пример исследовательской программы, успешно сочетающей научные и философские амбиции

Цель занятия: дать общую характеристику структурализма, обратить внимание на связь его научных и гносеологических предписаний с философско-этическими претензиями. Не в ущерб самодостаточности структуралистской методологии должна быть показана ее связь с позитивистской традицией, с тем, как решающее значение в достижении знания отводится точному соблюдению рекомендаций определенной технической процедуры. Особого внимания заслуживает логическая ангажированность структурализма. Еще одним сюжетом семинара является точка зрения П. Рикера на структурализм.

Основные тексты к семинару:

Леви-Строс К. Понятие структуры в этнологии // Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 241 – 285 (=Леви-Строс К. Понятие структуры в этнологии // Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001. С. 285 – 334).

Рикер П. Герменевтика и структурализм // Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. С. 37 – 94.

Литература к семинару:

Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1977.

Вопросы к семинару:

- Понятие структуры у Леви-Строса.
- Онтологическая гипотеза и методологические предписания леви-стросовского структурализма. Близость французского структурализма и позитивизма.
- Французский структурализм как наука и философия.
- Специфика понимания структурализма П. Рикером. Смыслы «знака» и «времени» в рикеровской трактовке структурализма и его задач.

12. Соотношение герменевтических и аналитических программ во второй половине XX века. П. Рикер

Цель занятия: на материале работы П. Рикера выявить, каким образом он понимает соотношение структурализма, который в его концепции продолжает традиции рационалистической гуманитарной методологии, и герменевтики, реабилитирующей в исследовательском процессе включенного в историческое время наблюдателя. Особого внимания заслуживает попытка Рикера интегрировать структурализм в процедуру герменевтического истолкования на правах рационализирующей и верифицируемой инструментальной фазы исследования. Представляется целесообразным обратить внимание на рассуждения Рикера о зависимости выбора методологии от типа исследуемых источников.

Основной текст к семинару:

Рикер П. Герменевтика и структурализм // Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. С. 37 – 94.

Литература к семинару:

Хэлд Д. Интересы, знание и действие (К критической методологии Юргена Хабермаса) // Современная социальная теория. Новосибирск, 1995. С. 85 – 109.

Вопросы к семинару:

- Структурализм в описании Рикера: исторические корни, понятие, границы использования.
- Категория времени и историческое знание в структурализме и в рикеровской герменевтике.
- Представления Рикера о соотношении науки (структурализма) и герменевтики.
- Французский структурализм как наука и философия.

13. Анализ дискурсов: методика и история

Цель занятия: на материале статьи П. Серио познакомиться с основными характеристиками анализа дискурсов – оптики, отказывающейся от позиции субъекта как хозяина смысла своих высказываний. В этих условиях текст (дискурс), специфическим образом «забывающий» об условиях своего порождения, воспроизводства и функционирования и в то же время «проговаривающийся» о них, конструирует своего носителя и вступает в сложные отношения с другими дискурсами. Особое внимание предполагается уделить определению понятий «дискурс» и «идеология», выяснению предпосылок об устройстве лингвистической и социальной реальности, которые стоят за намерением применять анализ дискурсов, а также соотношению анализа дискурсов с наиболее близкими философскими и методологическими программами, в частности – с марксизмом, психоанализом, позитивизмом, структурализмом и постструктурализмом.

Основной текст к семинару:

Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 12 – 33.

Вопросы к семинару:

- Основные категории анализа дискурсов в статье П. Серио. Задачи и методы анализа дискурсов.
- Понятия «анализ», «идеология» и «дискурс». Значение определения этих понятий для осуществления анализа дискурсов.

- Контекст анализа дискурсов. Имена, школы и социальные тенденции, которые кажутся П. Серио значимыми для оформления исследовательской программы анализа дискурсов. Исследовательские альтернативы, от которых теоретики анализа дискурсов считают необходимым отмежеваться.
- Перспективы применения анализа дискурсов в лингвистике и в других областях гуманитарного знания.
- Социологические и эпистемологические гипотезы, стоящие за программой анализа дискурсов.

14. Методологическая программа М. Фуко: разоблачение формы, содержания и возможности собственной мысли

Цель занятия: исследовать причины привлекательности концепции М. Фуко, по возможности реконструируя логику, аксиоматику и задачи его рассуждений. Должна быть обсуждена тематика определения места Фуко в истории гуманитарного знания. Особого внимания заслуживает язык, который развивает Фуко для анализа интересующего его предмета – интеллектуальных (дискурсивных) конструкций.

Основной текст к семинару:

Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 49 – 96.

Дополнительные тексты к семинару:

Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 7 – 40, 177 – 207.

Фуко М. Что такое автор // Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 9 – 46.

Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-логос. М., 1991. № 1. С. 284 – 311.

Литература к семинару:

Ильин И.П. Мишель Фуко – историк безумия, сексуальности и власти //

Ильин И.П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М., 1996. С. 51 – 94.

Подорога В.А. Власть и познание (археологический поиск М. Фуко) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М., 1989. С. 206 – 251.

Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 25 – 29.

Вопросы к семинару:

- Порядок «Порядка дискурса». Логика развития мысли Фуко (ответ на этот вопрос целесообразно готовить в письменной форме, в виде развернутого плана-конспекта).
- Фуко и структурализм.
- Отрицание самоидентичности и логика прерывности в «Археологии знания».
- Насколько, с Вашей точки зрения, М. Фуко является оригинальным и влиятельным мыслителем в пространстве гуманитарного знания второй половины XX века?

15. Гуманитарное знание второй половины XX века: попытки постструктуралистской социологии преодолеть субъектно-объектную дихотомию

Цель занятия: проследить за тем, как раскрываются в современных социологических концепциях некоторые основные проблемы антропологического знания. В качестве центрального предстает вопрос о соотношении в человеческом поведении субъективного целеполагания и объективных социальных структур. Следует обратить внимание на то, каким образом эта постановка вопроса предопределяет ответ на него: интериоризация внешних условий и незапланированное превращение в таковые продуктов интенциональных действий. Не менее ясна и логика дальнейшего развития концепций – разработка деталей взаимодействий между индивидами. Исследуется проблематика интерсубъективности – как применительно к взаимоотношениям объектов наблюдения, так и между персонажами и исследователем: в зависимости от предпосылок собственной теории каждый автор приходит к своему пониманию баланса между аналитическими и герменевтическими процедурами. Целостность

предлагаемых концепций позволяет уделить внимание еще нескольким сюжетам: этическим аспектам социологических теорий, характерной эклектичности современных гуманитарных концепций, идеям о терапевтической и эмансипационной функциях социальных наук.

Тексты к семинару:

Бурдьё П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория. Новосибирск, 1995. С. 16 – 39.

Гидденс Э. Элементы теории структуриации // Современная социальная теория. Новосибирск, 1995. С. 40 – 80.

Хэлл Д. Интересы, знание и действие (к критической методологии Юргена Хабермаса) // Современная социальная теория. Новосибирск, 1995. С. 81 – 109.

Дополнительные тексты к семинару:

Луман Н. Изменение парадигмы в системной теории // Современная зарубежная социология (70 – 90-е годы). М., 1993. С. 196 – 210.

Литература к семинару:

Западная теоретическая социология. СПб., 1996. С. 260 – 276.

Вопросы к семинару:

- Понимание объективизма и субъективизма в социальных науках у Гидденса, Бурдьё и Хабермаса.
- «Габитус» Бурдьё и «механизм причинных петель» Гидденса: содержание и функции теоретических конструктов.
- Механика межиндивидуального существования.
- Гарантии, условия и границы интересубъективности – социальный мир и взаимоотношения исследователя и объекта.
- Этика и эстетика Бурдьё, Гидденса и Хабермаса. Представление о функциях социологии.

16. Гуманитарное знание в ситуации постмодерна

Цель занятия: попытаться структурировать представления о постмодернизме и постмодерне, научиться предупреждать основ-

ные ошибки и трудности, возникающие из-за возможности употреблять эти термины в разных значениях. Наряду с демонстрацией возможности логических и хронологических ошибок следует подчеркнуть, насколько широкий круг объектов может обозначаться при помощи слова «постмодерн». Особую специфику ситуации придает возможность включения в нее не-постмодернистских по своей идеологии культурных и социальных явлений; с другой стороны, постмодернизм неотделим от прошлого, с которым он «играет». Большое значение уделяется обсуждению тех трансформаций, которые, в соответствии с постмодернистской точкой зрения, происходят с «истиной», «наукой» и «общественной пользой».

Тексты к семинару:

Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ad Marginem '93. М., 1994. С. 303 – 322.

Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. № 1. С. 109 – 136.

Дополнительные тексты к семинару:

Рорти Р. Упадок искупительной истины и подъем литературной культуры (Доклад в ИФРАН в июне 2002 года – www.aperlov.narod.ru/rortyisk.doc).

Дополнительная литература:

Ильин И.П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М., 1996.

Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. М., 1998.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.

Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.

Вопросы к семинару:

- Как изменяется, с точки зрения Лиотара, организация знания во второй половине XX века? Каким образом эти трансформации связаны с изменением представлений об искусстве и его возможных функциях?
- Специфика подходов к определению постмодернизма в различных сферах культуры и отраслях гуманитарного знания (по В. Вельшу).

- Понятие «искупительной истины» в тексте Р. Рорти и специфика ее исторических форм (в особенности – философской). Составляющие и признаки кризиса искупительной истины (факторы эволюции от философии к литературе).
- Как можно охарактеризовать текст Рорти с точки зрения его философской, культурной и политической принадлежности? Является ли Рорти постмодернистом, и согласно какому из определений «постмодернизма» Рорти к нему принадлежит?

Приложение 3
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
к курсу по методологии гуманитарного знания.
Список электронных ресурсов
(включая сайт: www.aperlov.narod.ru)

*Учебные пособия и словари по философии и методологии
гуманитарного знания*

- История философии. Запад – Россия – Восток: в 4 кн. Кн. 3. Философия XIX – XX в. / под ред. Н.В. Мотрошиловой и А.М. Руткевича. – М.: Греко-латин. каб. Ю.А. Шичалина, 1998. – 444 с.
- История философии. Запад – Россия – Восток: в 4 кн. Кн. 3. Философия XX в. / под ред. Н.В. Мотрошиловой и А.М. Руткевича. – М.: Греко-латин. каб. Ю.А. Шичалина, 2000. – 446 с.
- Коллингвуд Р. Дж. Идея истории // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – С. 5 – 320.
- Коплстон Ф. История философии. XX век. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. – 269 с.
- Кохановский В.П. Философия и методология науки. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 576 с.
- Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2000.
- Рассел Б. История западной философии: в 2 т. Т. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1994. – 400 с.
- Реале Дж. Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. Т. 3. Новое время (От Леонардо до Канта). – ТОО ТК «Петрополис», СПб., 1996. – 712 с.
- Реале Дж. Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. Т. 4. От романтизма до наших дней. – ТОО ТК «Петрополис», СПб., 1997. – 880 с.
- Скирбекк Г., Гилье Н. История философии. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 798 с.

- Современная западная философия: Словарь / сост. и отв. ред. В.С. Малахов, В.П. Филатов. – М.: ТОН – Остожье, 1998. – 544 с.
- Философия и методология науки / отв. ред. В.И. Купцов. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 550 с.
- Философия науки. Хрестоматия / отв. ред.-сост. Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция и др., 2005. – 992 с.
- Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – М.: «Советская энциклопедия», 1989. – 815 с.

*Работы, являющиеся примером «классических» текстов
по истории философии и методологии гуманитарного знания*

«Первоисточники» (XVII – XIX века)

- Вико Джб. Введение // Вико Джб. Основания Новой Науки об общей природе наций. М., 1994. С. 72 – 120. (2¹)
- Гегель Г.В.Ф. Введение // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 57 – 125. (4)
- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с. (3, 6)
- в особенности:*
- Гумбольдт В. фон. О задаче историка // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985. – С. 292 – 306.
- Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Разыскание истины. СПб., 2000. С. 63 – 128. (1)
- Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1999. – 591 с. (3)
- Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «VIA», 1993. – 240 с. (3)

Неокантианство (7). Методология М. Вебера (8). Прагматизм (9)

- Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.

в особенности:

¹ Число в скобках после библиографической записи указывает номера лекций, для изучения которых упоминаемая работа может быть особенно полезна.

- Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 495 – 546.
- Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 345 – 414 (= Вебер М. Объективность познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век. – М., 1995. – С. 557 – 603).
- Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 602 – 643.
- Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 707 – 735.
- Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. – 192 с. (9)
- Кассирер Э. Логика наук о культуре // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 7 – 155.
- Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. М., 1995. С. 69 – 103.
- Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. М., 1997. С. 11 – 44. (9)
- Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997. – 320 с. (9, 18)

**Проблематика позитивизма (5), неопозитивизма (10)
и фальсификационизма (11)**

- Аналитическая философия: избранные тексты / сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф. Грязнова. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 181 с.
- Аналитическая философия: становление и развитие / общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова. – М.: «Дом интеллектуальной книги», «Прогресс – Традиция», 1998. – 528 с.
- Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – 612 с.
- Гемпель К.Г. Логика объяснения. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. – 240 с.
- Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М., 1977. С. 37 – 71.

(см. переиздание: *Философия и методология истории*. Благовещенск: Гуманитарный колледж им. Б.де Куртене, 2000). (10, 13)

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1990. – 575 с. (5)

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. – М.: Мысль, 1994. – 399 с. (5)

Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. – М.: Изд-во Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. – 305 с. (5)

Никифоров А.Л. Философия науки: история и методология. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 280 с. (10 – 12)

От логического позитивизма к постпозитивизму. Хрестоматия / сост. Л.А. Боброва; отв. ред. А.И. Панченко. – М.: НИИВО – ИНИОН, 1993. – 215 с. (10 – 12)

Поппер К. Нищета историцизма. – М.: Прогресс-ВИА, 1993. – 185 с. (4, 11, 14)

Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: УРСС, 2002. – 381 с. (11)

Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. (4, 11, 14)

в особенности:

Поппер К. Факты, нормы и истина: дальнейшая критика релятивизма // Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. – М., 1992. – С. 441 – 473.

Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия / сост., пер., вступ. ст., ввод. замеч. и коммент. А.А. Печенкина. – М.: Логос, 1996 – 400 с.

Тэн И. Философия искусства. – М.: Республика, 1996. – 351 с. (5)

Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии. – М.: Русское феноменологическое общество, 1995. – 107 с.

в особенности:

Уинч П. Природа осмысленного поведения // Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии. – М., 1995. – С. 31 – 48.

Уинч П. Социальные исследования как наука // Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии. – М., 1995. – С. 51 – 70.

Философия языка / ред.-сост. Дж.Р. Сёрл. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.

Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / сост. Д. Г. Лахути [и др.]; пер. с англ. Д.Г. Лахути; общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 461 с. (11)

Социология знания (12)

Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых. – М.: Прогресс, 1987. – 267 с.

Дискуссия Поппера и Адорно о логике социальных наук // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 65 – 86.

Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2001. – 605 с.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Изд-во «Медиум», 1995. – 235 с.

Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.

Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 543 с.

Фейерабенд П. Против методологического принуждения: Очерк анархистской теории познания, Благовещенск: Гуманитарный колледж им. Б. де Куртене, 1998. – 352 с.

Философская герменевтика, феноменология, понимающая социология (6, 13). Психоанализ (14)

Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.361 – 373, 409 – 412.

Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы. – СПб.: Лениздат, 1992. – 400 с. (14)

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – М.: Московский философский фонд, 1995. – 322 с. (13, 17)

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с. (6, 13)

- Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Издательство «Агентство САГУНА», 1994. – 357 с. (13)
- Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. – 1988. – № 4. – С. 135 – 152. (6, 13)
- Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Изд-во «Медиум», 1995. – 415 с. (13, 15)
- Трельч Э. Историзм и его проблемы: Логические проблемы философии истории. – М.: Юрист, 1994. – 719 с.
- Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика // Фрейд З. Психология бессознательного: сборник произведений. – М., 1989. – С. 39 – 123.
- Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М.: Наука, 1989. – 455 с. (14)
- Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Изд. фирма «Ad Marginem», 1997. – 451 с. (13)
- Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1054 с.

в особенности:

- Шюц А. Понятие и формирование теории в социальных науках // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М., 2004. – С. 51 – 68.
- (= Шюц А. Понятие и формирование теории в социальных науках // Современная зарубежная социология (70 – 90-е годы). – М., 1993. – С. 84 – 103. = Шюц А. Понятие и формирование теории в социальных науках // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С. 481 – 496).
- Юнг К.-Г. Архетип и символ. – М.: Реннесанс, 1991. – 304 с. (14)

**Структурализм. Формальные и структурные методы
в лингвистике и литературоведении, структурный, структурно-
функциональный и «структурационный» подходы в антропологии
и социологии (15, 17)**

- Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики: (Краткий очерк). – М.: Просвещение, 1966. – 300 с.
- Барт Р. S/Z. – М.: УРСС, 2001. – 230 с.
- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.

- Бурдые П. Практический смысл. – СПб., М.: Алетейя: Институт экспериментальной социологии, 2001. – 562 с.
- Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. – М.: Академический проект, 2003. – 525 с. (17)
- Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416 с. (15, 16)
- Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
- Малиновский Б. Научная теория культуры. – М.: О.Г.И., 1999. – 205 с.
- Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 270 с.
- Пропп В.Я. Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни сказки. – М.: Лабиринт, 1998. – 511 с.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 414 с.
- Серио П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе, 1920 – 30-е гг. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 354 с.
- Структурализм: за и против / отв. ред. Е. Я. Басин, М. Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – 468 с.
- Французская семиотика от структурализма к постструктурализму / сост. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – 536 с.
- Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. – СПб.: Петрополис, 1998. – 430 с.
- Якобсон Р. Избранные работы по лингвистике. Благовещенск: Гуманитарный колледж им. Б. де Куртене, 1998. – 448 с.

Релятивистский постструктурализм и постмодернизм (16 – 18)

- Барт Р. Camera lucida: Комментарий к фотографии. – М.: Издательство «Ad Marginem», 1997. – 223 с.
- Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 511 с.

- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
- Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. – 557 с.
- Делез Ж. Логика смысла; Фуко М. *Theatrum philosophorum*. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
- Деррида Ж. О грамматики. – М.: Издательство «Ad Marginem», 2000. – 511 с.
- Интенциональность и текстуальность / сост. Е.А. Найман, В.А.Суровцев. – Томск: Издательство «Водолей», 1998. – 320 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ежегодник Ad Marginem '93. – М., 1994. – С. 303 – 322 (= Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ступени. Философский журнал. – 1994. – № 2).
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – СПб.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя, 1998. – 159 с.
- Нанси Ж.-Л. *Corpus*. – М.: Издательство «Ad Marginem», 1999. – 255 с.
- Слотердаик П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. – 583 с.
- Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – 527 с.
- Фуко М. Археология знания. – СПб.: Гуманитарная академия, 2004. – 412 с. (16)
- Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Магистериум: Изд. дом «Касталь», 1996. – 446 с. (16)
- Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад: АОЗТ «Талисман», 1994. – 405 с. (16)

*Работы, дающие представление о состоянии теории
в различных областях гуманитарного знания*

Обзорные и учебные тексты

- Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 1999. – 272 с.
- Баландые Ж. Политическая антропология. – М.: Научный мир, 2001. – 201 с.

- Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. – М.: АО «Аспект-пресс», 1995. – 285 с.
- Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. – М.: Научный мир, 2003. – 391 с.
- Западная теоретическая социология. – СПб.: Ольга, 1996. – 286 с.
- Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 426 с.
- История теоретической социологии: в 4 т. – М.: Канон+, 1995 – 1997 – СПб.: РГХИ, 2000.
- Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 2003. – 485 с.
- Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. – М.: Ключ-С, 1999. – 187 с.
- Компаньон А. Демон теории: литература и здравый смысл. – М.: Изд-во им. Сабашниковых – SEU, 2001. – 333 с.
- Коркюф Ф. Новые социологии. – СПб. Институт экспериментальной социологии: Алетейя, 2002. – 179 с.
- Савельева И.М. Полетаев А.В. История и время: В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры: Кошелев, 1997. – 796 с.
- Савельева И.М. Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история: в 2 т. – СПб.: Наука, 2003 – 2006.
- Тёрнер Д. Структура социологической теории. – М.: Прогресс, 1985. – 471 с.
- Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ: в 2 т. Т. 1: Теория. – М.: Прогресс: Изд. группа «Прогресс-литера»: Изд-во агентства «Яхт-смен», 1997. – 575 с.
- Шульц Д., Шульц С.Э. История современной психологии. – СПб.: Изд-во «Евразия», 1998. – 528 с.
- Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Академкнига: Добро-совет, 1998. – 595 с.

Хрестоматии, антологии и словари

- Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренкова. – М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. – 560 с.

- Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – 896 с.
- Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – 674 с.
- Культурология. XX век. Словарь / гл. ред. сост. и авт. проекта С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 630 с.
- Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. / редкол.: Ж.М. Арутюнова, В.Н. Басилов, И.С. Вдовина и др.; Гл. ред. сост. и авт. проекта С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга; Алетейя, 1998.
- Лапланш Ж., Понталис Ж-Б. Словарь по психоанализу. – М.: Высшая школа, 1996. – 623 с.
- Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: АГРАФ, 1999. – 384 с.
- Современная западная социология: Словарь / сост. Ю.Н. Давыдов, М.С. Ковалева, А.Ф. Филиппов. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
- Современная зарубежная социология (70 – 80-е гг.) / редкол.: Н.Л. Полякова (отв. ред.), Л.В. Гирко (сост). – М.: НИИВО; ИНИОН, 1993. – 210 с.
- Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас / Сост., перевод и вступ. ст. А.В. Леденёвой. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. – 120 с.
- Современное зарубежное литературоведение. Энциклопедический справочник / науч. ред. и сост. И.П. Ильин, Е.А. Цурганова. – М.: Интрада – ИНИОН, 1996. – 317 с.
- Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе / отв. ред. Н.А. Шматко. – М.: Практика; Институт экспериментальной социологии, 2005. – 304 с.
- Философия и методология истории. – М.: Прогресс, 1977. – 336 с. (= Благовещенск: Гуманитарный колледж им. Б. де Куртене, 2000. – 332 с.).

*Дополнительная литература по истории философии
и методологии гуманитарного знания*

Обоснование права философии на существование

- Боттон де А. Утешение философией. – М.: ООО Издательский дом

«София», 2004. – 336 с.

Нагель Т. Что все это значит?: Очень краткое введение в философию. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 84 с.

Пассмор Дж. Философское рассуждение // Путь. – 1995. – № 8. – С. 3 – 120.

Поппер К. Как я понимаю философию // Поппер К. Все люди философы. – М., 2003. – С. 9 – 22.

Уайтхед А.Н. Приключения идей // Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. – М., 1990. – С. 389 – 702.

Обзорные и учебные работы

Андерсон П. Размышления о западном марксизме: На путях исторического материализма. – М.: Интер-Версо, 1991. – 267 с.

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М.: Прогресс: Универс, 1993. – 606 с.

Боррадори Дж. Американский философ: Беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, МакИнтайром, Куном. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 202 с.

Введение в историю и философию науки / под ред. С.А. Лебедева. – М.: Академический Проект Культура, 2005. – 407 с.

Власть: Очерки современной политической философии Запада / отв. ред. В.В. Мшвениерадзе. – М.: Наука, 1989. – 328 с.

Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. – М.: Политиздат, 1991. – 366 с. (7, 8)

Гудков Л.Д. Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. – М.: Русина, 1994. – 429 с. (7, 8)

Ильенков Э.В. О предмете логики. Мышление как атрибут субстанции. Логика и диалектика. Принцип построения логики. Дуализм или монизм? Диалектика как логика // Ильенков Э.В. Диалектическая логика. – М., 1984. – С. 11 – 139. (1, 3, 4)

Копосов Н.Е. Как думают историки. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 326 с.

Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек: критика социальных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 245 с.

- Койре А. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 272 с.
- Кузнецова Н.И. Наука в ее истории (методологические проблемы). – М.: Наука, 1982. – 127 с.
- Мамардашвили М.К. Картезианские размышления (январь 1981 года). – М.: Прогресс, 1999. – 350 с.
- Останина О.А. Проблема субъективного в историческом познании. – М.: Прометей, 1997. – 234 с.
- Пассмор Дж. Сто лет философии. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 492 с.
- Прист С. Теории сознания. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 288 с.
- Уолцер М. Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX века. – М.: Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 360 с.
- Философия: притворись ее знатоком. – СПб.: Амфора, 2001. – 94 с.
- Хьюбшер А. Мыслители нашего времени: Справочник по философии Запада XX в. – М.: Изд-во ЦТР МГП ВОС, 1994. – 308 с.
- Юлина Н.С. Очерки по философии США в XX веке. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 300 с. (9)

Проблематика современного/модерного и постсовременного общества.

- Башляр Г. О природе рационализма // Башляр Г. Новый рационализм. – М., 1987. – С. 284 – 324.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 324 с.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004. – 783 с.
- Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. – М., 1996. – С. 15 – 65.
- Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. – 1992 – № 1. – С. 109 – 136.

- Делез Ж. Гваттари Ф. Что такое философия? М: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998 – 288 с.
- Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.
- Ильин И.П. Постмодернизм: словарь. – М.: Intrada, 2001. – 384 с.
- Ильин И.П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 255 с.
- Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
- Козловски П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997. – 238 с.
- Массовая культура: современные западные исследования / отв. ред. и предисл. В.В. Зверевой. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. – 339 с.
- Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 631 с.
- Постмодернизм: Энциклопедия / сост. и науч. ред. А.А.Грицанов, М.А.Можейко. – Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – 1037 с.
- Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
- Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – 361 с.
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – 414 с.
- Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетическое и психогенетическое исследование. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 330 с.

Подборки философских ресурсов в Интернете

<http://www.philosophy.ru/library/library.html> – библиотека Института Философии РАН

<http://yanko.lib.ru/gum.html> – библиотека Славы Янко с хорошей подборкой ресурсов по философии, культурологии, различным отраслям гуманитарного знания.

<http://ihtik.lib.ru/philosoph/index.html> – одна из высококачественных полнотекстовых подборок (при этом тексты, как правило, скачиваются в виде архивов).

<http://www.earlham.edu/~peters/philinks.htm> – Сводный каталог философских ресурсов, который, к сожалению, прекратил обновляться в 2003 году, но на тот момент являлся идеальным.

<http://plato.stanford.edu/> – Стэнфордская энциклопедия философии.

<http://www.utm.edu/research/iep/> – Интернет-энциклопедия философии.

<http://www.rsuh.ru/section.html?id=121> – электронная версия издания РГГУ «Orbis humanitatis: книжный минимум гуманитария 2002 год».

А также более «молодые» адреса, направленность сбора философской литературы на которых, возможно, будет меняться:

<http://www.elenakosilova.narod.ru/uhref.html>

<http://www.livejournal.com/users/labazov/112810.html>

<http://labazov.livejournal.com/2488.html>

http://community.livejournal.com/ru_philosophy/483420.html

<http://phenomen.ru/catalog/>

<http://pi.neo-lit.ru/>

<http://www.deja-vu4.narod.ru/library.html>

Более подробный и своевременный каталог Интернет-ссылок также должен присутствовать на сайте www.aperlov.narod.ru.

Список текстов и Power-point презентаций, содержащихся на сайте: www.aperlov.narod.ru (состояние: январь 2007 года)

Тексты к семинарским занятиям:

Гумбольдт В. [О задаче историка](#)

Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. [Введение в изучение истории](#) (отдельные страницы)

Коллингвуд Р. Дж. [Идея истории](#) (отдельные параграфы)

Дюркгейм Э. [Метод социологии, 2 глава](#)

Блок М. [Апология истории](#)

Дильтей В. [Наброски к критике исторического разума](#)

Гегель Г. В. Ф. [Философия истории. Введение](#)

- Риккерт Г. [Науки о природе и науки о культуре](#)
Вебер М. [Объективность социально-научного и социально-политического познания](#)
Вебер М. [Основные социологические понятия](#)
Вебер М. [Наука как призвание и профессия](#)
Шюц А. [Формирование понятия и теории в общественных науках](#)
Рикер П. [Герменевтика и структурализм](#)
Кун Т. [Дополнение 1969 года к «Структуре научных революций»](#)
Манхейм К. [Социология знания](#)
Рорти Р. [Найденное и сделанное](#)
Фуко М. [Порядок дискурса](#)

Power point – презентации 2004 – 2006 годов (отчасти пересекающиеся с курсом по философии науки для аспирантов гуманитарных специальностей РГГУ)

- [Логика представлений об истине](#) (Философия, 02.12.2004).
[Оптическая метафора гуманитарного знания](#) (МГЗ, 16.02.2006)
[Гуманитарная гносеология в XVII – XVIII вв.: оформление исходных логических моделей](#) (МГЗ, 20.02.2006).
[Программа «доказательного» знания в гносеологии и типология ее критики](#) (Философия, 22.02.2005).
[Гуманитарная гносеология между полюсами доказательности и релятивизма](#) (Философия, 01.03.2005).
[Классические стратегии гуманитарного знания](#) (МГЗ, 27.02.2006).
[Неокантианство и М. Вебер](#) (МГЗ, 10.03.2005).
[Гуманитарная гносеология первой половины XX века: от неопозитивизма к герменевтике](#) (МГЗ, 16.03.2006).
[Структурализм и постструктурализм](#) (МГЗ, 23.03.2006)
[Фуко](#) (МГЗ, 06.04.2006)
[Постмодернизм](#) (МГЗ, 13.04.2006)

Приложение 4
УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ, ИМЕН И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ к курсу лекций «История науки:
введение в методологию гуманитарного знания»

*Часть 1. Понятия и конструкции, значение которых полезно
знать, для того чтобы начать читать курс лекций по МГЗ*

Словарные термины

абстрактность
аксиома
аутентичность
гносеология
имплицитно
концептуализация
метауровень
метафизика
обыденный и научный (терминов) язык
онтология
рационализация
редуцировать
релятивизм
рефлексия
риторика
смыслонаделение
сциентизм
теология
типология
черный ящик
экзистенциальное
эксплицитно
эксплицитное содержание и имплицитная гносеология
эпистемология
этика

Термины и объяснительные конструкции, значение которых полезно знать именно в словоупотреблении курса по МГЗ

данные

заинтересованность

интеллектуальные стратегии

истина (как теоретическая реконструкция независимого от наблюдателя положения дел и как регулятивный идеал методологии)

«карта гуманитарного знания» (и умение узнавать на ней «координаты» различных исследователей, в том числе и свои собственные)

когерентность

когнитивный и социологический подходы

легитимация знания

полюс математизации (предметного) знания

метод

методологическая дистанция

объяснительная (теоретическая) модель – реконструкция

организация знания

регулятивная схема

содержательные и эстетические характеристики знания

Часть 2. Имена и понятия, важные для знакомства с содержанием отдельных блоков курса

Первый блок:**логика научности и доказательности в гуманитарном знании**

Бэкон (Bacon F.)

дедукция

Гейлинкс (Geulincx A.)

Гоббс (Hobbes T.)

Декарт (Descartes R.)

индукция

картезианство

когито

Мабийон (Mabillon J.)

механицизм

наука (= организованное, методическое знание)

основные категории описания исходной новоевропейской гносеологической модели:

объект

субъект

субъективное (≠ индивидуальное)

истина

объективность

методологическая дистанция

презумпция

Ранке (Ranke L.)

секуляризация

социальная физика

суждение (синтетические и аналитические, субъект, предикат)

схоластика

эксперимент

эмпирическое

беспредпосылочность

верификация

деиндивидуализация исследования

детализация исследовательской процедуры

Дюркгейм (Durkheim E.)

институционализация науки

Конт (Comte A.)

натурализм

ассоциируемые с позитивизмом новации в отношении исследователя

к источнику:

не-наивная работа с источником (внимание не только к тому, что само бросается в глаза, и не только к тому, что отвечает на заранее поставленный вопрос)

недоверие, критическое, «допросительское» отношение позитивистов к своим источникам в поисках «фактов»

«сознательное отношение» к технологии исследования (техника конспектирования, ведение карточек, составление предварительного вопросника, принцип постоянного перераспределения знания)

факт

фактографизм

Гегель (Hegel G.F.W.)

диалектика

интеллигибельность

Маркс (Marx K.)

отчуждение

панлогизм

силлогизм

спекуляция (умозрение)

тавтология

аналитическая программа

верификация

верифицируемость

Витгенштейн (Wittgenstein L.)

Гёдель (Gödel K.)

Гемпель (Hempel C.G.)

демаркация

идеальный синтаксис научного языка

Карнап (Carnap R.)

нагруженность высказывания контекстом (метафизическим, теоретическим и т.п.)

натуралистический полюс, натуралистическая модель в гуманитарном знании

неопозитивизм = третий позитивизм = логический позитивизм

«охватывающих законов» теория

Поппер (Popper K.R.)

протокольные предложения

Рассел (Russell B.)

теория фальсификации = фаллибилизм = фальсификационизм

фальсификация

коммуникация (обмен)

Леви-Строс (Lévi-Strausse C.)

модель

означаемое и означающее

язык и речь

Соссюр (Saussure F.)

структура (у Леви-Строса) как система жестким образом взаимосвязанных элементов и как модель преобразований

Второй блок: логика (гносеологической, культурной, социальной, антропологической) критики и релятивизм в гуманитарном знании

априорные формы восприятия (и мышления)

Кант (Kant I.)

Юм (Hume D.)

различные (корреспондентные, когерентные, прагматические) теории истины

дихотомия «найденного» и «сделанного».

баденская (психологическая) школа неокантианства

Вебер М. (Weber M.)

Виндельбанд (Windelband W.)

идеальный тип

идеографический («описывающий особенное», индивидуализирующий)

метод

контекст открытия и контекст обоснования

культура (и природа)

ценность (и закон)

марбургская (логическая) школа неокантианства

мотивация действия

номологический («устанавливающий законы», генерализирующий, обобщающий) метод

оценка и отнесение к ценности

«Почему я ошибаюсь именно таким образом?»

Риккерт (Rickert H.)

социальное действие (целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное, аффективное)

Джеймс У. (James W.)

Дьюи (Dewey J.)

операциональность

Пирс (Peirce Ch.)

последствия применения значения

Рорти (Rorty R.)

семиотика

чистый опыт

внетеоретические факторы знания

дисциплинарная матрица

жесткое ядро и периферия

конвенционализм

кумулятивное развитие знания

Кун (Kuhn T.S.)

Манхейм (Mannheim K.)

Мертон Рич. (Merton Rich.)

научная революция

научно-философская программа

несоизмеримость парадигм

обман и идеология (ноология)

обычная наука (рутинное решение головоломок)

парадигма

Полани (Polanyi M.)

понятийный аппарат

социология знания

стиль знания

этнос науки (универсализм, всеобщность, беспристрастность, организованный скептицизм)

архетип

(коллективное и индивидуальное) *бессознательное*

влечение

инстинкт

культура (и вытеснение)

терапевтическое понимание знания

Фрейд (Freud S.)

фрейдомарксизм

Юнг (Jung C.G.)

отчуждение

Адорно (Wiesengrund-Adorno T.)

Франкфуртская школа / критическая теория

функциональность (инструментальность) разума

Маркузе (Marcuse H.)

Хабермас (Habermas J.)

Хоркхаймер (Horkheimer M.)

Фромм (Fromm E.)

Жижек (Žižek S.)

Альтюссер (Althusser L.)

Барт Р. (Barthes R.)

Бодрийяр (Baudrillard J.)

Бурдьё (Bourdieu P.)

воля к знанию

габитус

Гидденс (Giddens A.)

Деррида (Derrida J.)

дискурс

дискурсивный анализ

идеология

критический и генеалогический методологический ансамбли

коммуникация (обмен)

модель

Лакан (Lacan J.)

непрозрачность дискурсов

означаемое и означающее

язык и речь

плоскость сопоставления дискурсов

размыкание структуры в контекст

структура

Фуко (Foucault M.)

эпистема

Вельш (Welsch W.)
Гваттари (Guattari F.)
деконструкция
дефундаментализм
диалогизм
Делёз (Deleuze G.)
интертекстуальность
ирония, цитатность, пастиш, множественное кодирование
конструктивизм
Лиотар (Lyotard J.-F.)
логоцентризм
метанарратив
постмодерн
постмодернистская чувствительность (эстетика)
прерывность
радикальный плюрализм
симулякр
случайность
эстетизация знания

Третий блок: логика герменевтики в гуманитарном знании

аналогия
Вико (Vico G.V.)
здоровый смысл
историзм (историцизм)
конгениальность / консубстанциальность
человеческая природа
«филология» (у Вико)

Дильтей (Dilthey W.)
интроспекция
интерсубъективность
интуиция
общезначимость
понимание – объяснение – описание
Шлейермахер (Schleiermacher F.D.E.)

Шопенгауэр (Schopenhauer A.)
эмпатия (вчувствование, сопереживание)

Гадамер (Gadamer H.G.)
герменевтический круг
интерсубъективное конструирование значения

Бергер (Berger P.)

Лукман (Luckmann T.)

Шюц (Schütz A.)

коммуникативный дискурс

Рикёр (Ricoeur P.)

теория исторической традиции Х.-Г. Гадамера и акцентирование мысли о самостоятельности («риторико-антропологической») формы разума и коммуникации, ориентированной не на прогресс и инструментальный контроль, а на диалог и воспроизводство идентичности
экзистенциализм

*Часть 3. Понятия и объяснительные конструкции,
резюмирующие отдельные позиции и идеологию
концепции курса по методологии гуманитарного знания*

Специфика гуманитарного знания

Гуманитарная гносеология как поиск компромисса между научной строгостью и методичностью, с одной стороны, и экзистенциальной значимостью, доверием интуитивным озарениям и «здоровому смыслу» – с другой.

Промежуточные – собственно гуманитарные – варианты: такая предпосланная онтология, которая легитимировала бы недостоверное – умозрительное или интуитивное – познание.

Концепты «здорового смысла» и «конгениальности» («консубстанциальности») как легитимация права исследователя высказывать гипотезы о предмете изучения по аналогии с ним и в силу принадлежности к единому смысловому пространству (языка и/или истории).

Легитимация права исследователя на суждения в областях, недоступных для доказательного знания (но представляющих экзистенциальную важность).

Проблематизация и теоретическая контекстуализация обыденной жизни.

Аппарат описания гуманитарной гносеологии

эксплицитное содержание и имплицитная гносеология
язык описания и обсуждения теоретических конструкций
словарь высказываний, имплицитные предпосылки и цели
нагруженность категориального аппарата историко-культурным контекстом и реконструируемые по тексту интересы, аксиомы и допущения, стоящие за его содержанием
легитимация исследовательской методологии
различение 1) эксплицитного содержания гносеологической гуманитарной концепции; 2) (неосознаваемых) предпосылок и следствий; 3) риторического оформления концепции
способы перехода от тезиса к тезису, от данных (источников, первого впечатления, основанного на здравом смысле и/или на «консубстанциальности») к концепции
ключевые категории
сортировка (по отслоению риторики) аргументов
относительность (= перспективы; = не-наивность) собственной позиции
медленное чтение
взаимосвязь устройства предмета и способа его исследования
переконцептуализация эмпирического материала в соответствии с заданной (например, гносеологическими требованиями) предпосланной онтологией (увидеть предмет как текст, как структуру, состоящую из ряда жестко взаимосвязанных элементов, как систему обмена единицами значения)
типичные клише гуманитарной мысли
степень включенности наблюдения
чередование и сочетание разных методологий в рамках одного исследования
сходное содержание за изменяющейся риторикой
зависимость содержания высказывания от его контекстов
взаимосвязь между объяснительными ресурсами концепции, ее предпосланной онтологией, легитимирующим эту онтологию арсеналом допущений и предпочитаемых риторических фигур, социально-

этическими пристрастиями и социальной организацией знания
логический план – схема сложного гуманитарного исследования
взаимосвязь между содержанием концепции, представлением исследователей о социальных параметрах производимого знания и о возможностях взаимовлияния знания и социальной организации, а также методологическим оптимизмом или пессимизмом в отношении перспектив исследования

этические импликации гуманитариев

Объяснительные конструкции

Эксплицитное и имплицитное в гуманитарной методологии

исследование как сочетание «классических стратегий» и соответствующей им риторики

обратная пропорция между детализацией исследовательской процедуры и теоретически непротиворечивой и амбициозной методологией

логика взаимосвязи между системой представлений и культурным горизонтом, властью и знанием, знанием и этическим (социально-критическим) действием

связи между определенными гносеологическими теориями и соответствующими логико-риторическими предпочтениями исследователя (например, механицизм, индуктивность и риторика нейтральности позитивизма или структурализма vs. предпочтение суждению по аналогии и консервативному признанию собственной субъективности у представителей герменевтической стратегии)

Топография гуманитарной гносеологии

Карта гуманитарной гносеологии и возможность выделять ее «натуралистический полюс». Представление о сравнительной свободе выбора исследовательской позиции между аналитизмом и интуитивизмом и обременительности набора условий, которые сопровождают этот выбор.

Перенос аналитической программы на гуманитарное знание.

Механика применения неопозитивистской процедуры к социальному, текстологическому и гуманитарному знанию.

Логика «подозрения», даже если объяснение кажется естественным, истинным и благотворным.

Гносеологическое (уточнение методологии – Манхейм и Шюц), эмпирическое (Мертон и Кун) и социально-критическое (Франкфуртская школа, Альтюссер) направления социологии знания.

Логическая критика (релятивизм Юма и априоризм Канта, британский лингвистический анализ, фальсификационизм). Культурно-историческая (неокантианцы, Вебер, социология знания) и социальная (марксизм, Манхейм, Франкфуртская школа, Фуко, постмодернизм) критика. Антропологическая (психоанализ, Фуко, Полани) критика.

Приложение 5
СХЕМЫ

*1. История гуманитарной гносеологии как соотношение
идеологий гуманитарного исследования*

<i>Критическая</i>	<i>Позитивистская (доказательность, кумулятивность, методичность, атомарность)</i>	<i>Умозрительная и герменевтическая</i>
	<p>Формирование представлений о доказательном знании и о методе как средстве объединять усилия и накапливать знание – XVII в.</p>	
Критика картезианских претензий на рациональное объяснение всего – Вико.		<p>Кристаллизация у Вико характерных гуманитарных клише. Представление об оригинальной гуманитарной методологии и о средствах исследования свободного человеческого поведения.</p>
Фундаментальная гносеологическая критика XVIII в. – Юм, Кант.	<p>Позитивистская попытка предельной детализации исследовательской процедуры. Очищение научного языка. Социальная организация знания.</p>	<p>Непозитивистские проекты получения знания: 1) спекулятивное изобретение мира, в котором достижение знания не потребует эмпирической рутины (Гегель); 2) интуитивистские стратегии.</p>
Типология способов	Надежды на сохране-	Компромиссы (как пример –

критики надежды на доказательность.	ние доказательности и рационалистичности путем сужения территории – неопозитивизм и Поппер.	У. Дрей, А. Шюц, позднее – П. Рикер). Исследователь между полюсами надежды на доказательность знания и необходимости ее логического отрицания. Теории «жизненного мира», «естественной установки» как отправного горизонта знания.
1. Историко-культурная относительность знания: Рикерт и представление о ценностях; Вебер и представление об идеальном типе.		
2. Прагматизм и перепределение представления об истине.		
3. Социология знания.		
Появление логики «эры подозрения» (марксизм, ницшеанство, психоанализ).	Множество психоаналитических и марксистских конструкций – как натуралистического, так и спекулятивного и – в случае психоанализа – герменевтического плана.	
Обман кроется именно в том, что выглядит наиболее убедительным и привлекательным образом.		
	Структурализм (вместе с «соседними» стратегиями – формализмом, семиотикой, теорией систем и т.п.).	Теории социального конструирования реальности. Теории габитуса, диспозиций, двойной структуры – попытки синтеза интенциональности и структур.
Постструктуралистский релятивизм. Фуко. Постмодернистская критика.		Новая (феноменологическая) жизнь антирационализма. Антирепрезентационизм (от Гуссерля и Хайдеггера к Деррида и Делезу).